

Сибирскій

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

L'OBSERVATEUR SIBÉRIEN.

(ВЫХОДИТЬ ДВѢНАДЦАТЬ РАЗЪ ВЪ ГОДЪ).

Книга 11.

ТОМСКЪ.

Паровая Типо-Литографія П. И. Макушина.

1901.

[illegible]

Дозволено цензурою. Томскъ, 5 декабря 1901 года.

Приангарскій край въ этнографическомъ отношеніи.

(Продолженіе, — см. кн. 6 за текущій годъ).

Примѣты у приангарскаго населенія, какъ и у всѣхъ младенческихъ народовъ, безпрекословно подчиняющихся окружающему ихъ міру и приписывающихъ каждому явленію и предмету сознательную волю, играютъ доминирующую роль въ жизни. Народъ въ сі ей вѣковой жизни предоставленный самому себѣ, подъ вліяніемъ наблюденій, вѣрованій и предрасудковъ, создалъ массу примѣтъ. Нѣкоторыми изъ нихъ, имѣющимися въ нашемъ распоряженіи, мы и подѣлимся съ читателями.

Такъ ангарскіе крестьяне говорятъ, что если усъ чешется, то получишь гостинцы. Надо сказать при этомъ, что въ обычаѣ крестьянъ посылать роднымъ, живущимъ въ другой деревнѣ, гостинцы съ кѣмъ либо изъ попутныхъ.

Если первый громъ ударилъ до ледохода, то не будетъ въ рѣкѣ бѣлой рыбы. Если много черной утки, то будетъ много красной рыбы. Если появится много рябчиковъ, то быть весною сильной водѣ. Если бѣлка, попавъ въ плашку, хвостъ закинетъ на нее, то къ дорогой цѣнѣ. Если лебеди долго не улетаютъ, то быть долгое время теплу. Если въ рѣкѣ осенью большая вода, то и весной такая же будетъ. Если на Рождество или на Пасху выпадетъ снѣгъ—къ хорошему году. Переносье чешется—къ покойнику. Глаза чешутся—къ слезамъ. Правая ладонь чешется—деньги получаютъ, лѣвая—отлавать. Правая бровь чешется—къ дорогому гостю лѣвая—къ худому. Кончикъ носа чешется—вино пить или плакать. Если у беременной женщины правая ноздря чешется—родится парень. Правая подошва чешется—къ хорошей дорогѣ, а лѣвая—къ худой. Лобъ чешется—здороваться будетъ. Языкъ „стрекчетъ“ (царапается)—съ постороннимъ человѣкомъ говорить. Въ лѣвомъ ухѣ звенить—кто нибудь хулить. Сѣра кипятъ въ ушахъ—къ теплу. Если въ лѣвомъ глазу „живая руда“ (кровь въ вѣкѣ) играетъ—къ худу, въ правомъ—къ радости. Нечаянно ногу прижать къ дверямъ—къ гостямъ. Рѣдкіе зубы у человѣка—признакъ ворчливости. Ногти цвѣтутъ—къ обновѣ или переменѣ жизни. Обувать правую ногу прежде—зубы болѣть будутъ. Зеркало разбить—къ худу. Ложка забытая на столѣ—къ гостю. Не пинай собаку—судорги потянутъ. Платье на себѣ зашивать—пришьешь память. За ужиномъ хлѣба не ѣсть—будетъ не споръ. На закатѣ солнца хлѣбомъ и деньгами не ссужаютъ. Когда солнце закатилось, не бросай соръ на улицу—пробросашься. Передній уголъ или матица треснетъ—къ худу. Если матица расколется спереди (къ окнамъ)—хозяинъ умретъ; если сзади—умретъ хозяйка. Если гробъ не въ мѣру великъ—быть въ домѣ еще покойнику. При кончинѣ человѣка ставятъ воду на окно, чтобъ душа обмылась. Кошка моется—гостей ворожитъ. На большіе праздники и утромъ въ праздникъ изъ дому ничего не даютъ, боясь принести этимъ въ чемъ либо ущербъ себѣ. Когда уѣзжаютъ сѣять, тоже ничего не даютъ, опасаясь лишиться урожая. Шубу на изнанку надѣть—битому быть. Если лѣвая оборка у бродня развяжется, то хулятъ, а правая—хвалятъ. Лѣвое ухо горитъ—къ хулѣ, правое къ похвалѣ. Если муку или мельницу во снѣ увидать—на охотѣ

ничего не добудешь. Если на сохатаго пойдешь, да увидишь во снѣ коней—къ добычѣ. Пѣтухъ не во время поетъ—къ худу. Если икается, то поминають. Мѣшкомъ руни не утирай—заусеницы будутъ. Если въ печи молоко на огонь прольешь, то отыметъ молоко у коровы. Мыши изгрызутъ платье—къ худу. Если зимой появятся мухи въ домѣ, то деньги будутъ копиться. Если въ Христову заутренню собаки лають, то будетъ много разныхъ звѣрей. Печь или цѣло провалится—къ покойнику. Икона упадетъ—къ нему же Пиво во снѣ увидишь—тоже къ покойнику. Поперхнется за обѣдомъ—кто-то спѣшитъ. Если два куска укусишь, то кто-то голоденъ. Нога встрѣтитъ—худо будетъ. Сѣру изъ рта отдать—память потеряешь. Калачикъ въ печи перевернется низомъ вверхъ—гости будутъ. Сажа горитъ или уголь изъ печи выскочитъ—гости будутъ. Если бѣлье починяешь, да на ниткахъ узлы вяжутся, то хозяинъ бѣлья долго проживетъ. Сорока на избѣ—къ гостямъ. Курицы клокчутъ—тоже. Самоваръ поетъ или плыветъ—тоже. Если дѣвица, метя полъ, сядетъ отдохнуть, не окончивъ работы, то ей говорятъ: мети, мети, а то мужъ послѣ побьетъ—побьетъ, отдохнетъ, да опять начнетъ бить. Если дѣвица мететъ нечисто—женихъ будетъ бородатый; если чисто—безбородый. Если дѣвица, „хлебная“ что либо, нальетъ на столъ—женихъ будетъ пьяница. Если дѣвушка по постнымъ днямъ ѣстъ „молосное“—женихъ будетъ кривой. Если мужъ отправляется въ дорогу, то хорошая жена не должна въ день отправки плакать, чтобы не лишить мужа удачи и счастія. При отъѣздѣ кого-либо въ дальній путь комнаты не метутъ. Если осина мохнато цвѣтетъ, то овсы родятся хорошіе. Если, отправляясь на промыселъ, дѣвушка перебѣжитъ дорогу—удачи не будетъ, лучше ворочайся домой. Тетеръ или куръ видѣть во снѣ—къ худу. Чтобы узнать какой посѣвъ будетъ лучшимъ берутъ три первыя яйца, снесенныя молодой, и вѣсятъ ихъ; которое яйцо будетъ тяжелѣе, тотъ сѣвъ будетъ тяжелѣе и будетъ лучше. Если въ первой, пойманной весной, шукѣ макса чиста—хлѣбъ будетъ хорошій; если же въ ней кровяныя жилки хлѣбъ родится худой. Большіе навѣсы снѣга на пняхъ, деревьяхъ и крышахъ—къ хорошему году. Бурундукъ клокчетъ—къ дождю. Лягушку раздавишь или убьешь—дождь будетъ. Дятель въ дерево сильно стучитъ—къ дождю. Если дерево безъ вѣтру упадетъ—кто-нибудь умретъ. Если весной увидать въ первый разъ плишку (трясогузку) летающей высоко—высокій лѣнь уродится; если она летаетъ низко—низкій. Если чужія стельки положишь въ свои черки (обувь), получишь насморкъ. Сонъ, видѣнный на праздникъ, всегда исполняется. Безъ огня ѣстъ—дѣти будутъ вороваты. Если у человѣка на головѣ разнаго цвѣта волосы—то онъ счастливый. Морду (снарядъ для ловли рыбы) лучше всего плести во время полнолунія—рыба лучше идетъ; въ морду же, сплетенную на ущербѣ мѣсяца, рыба плохо ловится. Всякое дѣло лучше начинать при полномъ мѣсяцѣ. Если пѣтухи вечеромъ запоютъ—будетъ переменна погоды. Свинья, таскающая во рту палки или солому—къ ненастной погодѣ. Собака катается—къ вѣтру. Воробьи топорщатся—къ переменѣ погоды. Когда лучина горитъ да посвистываетъ—къ вѣтру. Если кушечекъ изъ рта въ блюдо упадетъ—къ гостямъ. Мѣсяцъ въ кругу—къ теплу. Мѣсяцъ въ первую или послѣднюю четверть сгонитъ прямо, на бекрень—къ морозу. Если рогъ мѣсяца лежитъ—къ теплу. Если солнце имѣетъ съ обѣихъ сторонъ красныя полосы или, какъ говорятъ крестьяне, „солнце въ рукавицахъ“—къ морозу. Радуга—къ дождю. Если при горѣніи лучины уголь долго не отпадаетъ—къ теплу. Курица клювомъ стучитъ объ шестокъ—къ морозу. Противъ сердца чешется—на раслину говорятъ про тебя. Не плачетъ за столомъ, такъ наплачется за столбомъ—говорятъ такъ, когда невѣста при просватаньи не плачетъ. Если горящая лучина со свѣтильни упадетъ и, вставъ стоймя, будетъ горѣть—будетъ рѣчь о покойникѣ. Зубы считать—выпадутъ. Если запряженный конь, когда ѣдутъ срататься, нагадитъ—невѣсту выезжаютъ. Если женщина прижметъ къ двери подолъ платья—въ свахахъ ей не бывать. Если вскроешь чашку да она забрякаетъ—къ гостямъ. Если съ 6-го декабря до 17 января стоитъ холодная, сухая погода, то и съ вешняго Никола до 15 іюля простоятъ хорошая погода. Если зима стоитъ сильно холодная—лѣто будетъ очень жаркое, засушливое. Если зимой отъ холоду земля трескается, то лѣтомъ она будетъ трескаться отъ засухи. Свины зимой прутья тас-

каютъ—къ теплу, соломѣ къ морозу, пургѣ. Подъ копытомъ у коня снѣгъ налипаетъ—къ теплу. Если курица днемъ поетъ—къ покойнику. Если свадьба выѣзжаетъ когда идетъ снѣгъ—къ добру. Если въ Евдокію (1-го марта) день будетъ теплый весна будетъ теплая. Какой утренникъ 9-го марта—всѣ 40 утренниковъ будутъ такіе. Красная багровая заря вечеромъ—къ низовому вѣтру. Если у дѣвушки шея мохнатая, то дѣтей и, въ особенности, дочерей будетъ много. Если при отправленіи жениха за невѣстой идетъ снѣгъ—хорошій признакъ. Если во время пасхальной заутрени тихо въ деревнѣ, собаки не лаютъ—годъ будетъ тихій, спокойный и звѣря чернаго будетъ мало. На порогѣ сидѣть—спина будетъ болѣть. Если холостой будетъ сидѣть—невѣсты любить не будутъ. Если въ день Сидора (15 мая) день будетъ хорошій—огурцы родятся хорошіе, и наоборотъ. Если 1-го мая день будетъ хорошій, ясный и теплый—весна будетъ такая же; если день вѣтряный, то и весна вѣтряна. Если 1-го іюня ясный день, то первый сѣнокосъ съ Петрова дня будетъ ведренный. Если на покровскую субботу выпадетъ снѣгъ, то и дмитріевская суббота будетъ въ снѣгу.

Если у кого, будучи въ гостяхъ, оставишь вещь—еще придется бывать тамъ. При выборѣ щенковъ бросаютъ ихъ подъ гору и если который поползетъ въ гору—значитъ, щенокъ добрый, а если подъ гору худой. Когда при закрытіи рѣки останутся противъ церкви или кладбища маленькія полыньи—будетъ смертность на маленькихъ дѣтей; если большія полыньи—будутъ умирать взрослые. Если нѣтъ полыней—урону не будетъ. Если рѣка встанетъ гладкою, не торосоватою хлѣба будутъ плохіе. Мухи летаютъ въ избахъ зимой—есть у хозяина деньги. Чтобы въ теченіе года не было убыли въ домѣ, на новый годъ въ люди ничего не даютъ. Роженицу въ банѣ не оставляютъ одну задавить банникъ. Въ іюнѣ мухъ въ избахъ много—бѣлки будутъ обильно.

Сибирскій, какъ и россійскій, крестьянинъ, будучи преимущественно земледѣльцемъ, а ангарскій къ тому же еще звѣрловомъ—охотникомъ, находясь постоянно въ общеніи съ природой, путемъ вѣковыхъ наблюденій и опыта, выработалъ цѣлую цѣпь, такъ сказать, метеорологическихъ наблюденій, на которыхъ онъ строитъ свою хозяйственную жизнь. Наблюденія эти или примѣты погоды чрезвычайно интересны и до крайности разнообразны, но, къ сожалѣнію, въ нашемъ распоряженіи, въ отношеніи приангарскаго крестьянина, имѣется весьма мало подобныхъ примѣтъ, которыя мы привели выше, не отдѣляя ихъ отъ прочихъ. Добавимъ лишь еще три примѣты: красная заря—къ вѣтру; если бѣлка ходитъ по землѣ—къ теплу; сидитъ на деревѣ—къ морозу.

Изъ *заговоровъ* мы приведемъ лишь два, хотя эта область должна быть обширна.

Заговоръ отъ клоповъ: когда падетъ первый снѣгъ, его вносятъ въ избу и бросаютъ три раза въ каждый уголъ, приговаривая при этомъ: снѣгъ въ домъ—клопы вонъ, или ловятъ живую лягушку, вносятъ ее въ домъ и машутъ ею въ углы, съ приговариваніемъ: эта гостыя въ домъ—клопы вонъ.

Наговоры: если горло заболитъ, то наговариваютъ до тѣхъ поръ, пока не станетъ легче: сосна, вясла, весла съѣмъ тебя съ кореньями, со всѣмъ.

Если ребенокъ не спитъ, подергиваетъ рученками и ножками, то объясняютъ это тѣмъ, что его полунощница или полуден-

щина маеть и, чтобы избавить его отъ этого, берутъ смолу и наговаривають надъ нею: „полуденщина, полунощница не дикуйся надъ младенцемъ (произносятъ имя), дикуйся надъ смолой; будьте мои слова легки, лѣпки, крѣпки“. Смолой этой потомъ мажутъ пятки, ручки, лобъ и грудь ребенка. Дѣлають еще иначе: выносятъ ребенка утромъ и вечеромъ во время зари и приговаривають: „вечерняя или утренняя зарница (смотря когда выносятъ), красная дѣвица, унеси зарница у раба Божія младенца (имя) безсонницу, безугомонницу, дикій ревъ. Будьте мои слова легки, лѣпки, крѣпки“. Послѣ этого плюють на зарю. Выносятъ такимъ образомъ на три или на шесть зорь, чѣмъ лѣченіе и кончается. Или еще такъ: сѣкутъ ребенка вѣникомъ, съ тѣмъ же приговариваніемъ.

Приговариванья: когда заплетутъ дѣвушкѣ косу, то, заворотивъ ее на голову, стукають по косѣ и приговаривають: „рости, рости коса до могучаго плеча, отъ могучаго плеча до шелковаго пояса, отъ шелковаго пояса рости коса до самыхъ пятъ—женихи торопятъ. Женихъ изъ города въ красныхъ саняхъ, голова подъ полозью, коса подъ вязью“.

Когда ушибутъ палець, то плюють на него и приговаривають: у сороки боли, у вороны боли, а у меня не боли.

Когда вынуть занозу изъ руки, то для того, чтобы она не болѣла, сѣдаютъ занозу, приговаривая: „ты меня сѣла, такъ и я тебя сѣмъ“.

Когда мѣшаютъ масло, то приговаривають: „солнце кругомъ, масло комомъ, собакѣ лакать, кошкѣ лизать“. Вынувъ масло изъ горшка, дають его лизать собакѣ, чтобы настой былъ лучше.

Чтобы воронъ не клевалъ добычу въ плашкѣ, существуетъ наговоръ, состоящій изъ трехъ словъ (какихъ—не знаемъ), которыя надо говорить въ то время, когда летитъ воронъ, причемъ нужно глядѣть на него.

Когда продавецъ продаетъ свою пшеницу, то, чтобы не отдать приплодъ въ чужія руки, т. е. чтобы не лишиться хорошаго урожая, старается незамѣтно отсыпать себѣ обратно изъ мѣшка три горсти хлѣба, со словами: „не свою пшеницу беру, а свой приплодъ у себя оставляю“. Покупатель, въ свою очередь, слѣдитъ, чтобы этого не было, но, не надѣясь на свой глазъ, продѣлываетъ такъ: пропускаетъ пшеницу чрезъ трубицу и говоритъ: „какъ въ трубицѣ зерно не остается, такъ и приплодъ у у того, у кого я купилъ зерно, не останься“.

Чтобы мыши хлѣбъ въ кладѣ не ѣли, кладутъ подъ нее шипицу и три раза приговаривають: „мышка, мышка, не ѣшь мой хлѣбъ, ѣшь шипицу да землю“.

Ворожба: чтобы узнать, выйдетъ ли дѣвушка замужъ, бѣгаютъ онѣ на „растани“, т. е. на то мѣсто, гдѣ дороги схо-

дятся, садятся на снѣгъ, очерчиваютъ вокругъ себя кругъ и, взявшись другъ съ дружкой мизинцами, замѣчаютъ: если забрякаютъ колокольцы, то къ свадьбѣ; если доски затешутъ—къ смерти; если ничего не услышатъ—ничего не будетъ.

Чтобы узнать, будетъ ли женихъ парень или вдовецъ, обхватываютъ руками, сколько можно, частоколь, а потомъ, перебирая по палкамъ слова: молодецъ—вдовецъ, смотрятъ, которое изъ нихъ падетъ на послѣднюю частоколину—тотъ и будетъ женихъ.

Чтобы узнать, какая будетъ свекровь, берутъ сковороду, наливаютъ въ нее воду и закрываютъ горшкомъ; затѣмъ, бросаютъ подъ него уголь и если вода забурлитъ, то свекровка будетъ злая, а если нѣтъ—то добрая.

Дѣвушка, желающая узнать когда выйдетъ она замужъ, идетъ ночью въ хлѣвъ и ловить овецъ. Если поймается самка, значитъ замужъ въ этотъ годъ не выйдетъ; поймавшая барана—выйдетъ въ тотъ же годъ. Чтобы узнать, будетъ ли женихъ бѣдный или богатый—подъ ворота вечеромъ сыплутъ пепель и если слѣдъ на немъ будетъ броденный, то женихъ будетъ бѣдный; сапожный слѣдъ—къ богатому жениху. Чтобы скрыть слѣды ворожбы, пепель рано утромъ убирается.

Желающіе узнать о долговременности своей жизни, въ ложку наливаютъ воды и ставятъ на морозъ. Если вода эта замерзнетъ ямкой, то это предвѣщаетъ смерть; если замерзнетъ бугоркомъ—къ долгой жизни.

Дѣвушки, мечтающія о богатствѣ, чтобы узнать объ этомъ, садятся къ амбару подъ замокъ и если услышатъ, что забрякаютъ ключи, то, значитъ, къ богатству.

Дѣвицы, когда идутъ на подблюдныя пѣсни, берутъ съ собою по тузу и куску хлѣба; окончивъ пѣніе, идутъ подъ окошки подслушивать. Если услышатъ, что говорятъ про вино или свадьбу, то, значитъ, къ замужью; если про смерть—къ смерти. Затѣмъ идутъ домой, гдѣ кусокъ и тузъ кладутъ подъ голову и говорятъ: „суженый, ряженный, приди ко мнѣ ужинать“. Кто покажется или приснится—тотъ и будетъ женихъ.

Чтобы узнать о замужествѣ, кладутъ подъ кринки уголь, кирпичъ, кусокъ хлѣба, ключи, поясъ, платокъ и бабій повойникъ; потомъ завязываютъ глаза и подходятъ къ кринкамъ; взявшаяся за кринку съ хлѣбомъ выйдетъ замужъ за пахаря, если за ключи—за богатаго, за кирпичъ—за „нужнаго“ (нуждающагося), если вынется платокъ, или повойникъ—къ замужеству, поясъ—къ дорогѣ, уголь—ребятъ будетъ много.

О судьбѣ гадаютъ еще такъ: идутъ къ свину, гдѣ садятся къ окошку, схватываясь другъ съ другомъ мизинцами, а большими пальцами закрываютъ глаза и очерчиваютъ в злѣ себя кругъ огаркомъ лучины и по-очередно слушаютъ. Если въ это время зазвенятъ колокольцы, значитъ къ замужеству, а если затешутъ доски къ смерти. А то еще берутъ кобылу, выводятъ ее на прорубь, гдѣ завязываютъ ей глаза; затѣмъ, на кобылу лицомъ къ хвосту садится дѣвица, которую три раза обводятъ вокругъ проруби и потомъ лошадь отпускаютъ на волю. Въ которую сторону пойдетъ кобыла, туда и выйдетъ замужъ сидящая на ней дѣвица.

Въ Крещенье, до заутрени, бѣгаютъ на угорь и замѣчаютъ: если сбрыкаютъ колокольцы—къ замужеству; если услышать лай или вой собаки—останется еще въ дѣвкахъ.

Въ крещенскій сочельникъ пекли сочень и съ нимъ, до свѣту, обѣгали разъ вокругъ своей избы со словами: „суженый, ряженый, встрѣть меня“. Если встрѣчались мужики—къ замужеству, никого не было—оставаться въ дѣвкахъ. Этотъ обычай, существовавшій лѣтъ сорокъ тому назадъ, теперь вывелся.

Берутъ стаканъ воды, ставятъ по сторонамъ его свѣчи, кладутъ туда кольцо и затѣмъ выливаютъ въ воду яичный бѣлокъ. Если при этомъ образуется фигура, похожая на церковь, то это—къ замужеству.

Берутъ курицу и пѣтуха и садятъ подъ квашню, на которую садится дѣвушка съ мутовкой. въ колечко насыпается зерно и ставится корытцо съ водою; затѣмъ, помѣшавъ для виду мутовкой, выпускаютъ изъ подъ квашни птицу и замѣчаютъ: если она клюнетъ зерно, то дѣвушка за богатаго выйдетъ замужъ; если птица будетъ пить воду—за пьяницу; если курица и пѣтухъ пойдутъ подъ столъ, а оттуда къ дверямъ, то гадавшая выйдетъ въ тотъ же годъ замужъ.

Берутъ гребень и подвѣшиваютъ снаружи окна и если на гребнѣ окажутся утромъ русые волосы, то и женихъ будетъ такой же и т. п.

Легенды и сказки. Въ 14 верстахъ отъ села Богучанскаго есть развалившійся утесъ, о паденіи котораго существуетъ такое преданіе: нѣсколько юртъ тунгусовъ, остановившись на лугу подъ утесомъ, вздумали ограбить церковь, но одна тунгуска, не согласившись на это, тайно пошла предупредить жителей объ опасности. Когда она возвратилась, то увидала, что утесъ обвалился и похоронилъ всѣхъ тунгусовъ подъ собою.

Выше деревни Иркинеевой, на лѣвомъ берегу Ангары, есть углубленіе въ скалѣ, называемое пещерою, гдѣ, по сказанію жителей, жилъ огненный змѣй, который леталъ въ деревни Пинчугу и Иркинееву.

Народъ говоритъ, что во время дождя падаетъ на землю какая-то студенистая бѣлая масса, облако, какъ они называютъ, которая скоро и исчезаетъ. Облако это стараются зарыть въ землю, чтобы скотъ не нанюхался или не съѣлъ его, отчего онъ пропадаетъ.

Говорятъ, что раньше рябчикъ былъ величиною съ глухаря и, когда Христосъ былъ на крестѣ, рябчикъ прилетѣлъ и испугалъ его, то Богъ сдѣлалъ рябчика маленькимъ.

Кукушка стала вить гнѣздо въ Благовѣщеніе. Богъ за это наказалъ ее, запретивъ ей имѣть собственное гнѣздо.

Вотъ легенда о происхожденіи кукушки: жили три дѣвицы и вздумали онѣ въ Благовѣщеніе заплести свои косы, за что Богъ сдѣлалъ ихъ кукушками и запретилъ имъ вить свои гнѣзда. Въ день Благовѣщенія и до сихъ поръ дѣвушки не заплетаютъ косъ.

Лѣтъ десять тому назадъ около одной деревни были сильные волки, которые страшно рѣзали скотину. Выискался одинъ поселенецъ, чтобы ихъ отвести. Поселенца этого возили вокругъ деревни, по полямъ, и онъ что-то шепталъ и крестилъ путь; затѣмъ, сказалъ, что еще надо дать волку съѣсть одну или двѣ

скотины и тогда — „шабашъ“. Съ тѣхъ поръ, какъ увѣряютъ крестьяне, волки не задавили ни одной скотины.

Вѣра въ русалокъ и лѣшихъ сильна въ народѣ. Увѣряютъ, что первыя таскаютъ въ воду скотъ. Ходитъ разсказъ, что одинъ крестьянинъ, вводя лошадь въ лодку, чтобъ ее переплавить, говорилъ первой: „чтобъ тебѣ чортъ взялъ“. Чортъ и радъ былъ тому, что ему посулили. На срединѣ рѣки онъ опрокинулъ лодку и утопилъ коня.

Разсказываютъ, что люди вступаютъ въ связь съ лѣшачихами и приводятъ такой случай, бывший, будто-бы, на рѣкѣ Мурѣ. Жилъ одинъ мужикъ въ лѣсу, имѣя скрипку, на которой любилъ играть. Игра эта понравилась лѣшачихѣ и она стала частенько посѣщать игрока, съ которымъ потомъ и слюбилась. Сблизившись съ нею, мужикъ сталъ вдвое больше добывать дичи и, такимъ образомъ, разбогатѣлъ. Вздумалъ онъ потомъ ѣхать въ деревню и лѣшачиха стала его просить, чтобъ онъ на ней женился. Мужикъ пообѣщался, но обѣщанія своего не исполнилъ, высватавъ невѣсту. Лѣшачиха не допустила до свадьбы: она явилась съ вѣтромъ — погодою и свела мужика съ ума.

Есть легенда, что многимъ людямъ являлась во снѣ Богоматерь и не велѣла носить краснаго цвѣта одежду, не ругаться, по праздникамъ не работать.

Вѣрятъ еще слѣдующему разсказу одного старика, жившаго верстъ за тридцать отъ деревень. Старикъ этотъ въ праздникъ Вознесенія Господня промыслялъ рыбу. Только что онъ легъ спать, какъ явился къ нему старецъ, въ образѣ святого, и сталъ спрашивать, — почему онъ не уѣхалъ на праздникъ домой, затѣмъ наказывалъ не работать въ день праздника и не ругаться. Въ заключеніе этихъ словъ старецъ прибавилъ: „я бы тебѣ голову заворотилъ, да оставляю тебя живымъ для того, чтобы ты разсказалъ людямъ, что отъ меня слышалъ“. Послѣ этихъ словъ старецъ исчезъ.

Въ 1893 году, когда ожидалась холера, между народомъ ходила такая басня, о которой, кажется, было даже донесеніе губернатору, какъ о дѣйствительномъ фактѣ, которому вѣрили безусловно: будто-бы, въ деревню Богучаны явились двое докторовъ съ желѣзными шурупами и склянками лекарства, предлагая его отъ холеры, а шурупами пробовали хлѣбъ по амбарамъ. Шурупы эти заключали въ себѣ ядъ и отравляли все, къ чему прикасались. Открыла все это одна баба. Пользуясь отсутствіемъ докторовъ, она скрала банку лекарства, вылила его на ломоть хлѣба и дала собакѣ. Собака отъ этого околѣла. Тогда баба заговорила, что доктора подкуплены, чтобы истребить народъ и чтобы сдѣлать мѣста просторными, такъ какъ у царя людей стало много, а земли мало.

Вотъ еще легенда: одинъ мужикъ добывалъ много дичи, племянникъ-же, ѣздившій съ нимъ, терпѣлъ неудачу. Вслѣдствіе этого онъ сталъ допрашивать дядю—отчего ему такая удача. Дядя, уступая неотвязчивымъ просьбамъ его, велѣлъ достать просфору отъ Христовской обѣдни, и когда племянникъ досталъ ее, онъ повелъ его въ лѣсъ и велѣлъ положить ее на дерево и стрѣлять въ нее. „Когда прострѣлишь ее—сказалъ дядя,—будешь тогда добывать дичь“, но, лишь только племянникъ хотѣлъ стрѣлять, вдругъ передъ просфорой повисъ крестъ, отчего у него руки опустились и онъ отказался отъ этого.

Какъ казаки завели сношенія съ тунгусами, ходитъ такая легенда: тунгусы сторонились казаковъ и, вообще, русскихъ; тогда, чтобы уловить тунгусовъ, казаки стали выѣшивать разныя бездѣлушки и, варя кашу, оставлять на дорогѣ бродячихъ тунгусовъ ея остатки. Тунгусы кашу попробовали и она имъ понравилась, а бездѣлушки взяли и ушли. Казаки въ другой разъ повѣсили послѣднія, но тунгусы, взявъ ихъ, оставили вмѣсто нихъ соболей. Такъ повторялось нѣсколько разъ. Тунгусы, убѣдившись, что имъ не вредятъ казаки, стали дружелюбно относиться къ нимъ. Тогда завелись сношенія постоянныя.

Мужикъ учился у шамана какъ удачно бѣлокъ ловить. Шаманъ, съ приговоромъ, велѣлъ ему насторожить плашки и на утро во всѣхъ ихъ попало по бѣлкѣ. Ночью-же на другой день враги, какъ называютъ чертей, пришли къ мужику и заговорили: „если ужъ ты принялъ насъ, то принимай насъ всѣхъ, а то мы задавимъ тебя“. Мужикъ испугался и на утро, побѣжавъ къ плашкамъ, съ молитвою и благословеніемъ пересторожилъ ихъ и съ тѣхъ поръ бѣлка не стала попадаться такъ удачно, какъ ранѣе.

Въ великій четвертокъ въ Карабултъ нѣсколько мужиковъ увидѣли прошедшую во дворъ волхитку. Стали осматривать ее съ огнемъ, но не нашли. Зашли въ хлѣвъ, гдѣ увидѣли пестраго быка. Они и не догадались, что волхитка превратилась въ него. Воротившись въ домъ, мужики спросили бабъ, зачѣмъ онѣ заперли чужого быка. Послѣднія увѣряютъ противное и когда мужики возвратились, чтобы осмотрѣть быка, то его уже не оказалось.

Всѣмъ этимъ, приведеннымъ нами, легендамъ и рассказамъ приангарскій народъ глубоко вѣритъ, благодаря полному невѣжеству, поощряемому отсутствіемъ школъ въ краѣ.

Загадки и отгадки. Вышелъ дѣдъ 70-ти лѣтъ, вывелъ внука старѣе себя. (Попъ съ евангеліемъ). Четыре ступицы, 4 гремицы, 2 бойца, одна маковка. (Корова). Братнина коня не поймать. (Вѣтеръ). Сестринъ поясъ не собрать. (Дорога). На морѣ рубятъ, сюда щепки летятъ. (Письмо). На улицѣ кланяется, кланяется, придетъ домой растянется. (Топоръ). Сучка вонъ нейдетъ. (Сукъ въ стѣнѣ). Соловиное гнѣздо ни въ избѣ, ни на улицѣ. (Пята у двери). Сивый конь подъ ворота глядитъ. (Мѣсяцъ). Безъ рукъ, безъ ногъ на гору ползетъ. (Вода). Безъ рукъ, безъ

ногъ Богу молится. (Очепъ). Медвѣжья лапа по подлавицѣ таскается. (Чугунка). Бѣжить свинка, золотая щетинка, хвостъ льяной. (Иголка съ ниткой). Вѣсится, болтается, всякъ за него хватается. (Полотенце). Шука въ морѣ, хвостъ на угорѣ. (Ковшикъ въ кадкѣ). Пять овечекъ зародъ подѣдають, пять назадъ отбѣгають. (Прялка и веретено. Овечки—руки, зародъ—конопля). Бѣжали овечки по калинову мосточку, увидѣли зорю, побросались въ воду. (Звѣзды). Полно корыто намыто (Огурцы). Четыре дѣвицы въ одну лунку льютъ. (Вымя). Два братца однимъ поясомъ подпоясаны. (Колья у огорода). Бѣжить волкъ вырванъ бокъ. (Зававокъ въ избѣ). Стоитъ сохатый весь дыроватый. (Полѣнница). Два волка бѣгутъ, оба на небо глядятъ. (Головки у саней). Бѣжить свинья къ овину, на обоихъ концахъ по рылу. (Сельница хлѣбная). Два борова дерутся, между ними пѣна идетъ. (Жернова). Синяя шапка вся въ заплаткахъ, кто не взглянетъ, тотъ заплачетъ. (Каменка въ черной банѣ). Сидитъ баба на брусѣ, у ней чирей на носу. (Подойникъ). Кругъ пенька золота травка. (Кольцо). На спичку не повѣситъ. (Яйцо). На избу не забросить. (Перышко). Вокругъ избы не обнести. (Вода въ рѣшетѣ). Мать толста, дочь красна, сынъ храберъ, на небеса ушелъ. (Печь, огонь, дымъ). Два кольца, два конца, по срединѣ пуговица. (Ножницы). Маленькій, горбатенькій, всѣ поля обрыскалъ, домой прибѣжалъ. (Серпъ).

За горами, за долами жеребецъ заржалъ. (Громъ). Напередъ отца дѣти родятся. (Копны). Плетъ плетена, подъ верхъ ведена, на сто угловъ, на тысячу рублей. (Церковь). Загану загадку, брошу черезъ грядку, годъ пушу, головинку жду. (Рожь). Бочка стонетъ, бояра пьютъ. (Свинью поросята сосутъ). Лежитъ доска въ болотѣ, не сохнетъ, не блекнетъ, не куржавѣетъ. (Языкъ). Старикъ терпѣлъ, сто лѣтъ копытѣлъ, на улицу выбросятъ—собаки не ѣдятъ (Горшокъ). Много рубаковъ рубятъ хату безъ угловъ. (Муравьи). Шука повура, по лѣсу ходила, лѣсъ ломила, горы становила. (Коса). Стоитъ Егорій въ полугорѣ, шестомъ подперся, шатромъ покрылся. (Суслоны). Сидѣла чайца на 70-ти яйцахъ, высидѣла чайцевъ—счету нѣтъ. (Суслоны). Берегъ желѣзный, вода дорога, рыба безъ кости. (Сковорода, масло и блины). Кожу брошу, мясо брошу, одинъ жиръ возьму. (Сокъ съ дерева). Подъ лѣсомъ колеса висятъ. (Серьги). По подполици хожу, шири-кальцо ищу—ширикаться хочу. (Скалка). На морѣ на франскомъ, подъ угломъ подъ царскомъ, два орла китайски по яичку снесли. (Жернова). Разсыпался стаканъ по всѣмъ городамъ, никому не собрать, ни поамъ, ни дякамъ, ни серебрянникамъ. (Звѣзды). Сидитъ попъ на воротахъ, голосъ до небу, хвостъ до полу. (Колокольцы). Материнъ коробъ ненюмать. (Жаръ въ печи). Стоитъ Митрошка на одной ножкѣ, крошенину крошитъ. (Свѣтильня съ лучиной). Вылетѣла птичка не больше величка, съ востренькимъ носочкомъ, сѣла на престолъ, говорила со истиннымъ Христомъ, далъ мнѣ волю во царяхъ, короляхъ, не далъ воли ни въ морѣ—океанѣ, ни въ рыбнѣ. (Комаръ). Вылетѣла птичка на Юрьевъ день (16 іюля), дерево лисье, хребетъ соболинный (Мошка). День на улицѣ болтается, ночью въ дырочку толкается. (Ставень съ засовомъ). Ходитъ по лавкѣ въ бронзовой рубашкѣ, отворилъ окошко и самъ за окошко. (Дымъ). Въ полѣ полище, стоитъ столбище, въ немъ ни сусло, ни масло и недалеко смерть (Бочка съ виномъ). За стѣной—стѣной барабанчикъ костяной. (Женщина беременная). Не стукнетъ, не брякнетъ, подъ уголъ подходитъ. (Ночь). Сидитъ баба на печѣ въ бѣлой эпанчѣ. (Чуваль). Семьдесятъ одежонокъ, всѣ безъ застежекъ, не шить, не кроить, весь въ рубцахъ. (Капуста). Сидитъ дѣвица въ темной темницѣ, коса на улицѣ. (Морковь). У тебя сербитъ, у меня сербитъ—давай посербимся. (Вшей искать). Старикъ у воротъ тепло уволокъ, самъ не бѣжить и стоять не велить. (Морозъ). Стару бабу за пупъ, да за пупъ. (Дверь). Видится да не сходится. (Полъ и потолокъ). Безъ рукъ, безъ ногъ Богу молится. (Дерево). Расчеркать, черкать, никому не собрать, ни поамъ, ни дякамъ, ни серебрянникамъ. (Лучина). Шерсть съ шерстью сходится, ночного хочется. (Рѣсницы). Зеленый лѣсъ на парня влезъ (Вѣтникъ). Лезу, лезу по желѣзу на мясную гору. (Садится на коня). Заѣхалъ въ ухабъ—не выѣхать никакъ. (Покойникъ). Стоитъ попикъ не высокъ, не низокъ, на немъ сорокъ ризокъ (Капуста). Кругъ проруби мать проведу, сестру выведу. (Оборка у бродня). Сахарный кусочикъ на блюдѣ не бывалъ, а всякъ его ѣдалъ. (Молоко грудное).

Пословицы: Съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тяжись. Вѣсъ — не попова душа. Наполнится адъ попами, дьяками да неправедными судьями. Съ того свѣта выходцевъ нѣтъ. Плохо лежить брюхо болитъ. Подалъ положишь, поближе возьмешь. Сзади сербится — теща имянинница. Вору у вора воровать — только время терять. Отчего солдатъ глазокъ: наѣлся да на бокъ. Жена не лапотъ — съ ноги не сбросишь. Не радуйся, что нашелъ и не кайся, что потерялъ. (Если разъ неудача, то другой разъ будетъ лучше). Тестъ любить честь, зять любить взять, а шуриный глаза шурить. Судьбу не обойдешь и не объѣдешь. Крѣпка тюрьма да чортъ ей радъ. За что крестьянинъ, за то и обезьяна. Одна голова не бѣдна, бѣдна голова да одна. Легокъ на поминѣ, какъ снопъ на овинѣ. Мелетъ какъ чортъ у ступы и не знаю на кого. Кто кому миленецъ, тотъ на личико бѣленецъ. Гора съ горой не сходится, горшокъ съ горшкомъ сойдется. Пенекъ наряди и онъ будетъ бравый. Въ теплу воду пальца не замочить. (Говорятъ про того, кто живетъ въ довольствѣ). Снѣгу нѣтъ — слѣду нѣтъ (Говорятъ, когда нѣтъ дороги). Хорошо панку во своемъ домку. Въ людяхъ Ананій, а дома не найдешь. (Говорятъ про того, кто любитъ гостить, а самъ не любитъ угощать). Какъ хочешь, а все одна нога короче. (Говорятъ тому, кто хочетъ быть богатымъ, да не можетъ достигъ этого). Кошкѣ смѣхъ — мышкѣ смерть. Въ которой посудѣ побываетъ деготь изъ той его не выведешь. Отдай душу въ адъ — будешь богатъ. Чужой глазъ не любой кустъ. Торговню дѣло любовно. Божье крѣпко, а вражье лѣпко. Мать дверьми, а дочь въ окно. (Говорятъ про тѣхъ, кто дома мало сидитъ). Чужая выть (ѣда) до порогу. Мотри (смотри) никому не опереди. Не плачетъ за столомъ, наплачется за столбомъ. (Про невесту, которая не плачетъ при просватаньи). Съ горя не убиться, хлѣба не лишиться. Будешь кормить мѣшкомъ, не пойдешь пѣшкомъ (Говорятъ къ тому, что лошадь надо кормить лучше). Возлѣ полозъ во весь голосъ. (Говорятъ, если не будешь кормить). Тихо — не лихо. Скоро — не споро. Скоро перстъ тычетъ слѣпо родится. Пустую бочку не натычешь, худого человека не научишь. Нѣтъ роженанаго ученаго. (Говорятъ въ отвѣтъ тому, кто говоритъ, что тотъ-то не умѣетъ дѣлать). Не отъ свата я мохната. Промѣнялъ утло на пробито. (Говорятъ про неудачную мѣну). Охота быть бѣлому — перемыться голому. Похвальщикъ на конѣ, похульщикъ на свинѣ и то сильнѣ. Обычай не клѣтка — не переставишь. Весенній путь — не дорога. Не отгонишь, гдѣ утонишь, не узнать кому дать. На брезгай черной скатертью, да плохой матерью. Лыкомъ сшита да мать. Выросла съ отца какъ дикая овца. Не пообѣдаешь, такъ не провѣдаешь (Говорятъ про дѣло, изъ котораго не знаютъ, что выйдетъ). Встань кормить, лѣнь портить. Не рокъ голову ищетъ, а сама голова на рокъ идетъ. Первыхъ щенятъ подъ гору валять. Жила бабушка — не мѣшала, умерла — гобчикъ опростала. На что кладъ, когда въ семьѣ ладъ.

Поговорки и мѣстные выраженія: Горе, что мужъ Григорій — дуракъ да Иванъ, такъ бѣжать надо. Пустой нѣтъ болтаешь, вмѣсто: чепуху городишь. Лѣсной на! (долго засидѣлась). Гости уходя домой благодарятъ за угощеніе хозяевъ, а они отвѣчаютъ: Господь на прощанье или благодаримъ за угощеніе. Благодарятъ еще такъ: „благодаримъ за угощенье, за хлѣбъ за соль, за чай и сахаръ“. Хозяева отвѣчаютъ: кушали на здоровье. Пустой нѣтъ выдумалъ, вмѣсто „что-то выдумалъ“. „Эхъ ты чужая ужня“ говоритъ про того, который не имѣетъ своего куска, а ѣстъ по людямъ. Пой, пой комаръ, придетъ первый Спасъ — уберетъ васъ. Хмѣль, что дьяволъ „Зѣвъ въ красно, чтобы я прошла“ — говорятъ ткачихѣ, вмѣсто „помогай Богъ“, желая этимъ, чтобы работа спорилась, и челнокъ опрокидывался лучше, не задѣвалъ и не рвалъ бы нитокъ.

Скороговорки: На полатяхъ якутъ, подъ полатами якутъ, въ кутѣ маленькихъ якутъ. Около мѣсяца два хвоя вѣсятъ. Колъ въ избѣ не приставить. Около ямы три хвой вялы. Стоитъ чашечка на окошечкѣ не подъявлена и не выявлена, пришелъ Васъ подъявачъ, подъявилъ, выевилъ. На угорѣ худъ, подъ горой худъ, худъ худу молвилъ: ты худъ, я худъ. Сѣлъ худъ на худа, поѣхалъ подъ худову деревню ночевать. У гоголевыхъ у всѣхъ по пуховику. Мать сковорода подлизать не дала.

Слова мѣстныя: „Болозя“ я тебя не боюсь—вѣдь я тебя не боюсь. Дивья—ладно, хорошо. Лѣсной тебя возьми. Скорее-те—скорѣе. Капочку—маленько. Однамеднись—на дняхъ. Втапоре—въ то время. Кутре—утромъ. Кто него знаетъ—кто его знаетъ. Приходи въ гости. Отвѣчаютъ: ладно, нигдѣ дѣваться. Когребъ—погребъ. Посуда—называютъ амбары. Ломѣть—ломоть. Склянка полна, напр. склянка чашка—полная чашка. Парѣ—парень. Здынъ, сапъ—бранныя слова. Пятчишь—пять. Подъ свѣты—передній уголъ. Горячка, огнева, жаба, хворосты, боль подуча—бранныя слова. Здорово ночевали—здравствуй. Закуски—это пряники и конфекты. Ухожѣ—мѣсто, гдѣ добываютъ бѣлку. Зався вмѣсто постоянно. Не бердитъ—не смотреть, не отпирается. Нагалище—родъ футляра на замкѣ ружья. Чаяль—зналь. Дрескотокъ—трескотокъ. Заправъ—зарядъ въ ружьѣ. Другорядъ—другой разъ. Кавкать—лаять. Дюжить—терпитъ. Молонья—молнія. Тошнѣ—сильнѣе. Дале—дальше. Ночесъ ночью. Бравецкій—хорошій. Змѣюха—бранное слово. Слопецъ—ловушка на бѣлку. Лѣсной тебя поведи. Натодель—нарочно. Духторы—мелкій соснякъ. Лоншакъ—жеребенокъ, не имѣющій голу отъ роду. Восподинъ—господинъ. Матера—большой лѣсъ. Харчево—припасы. Прѣсница—прялка. Ноне—нынѣ. Тожно—тогда. Хамчуры—сапожники изъ лосинной кожи съ шерстью вверхъ, безъ каблучковъ, подошвы кожанныя безъ шерсти. Мутовка—веселко. Мундулы—обувь изъ лосинной кожи съ шерстью вверхъ и голяшками до колѣнъ, подошвы кожанныя съ шерстью наружу. Унаты—тѣ же хамчуры, къ которымъ пришиты ирхи (хорьки). Однорядка—пальто изъ овчинной шерсти или сукна. Шабуръ—однорядка, обшитая холстомъ, называютъ ее еще шодонникомъ. Лузаны—тряпка, надѣваемая мужчинами на плечи, чтобы снѣгъ не попадалъ за шею и на плечи. Сады—овощи. Бухта—брюква. Кокетка—маленькій платокъ, носимый на головѣ. Ни единого—ни одного. Оборонишій—давнишній, постоянно такой. Арямужи—гачи отъ штановъ, сшитыя изъ холста, ихъ надѣваютъ сверхъ ихъ и сапогъ, чтобы снѣгъ не попадалъ за обувь. Внизу они около сапогъ завязываются, сверху прикрѣпляются къ поясу; носятъ только на охотѣ. Комиссаръ—засѣдатель. Кіоднъ—палка съ крюкомъ вверхъ, а внизу ея кружокъ, чтобы не вязла въ снѣгу, крючокъ для того, чтобы идя на лыжахъ, держаться за дерево. Употребляется на охотѣ. Бакари—обувь, сшитая изъ сукна, а подошва кожанная. Черки—обувь кожанная безъ голяшекъ. Бродень—черки съ голяшками. Слѣпецъ—непроходимая чаща. Загорки—горѣлое мѣсто. На-топорникъ—футляръ для топора при верховой ѣздѣ. Животь—пискаръ. Съизмалешинка—съ пзмала. Чумница—слѣдъ отъ мышей. Поняга—деревяга, надѣваемая на спину при отправкѣ въ лѣсъ, къ деревьямъ этой привязываютъ припасы. Вискоръ—вывороченное дерево. Рукотерникъ—полотенце. Рушникъ—платокъ. Очепъ—деревянная жердь, на которую подвѣшиваютъ зыбку, люльку. Исподки—рукавички шерстяныя. Стамовая пружинка—которой спускаютъ куроку, Хребтина—веревка, къ которой привязываютъ крючки съ поводками для ловли рыбы. Якорная—веревка у якоря. Хвостецъ—веревка, которой прикрѣпляется наловъ къ хребтинѣ. Игрище—сборище дѣвокъ и парней для пляски и пѣсенъ. Прокаверзять—прочернить. Кажинный—каждый. Выцѣвнить—обсудить, пересудить. Эвоть—воть. Едреный—плотный, хорошій, Певрый вмѣсто первый. Зыскивать—взыскивать. Ноне—нынѣ. Кырзыцка—хлопотливая, прилежная баба. Гобець—настилка надъ подпольемъ, около печи. Супрада—помочь бабъ при пряденіи конопля или льна. Турусить—бредить. Чумакъ—сидѣлецъ. Нюхря—неповоротливый человѣкъ. Охреть—необходимая женщина. Челядь—ребятишки. Баять—говорить. Повойникъ—бабья головная повязка. Шурбчикъ—винтикъ. Сохатый—большая медвѣдица (созвѣздіе). Судаचितъ—пенять. Кулемки—пасти, ловушка на зайцевъ. Чисменка—три нитки, обошедшія мотовило кругомъ составляютъ чисменку, на одно мотовило ихъ наматываютъ отъ 30 до 40. Сновальня—снарядъ, на который сматываютъ пряжу. Тюрики—круглые юрки, на которые сматываютъ пряжу съ воробы. Вороба—крестовина, укрѣпляемая на подставку, называемой бабой. Вьюха—снарядъ, на который надѣваются тюрики. Потрепки—остатки отъ льна при трепаніи его, идутъ на мѣшки и половики.—Отрепье—остатки отъ льна, послѣ третьяго трепанія иногда замѣняютъ холстъ. Пачесы—ленъ послѣ чесанія, идутъ на холсты. Осенина—овечья шерсть, снятая передъ Рождествомъ. Позимки—также шерсть, снятая весной передъ выпускомъ въ поле.

Веснина — также шерсть, снятая передъ Петровымъ днемъ Лѣтнина — также шерсть, снятая осенью. Еретина — первая шерсть съ молодого ягненка (ягушки). — Поярки — вторая шерсть съ него-же Кружаешь — врешь. Свитить — свѣтить. Меледить — медлить. Помеледи — положи. Нинянь — молодой сохатый. Собачій слѣдъ — шампиньоны. Хайно или гайно бѣличье гнѣздо. Сима — сѣмя. Ничиля — ровно нѣтъ ничего. Сокма — слѣдъ, оставленный животнымъ по травѣ Промышленный — охотникъ. Нѣту-ка — нѣтъ. Зарница — вечерняя звѣзда Кычигие — созвѣздіе, находящееся вечеромъ на Ю. В., а къ утру на Ю. З. Подолгонасте — подлинѣе. Въ притимъ — въ упоръ Мерлога — берлога Кунпанія — компанія. Мангазея — магазинъ. Съ понаровой руки — въ свободное время. Съ голкомъ пропалъ — безъ вѣсти пропалъ. Взаболъ — вправду. Настовать — заботиться. Сокоуля — сокъ сосновый, соскабливаемый весной ножомъ съ молодой сосны въ видѣ лентъ. Сполитичнѣе — приличнѣе, лучше, удобнѣе. Даромъ — ничего для меня не значить. Подовинники — кражи на рубленныхъ дровъ для риги. Рубять ихъ изъ сухихъ стоячихъ лѣсинъ. Бультина — сокъ, наплывшій на листовниці. Она въ застывшемъ видѣ коричневаго цвѣта какъ янтарь, клейка и сладка на вкусъ Шатина — палка. Морочно — пасмурно. Согласіе — сельскій сходъ. Ранняя паужня — ѣда, когда солнце будетъ около юго-запада Ньюшай мокрый снѣгъ. Возгудаютъ — поютъ. Тварь — тунгусы. Едреная — плотная. На абатурки — перетаскиваніе лодки Сначала съ одного конца, а потомъ съ другого. Локамеи — обувь изъ оленьей кожи безъ шерсти, обшитые бисеромъ и съ голяшками до колѣнъ. Послухмянный — послушный. Волокъ — разстояніе между станками, деревнями. На проходъ — постоянно. Супенствовать — выговаривать, пенять. Родимецъ, младенка — бранныя слова. Пеленова — снѣгъ, выпавшій тонкимъ слоемъ на старый снѣгъ. Кить снѣгъ, выпавшій толстымъ слоемъ. Падера — сильный вѣтеръ. Бахтерма — жилы на кожѣ. Выть — обѣдъ или завтракъ. Выти нѣтъ — нѣтъ охоты къ ѣдѣ. На апробацію — на пробу. Жировая бѣлка — та, которая весной выводитъ дѣтей. Ходовая бѣлка — переходящая съ мѣста на мѣсто. Сенаторъ, сорщикъ, ссорщикъ — санитаръ. Мотырь — палка у коромысла, за которую прицѣпляются ушаты или ведра. Понимательно — понятно. Наѣвса, напився, одѣвса — наѣлся, напился, одѣлся. Издохратить — испортить. Мончено — коротенькій тулупъ. Пойдемъ запрягаться вмѣсто пойдемъ запрягать. Я запрегся вмѣсто я запрегъ — такъ говорятъ на рѣкѣ Мурѣ. Нухать — нюхать. Едакъ — такъ. Воротокъ — круглая съ борками перелинка, носимая на плечахъ. Претительно — противно. Ханны не было во рту — ничего не было во рту. Не выживала — не попортилась. Лонской — прошедшій. Кычунъ — мелкій мокрый снѣжокъ. Хлынцой — легкой рысью Масляницу будутъ здѣсь брать — масляницу будутъ здѣсь проводить. Зюльбо — снѣгъ, выпавшій на палецъ поверхъ наста. Наркинъ — тонкій настъ, называютъ его еще чиромъ, онъ не держитъ человѣка. Зюльбонки — собачья кожа, надѣваемая на лыжи, чтобы онѣ не шоркали по снѣгу и не пугали звѣря. Перхлица — мелкій снѣжокъ, идущій при ясной погодѣ. Бурхоны — мелкіе камешки, которые кладутъ въ слопцы для приманки глухарей Провіантъ — дробь, свинецъ и порохъ. Матиряль — матеріаль. Не сбардовать — не справиться Зимаки, зимачки — такъ крестьяне деревни Богучанъ называютъ крестьянъ и крестьянокъ, живущихъ въ деревнѣ Заимкѣ. Яркоданы. пинчугары — такъ называютъ крестьянъ деревень Яркиной и Пинчуги. Цѣловникъ — прощенный день Бравущая — сильно хорошая, Тенигусъ — небольшой подъемъ на гору Сочельникъ — суббота передъ Пасхой. До повиданья — досвиданья. Опока — алебастръ. Чапыжникъ — таволожникъ. Визиль — полевой горошекъ. Вендиръ или фитиль — родъ морды для рыбы, сшитый изъ пряжи и натянутый на обручъ. Орать — пахать. Паре — парень. Зладобредный — зловредный, Клемянникъ — племянникъ. Халудера или харла — худой хлѣбъ съ соромъ. Мужичекъ — лѣвый сошникъ у сохи, съ отваломъ. Жейка — правый сошникъ. Косвадни — надняхъ. Лѣсной съ нимъ — чортъ съ нимъ. Лѣсной водить тебя — говорятъ, когда ребенокъ что нибудь сгрезитъ Опшина — шелуха на пшениці На умѣ — я думаю (я хочу на умѣ попросить саней). Хозяинъ мужъ Еттамока — тамъ. Заводъ — снарядъ для рыбной ловли. Кича, кичка — мохнатая листовничная вѣтка. Плесо — теченіе рѣки. Кинча — окончательно. Пряга — ремень съ пряжкой, которымъ подпоясываются по рубахѣ. Головная лошадь — лучшая лошадь у хозяина. Селянскзя служ-

ба—сельская служба. Новы—иные. Новой—иной. Райна—палка, къ которой привязывают парусъ. Скуты—веревка, привязанная къ нижнимъ угламъ паруса. Возжи—веревка у паруса, привязанная къ раинѣ. Сталистѣе—приличнѣе, лучше. Звяеть—сіяеть. Довести до теримину—довести до конца. Клемають—мало-мало здоровьемъ владѣють. Куреньга—ободранная бѣлка. Обороишній—дикій, ненормальный. Мязкозобъ, мультя—пискарь. Сторонникъ—ненормальный человѣкъ, на котораго повліялъ испугъ. Ликованье—сборъ осенью и въ Петровки женами сельскихъ писарей на рѣкахъ Онѣ и въ селѣ Кежемскомъ разныхъ припасовъ въ свою пользу, какой обычай водился тамъ лѣтъ десять тому назадъ. Полипокъ—годовалый ягненокъ. Когды—когда. Обетонно—постоянно. Кто него знаетъ—кто его знаетъ.

Н. В. Скорняковъ.

Тайна Акима Акимовича.

(Фантастическая быль).

— Вотъ-съ, Акимъ Акимовичъ, та самая барышня, о которой я вамъ имѣлъ честь докладывать-съ... Онѣ окончили курсъ гимназіи съ золотой медалью-съ...

Акимъ Акимовичъ поспѣшно осѣдлалъ свой толстый, мясистый носъ въ золотое пенснэ, отложилъ въ сторону книгу дѣловыхъ бумагъ и впился своими ястребиными, пронизывающими глазами въ лицо молодой дѣвушки, одѣтой просто, но не безъ изящества и вкуса. „Барышня“ потупила глазки, слегка покраснѣла и Акимъ Акимовичъ могъ совершенно свободно разсматривать ее съ ногъ до головы. Въ лысой головѣ Акима Акимовича мигомъ обрисовался портретъ дѣвушки-просительницы: стройная, невысокая фигура, маленькія, бѣлыя руки съ розовыми ноготками, длинныя, темныя рѣсницы, изъ-за которыхъ рѣзко глядятъ потупленные сѣрые глаза, румянецъ юности, длинная, золотистая коса;—словомъ, вся она сразу, какъ въ фотографіи, запечатлѣлась въ головѣ Акима Акимовича. „Да, она очень, очень недурненькая. Надо принять!“ мысленно рѣшилъ Акимъ Акимовичъ и, глубоко вздохнувъ, снялъ съ носа золотое пенснэ.

— Э... э... э... видите-ли.. Намъ въ сущности нужна не машинистка, а переписчица.. Машинки лишней у насъ нѣтъ.. Выписали новую, поѣхалъ за ней чиновникъ; но ни чиновника, ни машинки до сихъ поръ нѣтъ.. Какъ въ воду канули... Такъ я могу вамъ предложить мѣсто переписчицы... Обладаете ли вы четкимъ, разборчивымъ почеркомъ?.. Дѣвушка не знала, что отвѣчать. Писала она недурно. Когда-то ей по чистописанію четыре съ плюсомъ ставили, но, вѣдь, то было давно, учитель-старичекъ добрый былъ... Что тутъ отвѣтить? Сказать, что пи-

шетъ хорошо, это себя хвалить, а хвалить себя, по пословицѣ, только ржаная каша... Нѣтъ... Что-же сказать.. Фу, какъ неловко!..

— Вы, можетъ быть, напишете чтонибудь вотъ на этомъ листкѣ бумаги,—видя смущеніе просительницы, любезно проговорилъ Акимъ Акимовичъ и положилъ на край стола листъ глянцевиой, бѣлой бумаги.. Присядьте, пожалуйста, и напишите...

— Чтожъ я ему напишу?.. Право, ничего не приходитъ въ голову...

— Вы напишите, не торопясь, — ну хоть.. Акимъ Акимовичъ слегка запнулся, лицо его покраснѣло, онъ прикрылъ ротъ лѣвой выхоленной рукою и улыбающимися глазами глядѣлъ на своего подчиненнаго, который привелъ ему барышню...

— Въ самомъ дѣлѣ... что же написать,—усмѣхнулся Акимъ Акимовичъ. Развѣ чтонибудь... такое... изъ области поэзіи... Да, да... Попробуйте!..

— Я, право, ничего сейчасъ не могу припомнить,—еще сильнѣе сконфузилась дѣвушка, чувствуя, что на нее зорко смотрятъ эти мужчины...

— Ну-съ, я вамъ помогу... Пишите: „Приходи, о другъ мой милый, миль свиданья часъ!..“ Затѣмъ, ваше имя, фамилія... Прекрасно.. Послѣ „о“ запятой не нужно... Вы, пожалуйста, служа у насъ, употребляйте поменьше этихъ знаковъ препинанія... Они только затемняютъ смыслъ... Такъ, вотъ-съ, милости прошу завтра пожаловать... Жалованьемъ мы васъ не обидимъ... До свиданья!

Акимъ Акимовичъ съ чувствомъ, весьма крѣпко сжалъ руку дѣвушки, подержалъ ее нѣсколько секундъ въ своей рукѣ, заглянувъ въ глаза новой служащей и, затѣмъ, проводилъ ее самой обворожительной, ласковой улыбкой..

— Какіе они милые,—думала барышня, направляясь домой. Этотъ Акимъ Акимовичъ ужасно похожъ на нашего инспектора... Такой-же.. деликатный и нѣжный...

А въ канцеляріи Акіма Акімыча тѣмъ временемъ шли приготовленія мѣста для барышни, съ чѣмъ хлопотъ было не мало...

— А куда мы ее помѣстимъ, Иванъ Сиразидиновичъ?—спрашивалъ Акимъ Акимовичъ своего подчиненнаго..

— Придется убрать-съ когонибудь...

— Кого-же?..

— Право, я затрудняюсь Акимъ Акимовичъ, всѣ съ протекціей-съ..

— Да, положеніе, я вамъ скажу... Веснушкину нельзя двинуть съ мѣста: у нея мужъ бухгалтеръ.. Ветошкину—тоже.. родство большое и связи... Вотъ развѣ эту изъ „фантазіи“...

Вѣдь, она въ горничныя не годится, — бѣлья грязнаго не запишетъ... Видѣлъ нынче: пишетъ *съ вободный, возъ ращаюсь*... Это чортъ знаетъ что такое!..

— Ихъ нельзя, — сладко запѣлъ Иванъ Сиразидиновичъ: у нихъ тутъ есть „опекунъ“-сь..

— Кто же этотъ болванъ?

Иванъ Сиразидиновичъ прошепталъ надлежащее имя начальнику на ухо.

— Ну, я такъ и зналъ... Этотъ болванъ только у горничныхъ и пользуется успѣхомъ... Съ трехъ квартиръ изъ-за этого съ полиціей выдворяли... Но кого же убрать?..

— Кого прикажете-сь...

Акимъ Акимычъ задумался, потеръ свой лоснящійся лобъ рукою, вздохнулъ и, наконецъ, придумалъ:

— Какъ этотъ у васъ... Лохматый такой, грязный пиджа-чишка... Какъ его... Воронковъ, Жеребцовъ — не помню...

— Ага! вѣроятно — Сивковъ-сь?

— Да, да, вѣроятно... Вотъ вы его и смахните... Ну, его къ чорту. Мимо него ходить опасно... Еще насѣкомыхъ подцѣпишь...

— Слушаюсь!.. А какъ мотивировать? — превращаясь въ слухъ, спросилъ Акима Акимовича его подчиненный.

— Мотивируйте тѣмъ... Гм! Гм! Хе... получили, молъ, циркуляръ уменьшить штаты... Только знаете что: потихоньку ему скажите, безъ свидѣтелей, а то опять въ газеты попадемъ.. И какая это каналья соръ изъ избы выносить... Ужъ дознаюсь я — и не постѣснюсь своеручно — въ морду-сь... Да! у меня былъ такой случай... Штрафомъ отдѣлался, а закатилъ...

— Да. Акимъ Акимычъ, я самъ замѣчаю, что все, что у насъ дѣлается, въ газетѣ все знаютъ.. Откуда — не придумаю...

— Подлый народъ пошелъ... Надо будетъ принять мѣры... Совѣтовалъ мнѣ тутъ одинъ человѣкъ послѣ cadaго пропечатыванія штрафовать всѣхъ служащихъ, — да опасно... И за это пропечатаютъ... Нѣтъ, мы найдемъ мѣры иныя... Вы вотъ почаще перебирайте всѣ бумажки, которыя остаются на столахъ послѣ занятій, — авось накроемъ..

— Я для этого особаго служащаго взялъ... бывший окологочный.. бестія парень.. такъ и шнырять...

— Ну, вотъ, это прекрасно... Такъ вы этого Кобылина...

— Т.-е. Сивкова, Акимъ Акимовичъ...

— Ну, Сивкова. Пожалуйста, сегодня-же шарахните, а барышню къ Рихровскому не садить; отъ него подальше... Онъ, ловкая бестія, умѣетъ туры на колесахъ разводить, а она барышня еще молоденькая, глупенькая... Нѣтъ, вы ее посадите отдѣльно... рядомъ съ моимъ кабинетомъ, а регистратора оттуда убрать... а то тоже, пожалуй, поухаживать вздумаетъ... Артисты!..

Акимъ Акимовичъ послѣ сдѣланныхъ имъ распоряженій почувствовалъ себя совершенно спокойно. Онъ „отпустилъ“ Ивана Сиразидиновича для исполненія распоряженій, а самъ, развалясь въ мягкомъ штофномъ креслѣ, закурилъ дорогую сигару и въ легкой дремотѣ думалъ:

— Недурна... Впрочемъ, въ 19—20 лѣтъ всѣ хороши... Молодость, свѣжесть... Молодецъ у меня Иванъ Сиразидиновичъ... Мигомъ откапаетъ!.. Чтожъ, я еще не особенно старъ. Въ мои годы женятся и влюбляются еще чаще, чѣмъ въ юности... хе-хе!.. Зимой—предложу въ театръ, лѣтомъ—дача... Хорошо...

Ароматный дымъ сигары совсѣмъ отуманилъ голову Акима Акимовича и онъ до конца службы продремалъ на своемъ *посту*, совершенно забывъ о томъ, что передъ нимъ лежатъ кипы дѣловыхъ экстренныхъ переписокъ.

II.

Барышня съ восторгомъ говорила мамѣ о томъ, какъ ее приняли на службу. Такіе тамъ хорошіе люди. Жалованьемъ не обидятъ, а, вѣдь, имъ съ мамой только этого и нужно,—чтобъ за квартирку заплатить, въ лавочку, да послать въ Питеръ Колѣ,—ну, хоть пять рублей; онъ тамъ, говорятъ, бѣдствуетъ; уроковъ нѣтъ, передъ экзаменами отказался, а за лѣто скопленныхъ на зиму не хватило. И ничего не пишетъ. Знаетъ, что ни у сестры, ни у мамы ничего нѣтъ... Вотъ теперь другое дѣло... У сестры есть мѣсто. Она подѣлится; сначала немного посылать будетъ, а тамъ—скопить и пошлетъ въ Питеръ... пошлетъ сто рублей... Скопить не долго, —откладывать по 10 руб. въ мѣсяцъ —вотъ тебѣ черезъ 10 мѣсяцевъ и 100 рублей.. А имъ съ мамой немного нужно... какихъ нибудь 20 руб., мама получаетъ пенсіи 8 р. 43 к. въ мѣсяцъ.

Барышня была очень довольна поступленіемъ на мѣсто и на другой день чуть не съ 4 часовъ утра стала собираться на службу.. Что-то дадутъ ей переписать!.. Навѣрное какую нибудь длинную умную бумагу и все въ ней будутъ цифры, разные ученые слова...

Страшно барышнѣ.. А вдругъ она не сумѣетъ переписать... Вдругъ кляксу сдѣлаетъ или не то слово напишетъ... Нѣтъ, нѣтъ, она будетъ внимательна...

— Вѣрочка, да ты зачѣмъ это бѣлый передникъ-то надѣла? спросила приготовившуюся итти на службу дѣвушку мать.

— Ахъ, я и забыла... Ха, ха, ха!.. Какая я разсѣянная сегодня... Совсѣмъ какъ въ гимназію собралась... Фу, опять переодѣваться надо. Мама, ничего, если я въ коричневомъ платьѣ пойду?..

— Конечно, ничего... Сѣрое то у тебя совсѣмъ никуда не годно... Вотъ получишь жалованье, пойдешь — купимъ матеріи...

— Милая, милая, я тебѣ такую кофту заведу, такую... да, вотъ, какъ у Софыи Ивановны..

— Ну, нѣтъ, у нея слишкомъ модная, я не люблю... Отвыкли мы франтить-то еще съ молода, а теперь и, подавно, не къ чему...

Ну — иди, а то опоздаешь... Вѣдь, половина девятого...

Вѣрочка быстро надѣла шляпку и пошла къ дверямъ...

— Пстой, — остановила ее мать... пстой... И старушка близко подошла къ дѣвчкѣ, перекрестила ее и, посмотрѣвъ на нее долгимъ, любящимъ взглядомъ, со слезами на глазахъ прошептала:

— Безъ Бога — ни до порога... Ну, иди, иди, а то опоздаешь...

* * *

Вѣрочка переписывала бумаги положительно съ благоговѣніемъ, точно священнодѣйствовала. Съ оригиналовъ она осторожно сдувала всякую пылинку, красѣла, когда, случайно перегнувъ бумагу, сдѣлаетъ на ней складку и приходила въ сильное волненіе, если возлѣ нея сильно жужжать надоѣдливыя противныя мухи... Ни лишней запятой, ни лишней большой буквы не писала она въ бумагахъ; всѣ онѣ были изображаемы Вѣрочкой „съ подлиннымъ вѣрно“...

Акимъ Акимовичъ изрѣдка заходилъ въ канцелярію Вѣрочки; переписывать бумаги ей приносилъ Иванъ Сиразидиновичъ, всегда любезный, разговорчивый, раздушенный, одѣтый съ иголки...

— Вотъ это-съ, Вѣра Петровна, перепишите сейчасъ-же... тутъ экстренно, — говорилъ онъ Вѣрочкѣ, передавая бумагу. Не торопитесь, впрочемъ, скоблить нельзя-съ.. Вѣрочка красѣла и конфузилась, но не возражала, хотя ей крайне обидно было, что Иванъ Сиразидиновичъ можетъ думать, что Вѣрочка перевернетъ бумагу... Развѣ она когда перевирала... Никогда! Ей никто никакихъ замѣчаній не дѣлалъ... Акимъ Акимовичъ такой добрый, придетъ и похвалитъ: „хорошо, барышня, мы васъ имѣемъ въ виду“, — и уйдетъ... Разъ даже присѣлъ возлѣ Вѣрочки и любовался ея почеркомъ... Конечно, Иванъ Сиразидиновичъ говоритъ такъ потому, что ему, вѣроятно, другіе перевираютъ... Другіе — но не Вѣрочка...

Вообще, Вѣрочкѣ жилось и служилось совсѣмъ не такъ, какъ прежде. Теперь ей не надо учить уроковъ самой и не надо бѣгать послѣ обѣда, чтобъ учить другихъ за какіе нибудь 3—5 р. въ мѣсяцъ. Вѣрочка и ея мама совершенно теперь обеспечены и жизнь ихъ идетъ спокойно, тихо, безъ всякихъ непріятностей. Вѣрочка завела себѣ платье; копить начинала 100 руб. для брата; но онъ написалъ, что нашелъ уроки, а потому зачѣмъ ему ея сто рублей!., Вѣрочка завела себѣ швейную

машинку, но работать на ней не научилась: это ей показалось скучнымъ, утомительнымъ, трудъ швей оплачивается такими же грошами, какъ и уроки,—на машинкѣ стала работать старуха мать,—но она работаетъ не ради денегъ, денегъ у нихъ на все хватаетъ, а такъ—на свѣчку Богу...

Вѣрочку не утомляли канцелярской работой, не дѣлали ей ни выговоровъ, ни замѣчаній,—напротивъ, ее часто поощряли похвалами, а одинъ разъ, это было уже осенью, самъ Акимъ Акимовичъ принесъ ей для переписки бумагу,—положилъ эту бумагу на столъ и сказалъ:

— Вы, Вѣра Петровна, прекрасно переписываете... Съ новаго года мы вамъ отвѣтственное мѣсто дадимъ и окладъ жалованья увеличимъ вдвое... Только... Перестаньте быть ребенкомъ, пора вамъ, не гимназія здѣсь... И Акимъ Акимовичъ добавилъ:

— Трудитесь, хорошая моя, трудитесь, я все для васъ сдѣлаю... Вѣрочка почувствовала, что мягкая бѣлая рука Акима Акимовича тихо легла на ея волосы и погладила ихъ... Вѣрочка вспыхнула... Что это! оскорбленіе, дерзость, нахальство...

— Нѣтъ, нѣтъ!.. тотчасъ-же быстро подсказалъ ей внутренній голосъ: нѣтъ, нѣтъ, онъ желаетъ тебѣ добра, онъ старичекъ добрый, онъ ласкаетъ тебя, какъ свою дочь... Онъ добрый, добрый... Окладъ увеличатъ вдвое, дадутъ отвѣтственное мѣсто... Что это за отвѣтственное мѣсто... Спросить-бы, но у кого? Съ Вѣрочкой вмѣстѣ никто не служить, она ни съ кѣмъ не знакома... Да и зачѣмъ спрашивать?... Узнаешь—и не интересно будетъ... Нѣтъ, лучше молчать и ждать...

Вѣрочка сказала мамѣ, что Акимъ Акимовичъ ее по головѣ погладилъ; почему Вѣрочка вспыхнула—она не знаетъ, но она сочла долгомъ сообщить мамѣ, что Акимъ Акимовичъ совсѣмъ старичекъ, такой маленькій, сѣденькій, совсѣмъ дѣдушка, добренькій, старенькій.

III.

Осенью городъ ожилъ. Пріѣхала труппа оперныхъ артистовъ, ставили „Демона“, „Травиату“, „Фауста“... Вѣрочка ходила на галерку—не одна: одной не хорошо, а съ мамой. Тамъ знакомыхъ никого не было. Только одна Варя Кудрина съ какимъ-то кавалеромъ. Кудрину Вѣрочка еще въ гимназіи не любила: кисейная барышня—ни работать, ни трудиться ей не хочется... Теперь вотъ замужъ выходитъ... И пусть!... А Вѣрочка не пойдетъ замужъ,—у нея мама на рукахъ, да и замужней служить было бы трудно...

— А вы, Вѣра Петровна, сильно любите оперу,—вошелъ какъ-то къ Вѣрочкѣ Акимъ Акимовичъ... Видѣли „Фауста“, поняли его, понравился онъ вамъ?..

Вѣрочка отвѣчала, что „Фаустъ“ ей очень нравится, что она всегда-бы готова слушать такія оперы...

— Я тоже его люблю,—сказалъ Акимъ Акимовичъ и посмотрѣлъ на Вѣрочку нѣжнымъ, задумчивымъ взглядомъ. Знаете что,—вдругъ добавилъ онъ: сегодня опять идетъ „Фаустъ“.... Позвольте предложить вамъ билетъ въ ложу. Пріѣзжайте, а тамъ поговоримъ...

Акимъ Акимовичъ быстро вышелъ изъ канцеляріи Вѣрочки, оставивъ на столѣ билетъ на „Фауста“. Вѣрочка въ ложѣ!... Какое-же она надѣнетъ платье... У нея нѣтъ подходящаго... Впрочемъ, мама посовѣтуетъ; можетъ быть, что-нибудь сообразить... Какой онъ добрый, милый!... Какъ онъ о ней заботится... Спасибо, спасибо ему... Славный, добренькій старичекъ... А то на галереѣ... Съ Варей Кудриной вмѣстѣ и ея неуклюжимъ кавалеромъ... На галеркѣ душно, тѣсно, не хорошо... А тутъ ложа... Надо зайти и купить вѣеръ... бѣлый, костяной вѣеръ, но безъ всякихъ украшеній.. Всѣ эти украшенія—вульгарность...

И Вѣрочка поѣхала въ театръ съ мамой.

Послѣ перваго антракта въ ложу Вѣрочки вошелъ Акимъ Акимовичъ и окаменѣлъ на порогѣ... Онъ не протянулъ Вѣрочкѣ руки; онъ не поклонился ей; онъ стоялъ передъ нею съ разинутымъ ртомъ и злобная досада, безъ труда, читалась въ его быстрыхъ, сверкающихъ глазахъ...

— Зачѣмъ здѣсь эта старуха? прошипѣлъ Акимъ Акимовичъ...

— Это моя мама,—недоумѣвающе глядя на своего начальника, отвѣтила Вѣрочка. Акимъ Акимовичъ сразу пришелъ въ себя. Онъ мгновенно преобразился въ самого любезнаго, вѣжливаго кавалера.

— Ахъ, очень пріятно... Вы меня извините... Меня тамъ въ буфетѣ раздражили. Очень пріятно... Нравится-ли вамъ сегодня Маргарита?... Она немного фальшивить, но въ общемъ опера идетъ сносно... Я прикажу подать мороженнаго и фруктовъ...

Акимъ Акимовичъ весь спектакль просидѣлъ въ ложѣ съ Вѣрочкой и ея мамой, смѣша ихъ разсказами анекдотическаго характера и угощая то фруктами, то мороженымъ.

— Ну, что, мама, какъ ты его находишь? тихо спросила Вѣрочка, когда Акимъ Акимовичъ отлучился изъ ложи, чтобы заказать что-то въ буфетѣ...

— Прекрасный человѣкъ... Добрый и внимательный... Онъ о тебѣ, какъ о дочери родной заботится... Счастливица ты, Вѣрочка, что у тебя такой начальникъ... Знаешь, онъ мнѣ дѣдушку Степана Ивановича напоминаетъ.. Помнишь, къ отцу твоему ходилъ, на гитарѣ игралъ и пѣсни пѣлъ... Веселый старикъ былъ, обходительный... Вотъ и этотъ такой же...

По окончаніи оперы, въ театрѣ былъ маскарадъ. Акимъ Акимовичъ упросилъ Вѣрочку остаться, посмотреть, посмѣяться,

иногда смѣшныя маски бываютъ... Вѣрочка осталась, а маму уговорили уѣхать домой: у старушки сильно разболѣлась голова, и она уѣхала, вполнѣ довольная проведеннымъ вечеромъ...

— Онъ добрый, рѣдкостный человѣкъ, думала старушка, качаясь въ рессорномъ экипажѣ, на лошадахъ Акима Акимовича...

IV.

— Гдѣ я?.. Гдѣ я... Что со мной.. Вѣрочка озиралась кругомъ безпокойнымъ взглядомъ, сердце ея учащенно болѣзненно билось... Какъ я попала сюда!..

Передъ ней стоялъ столъ, накрытый бѣлой скатертью, уставленный массой бутылокъ, закусокъ, вазъ и тарелокъ...

— Да, да!.. Это послѣ „Фауста“... Вѣрочка начинала припоминать, но что именно: сонъ или дѣйствительность!.. Маскарадъ, музыка, шумъ, говоръ.. Ей было безконечно весело... Она ѣла мороженное... Веселость ея усиливалась... Слегка кружилась голова, но это отъ переутомленія, отъ новизны впечатлѣній... Потомъ,—что было потомъ?..

Скверно!.. неясныя обрывки воспоминаній, Вѣрочка ничего отчетливо не припомнить... Куда она поѣхала, съ кѣмъ, для чего, что случилось...

Скверно!.. Голова расколотся хочетъ; вся Вѣрочка словно свинцовая; съ трудомъ приподнялась на локоть; взглянула на столъ: замѣтила быстро бумажку съ виньеткой... Это былъ счетъ ресторана... Она—въ ресторанѣ... Гдѣ-жъ мама?.. Что она скажетъ, что она о ней подумаетъ...

Мама уже искала Вѣрочку. Съ разсвѣтомъ старушка поѣхала къ театру,—тамъ пусто, темно, даже сторожа спятъ... Что дѣлать? Гдѣ и какъ искать Вѣрочку?.. Чуетъ сердце, что съ ней случилось что-то недоброе, но — что именно...

Пробило 10 часовъ... Стыдно старушкѣ, но она идетъ туда, гдѣ служить Вѣрочка. Позвать Акима Акимыча... Онъ выйдетъ спокойный, разсудительный; онъ скажетъ старушкѣ, что ничего не случилось,—что Вѣрочка жива и здорова, что она...

Старушка не предполагала ничего дальше... Она не могла придумать благопріятнаго объясненія исчезновенія Вѣрочки и сердце ея обливало кровью...

— Акимъ Акимовичъ...

Старушка подошла къ нему... Онъ былъ спокоенъ. Значить, ничего не случилось...

— Извините-съ, сказалъ сухо Акимъ Акимычъ,—я никакъ не ожидалъ, что ваша дочь...

Старушка схватилась за голову руками и чуть не упала...

Акимъ Акимычъ поспѣшилъ усадить ее на стулъ, далъ ей стаканъ холодной воды...

— Представьте... мы поѣхали ужинать... я заказалъ блюда... и... и... и Вѣра Петровна исчезла...

— Какъ, куда?..

— Я этого знать не могу, но фактъ на лицо, она исчезла... я навелъ справки и... и... и... простите меня... дальнѣйшее такъ грязно, что я, что я...

Въ это время дверь кабинета шумно растворилась и къ Акиму Акимычу безъ доклада вошелъ Иванъ Сиразидиновичъ. Онъ былъ блѣденъ, взволнованъ.

— Простите, — началъ онъ нервно и отрывисто, — такое дѣло-съ... Это уголовщина-съ...

— Тсъ!.. Акимъ Акимычъ въ упоръ подошелъ къ вошедшему и они переговорили шепотомъ...

— И прекрасно, и отлично, покрайней мѣрѣ, теперь все объяснилось... Ваша дочь въ больницѣ... Она отравилась бертолетовой солью и ее привезли туда... Вотъ-съ, вотъ-съ она какова...

Старушку подъ руки вывели изъ комнаты, усадили на извозчика и отправили къ дочери въ городскую больницу..

Вѣрочка лежала тамъ безъ сознанія. Ея губы, щеки, все лицо и руки почернѣли. Она что-то шептала, но что именно — разобратъ было невозможно...

Возлѣ больной хлопотала сестра милосердія и въ раздумьи стоялъ молодой докторъ. Вотъ уже болѣе 2-хъ часовъ силится онъ возвратить Вѣрочку къ жизни, но всѣ его усилія остаются безъ результата...

— Да, бертолетовая соль шутить не любитъ... И что за фантазія принимать такую мерзость?.. Вѣроятно, по незнанію, по неосторожности, — думалъ докторъ: такимъ молодымъ дѣвушкамъ и въ голову притти не можетъ травиться сознательно, — это неестественно...

Старушка опустилась на колѣни возлѣ больничной койки и, ухватившись за холодѣющую руку дочери, шептала ей свое послѣднее „прости“. Старушка не находила въ смерти дочери ничего неестественнаго: эта смерть была ей понятна и она не винила въ ней свою дорогую Вѣрочку...

Больная не пришла въ себя до самой смерти; она не сказала ни кому ни слова о томъ, что съ ней произошло послѣ „Фауста“; она унесла тайну Акима Акимовича въ свою безвременную, нежданную могилу и своимъ безмолвнымъ страданіемъ завѣщала матери никого не винить въ своей ужасной смерти.

Да будетъ легка Вѣрочкѣ наша родная земля!

Изъ міра грезъ.

I.

Скворцы прилетѣли.... Весна дорогая,
 Знакомъ мнѣ твой милый привѣтъ;
 Отъ думъ безотрадныхъ душой изнывая,
 Заждался тебя твой поэтъ.

* * *

Приди! растопи благодатнымъ дыханьемъ
 Снѣговъ безконечную гладь;
 Приди—и своимъ молодымъ обаяньемъ
 Весь міръ оживи ты опять!

* * *

Утри бѣдняковъ горемычныя слезы,
 Покрой муравою поля—
 И вновь золотыя, волшебныя грезы
 Вернетъ мнѣ улыбка твоя...

* * *

Скворцы прилетѣли.... Міръ ждетъ обновленья,
 Усталъ, истомился борьбой!
 Но вѣрю: весны молодой появленье
 Вернетъ и любовь, и покой!...

II.

Засинѣлъ неба сводъ, зеленѣетъ нашъ боръ,
 Забурлили весеннія воды,
 И пернатыхъ гостей зазвенѣлъ чудный хоръ,
 Зимнихъ буръ позабыты невзгоды.

* * *

Снова къ намъ изъ далекихъ безбрежныхъ морей
 Возвратилась весна молодая.
 Съ каждымъ днемъ все живѣй, и свѣжѣй, и милѣй,
 Разцвѣтаешь и ты, дорогая!

* * *

И, порой, взоръ твоихъ лучезарныхъ очей
 Загорается мнѣ вешней лаской,
 Лаской майскихъ ночей, ароматомъ полей,
 Лѣса темнаго чудною сказкой...

* * *

И въ душѣ моей, въ сердцѣ усталомъ моемъ,
 Полномъ муки, тоски и сомнѣнья,
 Загорается яркая зорька, и въ немъ
 Жаждетъ вешняго все обновленья!

Пав.—ловъ.

Матеріалы для исторіи г. Томска.

III. *)

Къ вопросу объ открытіи въ Томскѣ учительскаго института въ началѣ семидесятыхъ годовъ..

Въ концѣ 1873 года у главнаго мѣстнаго начальства возникла мысль открыть въ г. Томскѣ учительскій институтъ, для чего было поручено губернскому начальству отыскать удобное помѣщеніе; но такъ какъ такового не оказалось, то генераль-губернаторъ призналъ болѣе удобнымъ построить новое помѣщеніе, вполне удовлетворяющее потребностямъ этого заведенія. Но на это не было денегъ, почему и было предложено начальнику губерніи снестись съ Томскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ, не признаетъ ли оно возможнымъ ассигновать изъ собственныхъ своихъ источниковъ, напримѣръ, изъ капитала мѣстнаго городского банка, потребную на этотъ предметъ денежную сумму съ тѣмъ условіемъ, чтобы таковая сумма была возвращена обществу посредствомъ отдѣленія изъ штатныхъ средствъ института, приблизительно, по три тысячи рублей въ годъ.

Генераль-губернаторъ полагалъ необходимымъ выстроить для упомянутой цѣли двухэтажный домъ (низъ каменный, верхъ деревянный) и деревянный одноэтажный флигель, изъ коихъ въ первомъ должно было быть тридцать комнатъ, а во второмъ помѣщеніе для кухни, служителей, прачешной и кладовой.

Сообщая объ этомъ въ предложеніи отъ 17 ноября 1873 года за № 4314, начальникъ губерніи просилъ городского голову скорѣе обсудить этотъ вопросъ въ управѣ и банкѣ, изложивъ мнѣніе въ особой запискѣ, а 23 ноября собрать думу, на засѣданіе которой обѣщалъ прибыть и самъ сдѣлавшій предложеніе; о чемъ просилъ также сдѣлать поясненіе въ повѣсткахъ гласнымъ на собраніе.

По мнѣнію губернатора, приписанному имъ на самомъ предложеніи, стоимость зданій института предполагалась около 40 тысячъ рублей.

При обсужденіи предложеннаго вопроса городская управа вывела на справку слѣдующія данныя:

1) на 1 ноября 1873 года состояло на лицо въ наличныхъ деньгахъ и билетахъ пенсіоннаго городского капитала 1562 р.

*) Печатаніе матеріаловъ для исторіи города Томска началось еще въ „Дорожникѣ по Сибири и Азіатской Россіи“. (Статьи В. А. Долгорукова). Первые-же статьи автора настоящихъ матеріаловъ г. Серебрянникова напечатаны въ 8 и 10 кн. „Сиб. Наб.“ за тек. годъ.

62 к., пенсіоннаго капитала вольнонаемныхъ служащихъ 260 р., квартирнаго сбора 6625 р. 2¹/₄ коп., ремесленной школы 19705 р. 70 коп., городской библіотеки 1592 р. 94 к., пожарной части 20555 р. 1 к., вновь строившагося кафедральнаго собора 2670 р. 52 к., хлѣбнаго запаснаго капитала 762 р. 32 к., общественной богадѣльни, по завѣшанію Калинина-Шушляева, 47950 р. и собственно капитала, принадлежащаго городской казнѣ, 19801 р. 74 к., а всего 12235 р. 7¹/₄ коп.

2) За городскимъ общественнымъ управленіемъ считалось въ долгу: а) позаимствованные по приговору купеческаго мѣщанскаго и цеховаго общества, отъ 28 Декабря 1867 г. у дѣйствительнаго статскаго совѣтника И. Д. Асташева десять тысячъ рублей на покупку хлѣба для продовольствія на случай неурожая бѣдныхъ жителей города Томска, объ уплатѣ коихъ имѣлись настоянія высшаго начальства; б) позаимствовано по приговору тѣхъ же обществъ 16 Апрѣля 1868 года изъ городскихъ доходовъ 5000 рублей, которые подлежали къ возврату съ процентами, а таковыхъ накопилось около 1800 рублей; в) лицамъ, участвовавшимъ въ подпискѣ на покупку хлѣба, за произведенною уплатою, 2275 р.; г) 19440 р. 33 к., взамѣнъ израсходованныхъ изъ земской повинности на отопленіе и освѣщеніе тюремнаго замка съ 1861—1865 годы, о чемъ имѣлось настояніе предсѣдателя Томской казенной палаты отъ 23 Декабря 1871 года за № 55, а всего считалось въ долгу 38515 р. 33 к.

Потому управа пришла къ заключенію, что предложеніе начальника губерніи касательно ссудъ денегъ на неопредѣленное время для постройки зданія подъ учительскій институтъ, по неимѣнію для того источниковъ, не можетъ быть принято ею къ исполненію.

Сибирскій общественный банкъ, руководствуясь девятымъ примѣчаніемъ къ ст. 126 нормальныхъ правилъ о городскихъ банкахъ, находилъ возможнымъ произвести испрашиваемую ссуду по приговору и поручительству городской думы отъ имени всего городского общества; но и то неодновременно, чтобы не стѣснить другихъ нуждающихся, а въ теченіе года или по мѣрѣ дѣйствительной надобности на постройку зданія; при чемъ изъ каждой выдаваемой ссуды должны удерживаться впередъ за годъ проценты въ количествѣ 8⁰/₀ годовыхъ; такъ что изъ займа въ 40 тысячъ рублей было бы выдано въ дѣйствительности только 36800 рублей, уплатить же довелось бы при условіи двѣнадцатилѣтняго (самаго длиннаго) срока ссуды 57600 р. 20 к. вмѣстѣ съ процентами.

Вопросъ объ этомъ докладывался въ засѣданіи думы 23 ноября 1873 года, состоявшемся подъ предсѣдательствомъ городского головы и въ присутствіи губернатора.

По окончаніи чтенія постановленія банка и городской управы начальникъ губерніи предложилъ свои соображенія относительно отпуска сорока тысячъ рублей изъ суммъ банка.

По мнѣнію губернскаго начальства, банку представлялось возможнымъ сдѣлать ссуду на болѣе длинный срокъ и именно, если банкъ будетъ получать отъ института по 3500 рублей въ годъ, то, разсчитывая по 7% въ годъ со всего капитала, погашеніе капитала окончилось бы въ 24 года. Если же потребовалась бы большая сумма, такъ какъ считалось болѣе полезнымъ построить зданіе института все каменное и однѣ только службы деревянными, при чемъ понадобилось бы по приблизительно составленной сметѣ всего до 46 тысячъ рублей, то и при этомъ условіи погашеніе капитала отложилось бы лишь на незначительное время.

Институтъ предполагалось построить въ томъ же кварталѣ, гдѣ и гимназію, хотя это и стѣснило-бы послѣднюю, но другаго болѣе удобнаго мѣста не имѣлось. Находя, что хотя при такихъ условіяхъ банкъ будетъ получать въ годъ нѣсколько менѣе, но такое уменьшеніе прибылей можетъ быть допущено въ силу благотѣльной цѣли учрежденія, и имѣя въ виду, что въ настоящее время банкъ при одновременной выдачѣ 46 т. руб. слишкомъ ослабитъ свои средства особенно при отсутствіи права производить переучетъ векселей, что до настоящаго времени банкъ не пользуется правомъ выдачи ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ далѣе 12 лѣтъ; что по правиламъ банка ссуда подъ залогъ домовъ производится въ размѣрѣ половины оцѣночной суммы, въ данномъ же случаѣ предполагается полная сумма стоимости, дума полагала для устраненія такихъ препятствій войти съ ходатайствомъ предъ высшимъ начальствомъ о дозволеніи банку сдѣлать отступленіе относительно срока и размѣра ссуды и о скорѣйшемъ разрѣшеніи переучета векселей въ отдѣленіи государственнаго банка, о каковомъ переучетѣ уже послѣдовало представленіе банка министерству финансовъ отъ 22 сентября 1873 г. за № 340. По окончательномъ обсужденіи всего вышеизложеннаго дума постановила просить ходатайства губернатора о продленіи срока и измѣненіи размѣра ссуды и переучета векселей, затѣмъ только уже разрѣшить банку производить ссуду въ 46 т. рублей, по мѣрѣ надобности, съ полученіемъ за то по 3600 р. въ годъ, въ число которыхъ должны входить годовые 7% на капиталъ, а остальные изъ 3600 рублей составлять погашеніе, съ тѣмъ, чтобы страхованіе и ремонтъ дома происходили на счетъ суммъ учительскаго института, помимо уплачиваемыхъ 3600 рублей; чтобы уплата 0% банку производилась со времени выдачи первой ссуды въ размѣрѣ выданной суммы; до уплаты всей выданной суммы домъ учительскаго ин-

ститута вмѣстѣ съ землею долженъ считаться обезпеченіемъ въ банкѣ, и чтобы ссуда къ 46000 рублей, кромѣ обезпеченія, была гарантирована правительствомъ.

Относительно мѣста постройки зданій института, признавая состоявшееся предположеніе отвода земли подъ мужскую гимназію по постановленію городской думы 15 іюня 1873 года, заключено было привести въ исполненіе предложеніе начальника губерніи о постройкѣ института въ кварталѣ, предназначенномъ для упомянутой гимназіи.

На этомъ дѣло и кончилось.

IV.

Участіе города Томска въ дѣлѣ средняго женскаго образованія.

Участіе это со стороны города выражалось въ томъ, что городское общество давало нѣкоторыя средства на воспособленіе среднему женскому образованію. Источникомъ этого воспособленія служилъ, главнымъ образомъ, общественный сибирскій банкъ въ Томскѣ.

Банкъ былъ основанъ на капиталъ, пожертвованный коммерціи совѣтникомъ Поповымъ.

Банкъ открылъ свои дѣйствія въ 1844 году.

Основной капиталъ, согласно устава, утвержденнаго 7 іюля 1843 г., опредѣленъ былъ въ 85715 рублей.

Первоначальное назначеніе, данное коммерціи совѣтникомъ Стефаномъ Поповымъ суммамъ, завѣщаннымъ дядею его коммерціи совѣтникомъ Андреемъ Яковлевичемъ Поповымъ на общественныя дѣла, состояло въ учрежденіи и содержаніи въ г. Томскѣ женскаго института.

Но такъ какъ послѣднее не могло быть достигнуто немедленно, то, въ видахъ возможнаго, все-таки, расширенія мѣстнаго женскаго образованія на средства, пожертвованныя Поповымъ, отпускались изъ прибылей общественнаго сибирскаго банка ежегодно, начиная съ 1851 года, на содержаніе въ двѣдѣмъ институтѣ Восточной Сибири (въ г. Иркутскѣ) пансіонерокъ изъ дѣтей гражданскихъ и горныхъ чиновниковъ и почетныхъ гражданъ Томской губерніи различныя суммы, составившія по 1867 г. включительно общую цифру въ 29759 р. 36 к.

8 го апрѣля 1863 года состоялось въ Сибирскомъ Комитетѣ положеніе, которымъ было опредѣлено: такъ какъ, по незначительности доходовъ общественнаго банка, института въ Томскѣ все еще невозможно открыть, то помочь на завѣщанныя Поповымъ средства мѣстному женскому образованію учрежденіемъ на

нихъ двухъ женскихъ гимназій въ Томскѣ и Омскѣ, содержаніе же стипендіатокъ въ Иркутскѣ постепенно прекратить, что къ 1868 году и было исполнено.

Согласно этого постановленія, общественный банкъ, со времени основанія обѣихъ гимназій, по 17 февраля 1883 года отпустилъ Омской 194653 р. 81 к. и Томской 195393 р. 42 коп., итого 390047 р. 23 к.

Кромѣ того, по отдѣльнымъ распоряженіямъ бывшаго Главнаго Управленія Западной Сибири, согласно 23 ст. устава банка 1868 года, были выдаваемы банкомъ изъ своихъ прибылей пособія Барнаульской, Бійской и Каинской прогимназіямъ и параллельнымъ классамъ Томской женской гимназіи отъ 250 до 500 рублей единовременно, что въ сложности составило сумму въ двѣ тысячи рублей. и женскимъ приходскимъ училищамъ въ размѣрѣ за все время оказанія этой помощи 6180 рублей. Такимъ образомъ, къ концу 1883 года банкомъ было употреблено на женское образованіе въ Сибири въ сложности 427986 р. 69 к. Съ 1883 года всякія выдачи со стороны банка на нужды женскаго образованія прекратились во исполненіе циркуляра Министра Финансовъ, отъ 22 мая 1878 года за № 6899, впредь до того времени, пока прибылями банка не покроются потери прежнихъ лѣтъ, которыхъ къ 1 января 1886 года числилось какъ бы въ наличности въ основномъ капиталѣ 49692 р. 13 к., образовавшихся отъ безнадѣжныхъ долговъ по операціямъ до 1852 года.

Къ изложенному слѣдуетъ добавить, что въ 1872 году было собрано съ отправленныхъ томскимъ купеческимъ обществомъ товаровъ на содержаніе мѣстной женской гимназіи 1289 р 2½ к. и ассигновано изъ городскихъ доходовъ въ томъ же году на параллельные классы 2090 р. 32½ к.

V.

Благія пожеланія.

Въ концѣ 1872 года среди нѣкоторыхъ гласныхъ городской думы возникла мысль о необходимости открытія въ г. Томскѣ реального училища.

Вопросъ объ этомъ возбудилъ въ думѣ гласный А. М. Ермалаевъ. Предложеніе его объ этомъ слушалось въ засѣданіи думы 27 ноября 1872 года. Находя со своей стороны устройство такого училища не только полезнымъ, но и вполне необходимымъ, городская дума по постановленію за № 101 избрала особую комиссію изъ гласныхъ Кобылина, Ермалаева и Кошарова, поручила этой комиссіи всесторонне обсудить это дѣло, изыс-

каты средства на содержаніе училища и докладъ свой объ этомъ представить думѣ. При чемъ прошены были также и остальные гласные помочь, кто чѣмъ можетъ, комиссіи.

Результатомъ этого явился проектъ прошенія великому князю Алексѣю Александровичу, составленный самимъ Ермолаевымъ, съ ходатайствомъ относительно учрежденія въ г. Томскѣ четырехкласснаго реального училища.

Обсудивъ въ засѣданіи 15 іюня 1873 года доложенный проектъ, дума одобрила таковой и поручила городскому головѣ подать Его Императорскому Высочеству въ бытность въ г. Томскѣ прошеніе, что и было исполнено городскимъ головою 26 іюня 1873 года. Необходимость открытія реального училища съ механико-техническимъ и химико-техническимъ отдѣленіемъ мотивировалась тѣмъ, что это училище—крайняя и насущная потребность для такой обширной губерніи, какъ Томская, имѣющей болѣе 730 тысячъ населенія, находящейся въ центрѣ звѣринаго промысла и скотоводства, на родинѣ, такъ сказать, металловъ и минераловъ, неисчерпаемо богатаго отъ природы Алтая, гдѣ изобиліе всякихъ естественныхъ и сырыхъ произведеній, раскинутыхъ на пространствѣ пятнадцати тысячъ квадратныхъ миль, но все это оставалось и остается непроеводительнымъ капиталомъ, не обрабатывается, какъ слѣдуетъ; или сбывается безъ особенной пользы по причинѣ отсутствія въ Западной Сибири центральнаго промышленнаго технического заведенія.

Городское управленіе отказывалось давать средства на содержаніе этого училища, такъ какъ доходы города едва удовлетворяли безусловно необходимыя нужды его, что могъ по мнѣнію просителя, засвидѣтельствовать начальникъ губерніи, а также и въ силу того главнаго обстоятельства, что на доходы банка, собираемые съ жителей города, уже содержится двѣ женскихъ гимназіи—одна въ Томскѣ и другая въ Омскѣ; на послѣднюю шло по 9 тысячъ рублей ежегодно, начиная съ 1863 года.

Городъ давалъ для предполагаемаго училища „приличное помѣщеніе“. Наконецъ, „при устройствѣ реального училища не было надобности, по мнѣнію просителя, въ расширеніи Томской классической гимназіи, образованіе въ которой не достигало цѣли, „если мы откровенно представимъ, сказано въ прошеніи, тотъ безотрадный существующій фактъ, что по причинамъ наплыва учащихся, по недостаточности средствъ, по неспособности дѣтей, или по другимъ не менѣе уважительнымъ причинамъ, напримѣръ, по недостатку учителей, только 4, 5% гимназистовъ поступаютъ въ высшія учебныя заведенія, а ос-

тальные 95⁰/₁₀₀ или не оканчиваютъ полного гимназическаго курса или только ограничиваются имъ“.

Въ заключеніе „испрашивалось разрѣшеніе на наименованіе училища Алексѣевскимъ“.

VI.

Повозный сборъ въ г. Томскѣ.

Въ указѣ изъ Томскаго губернскаго правительства Томской градской думѣ, отъ 21 іюня 1815 года за № 5616, было изложено предписаніе г. Сибирскаго генераль-губернатора и кавалера объ утвержденіи и приумноженіи на будущее время городскихъ доходовъ въ г. Томскѣ. Изъясненнымъ предписаніемъ его высокопревосходительство признаетъ распоряженіе правительства за правильное, исключая только 18 статьи о незастроенныхъ жителями города мѣстахъ и ветхихъ домахъ.

Пунктомъ пятымъ изложенныхъ правительствомъ правилъ было постановлено: храненіе въ частномъ каменномъ гостинномъ дворѣ проходящихъ черезъ г. Томскъ съ купеческими товарами возовъ до перевалки на воза вновь нанятыхъ возчиковъ ограничить трехсуточнымъ срокомъ, за которое время, или если меньше того простоятъ воза, взимать прежде существующую цѣну по 50 копѣекъ съ воза; но буде кто хочетъ болѣе трехъ сутокъ имѣть остановку, съ тѣхъ уже сверхъ означенныхъ 50 копѣекъ взыскивать за каждыя просроченныя сутки по 15 копѣекъ, впрочемъ, предоставить приказчикамъ, слѣдующимъ съ купеческими обозами, ежели кому случится необходимость уважительная пребыть въ городѣ болѣе трехъ сутокъ, являться въ Думу и о сохраненіи возовъ дѣлать новое условіе, о чемъ Дума имѣетъ каждому отдавателю возовъ объявлять заблаговременно.

Затѣмъ, въ указѣ изъ Томскаго губернскаго правительства на имя Томской городской думы, отъ 12 января 1820 года за № 230, было приведено „предложеніе г. Сибирскаго генераль-губернатора и кавалера“, утвердившее росписаніе доходовъ и расходовъ г. Томска на 1820 годъ.

Въ пунктѣ 7 этого росписанія было сказано: „взимать за карауль и охраненіе возовъ съ кладами, въ биржевомъ и гостинномъ дворѣ останавливающихся до сдачи оныхъ вощикамъ; сборъ сей полагается взимать по одному рублю съ воза, для того, что клади сіи на возахъ бываютъ великой цѣны и что взявшая подъ охраненіе за потерю въ нихъ Дума отвѣчаетъ, и притомъ береженіе ихъ зимою во дворѣ при великихъ стужахъ и метеляхъ наймомъ благонадежныхъ людей стоитъ Думѣ не малой суммы“.

Такимъ образомъ, повозный сборъ учрежденъ въ Томскѣ бывшимъ сибирскимъ генералъ-губернаторомъ Пестелемъ въ 1815 году; подтвержденъ и увеличенъ генералъ-губернаторами Сперанскимъ, Капцевичемъ въ 1820 и 1822 годахъ съ добавленіемъ сбора за отправлявшіеся изъ г. Томска товары водянымъ путемъ.

Подобный сборъ существовалъ еще въ г. Каинскѣ по 15 копѣекъ съ каждаго воза, а также и въ нѣкоторыхъ городахъ Тобольской губерніи и Омской области въ разныхъ цифрахъ.

15 декабря 1836 года состоялось распоряженіе, чтобы сборъ, производимый съ возовъ въ Западной Сибири, былъ допущенъ въ видѣ временной мѣры съ тѣмъ, чтобы во всѣхъ городахъ были открыты неотложно комитеты для изысканія возможныхъ и необременительныхъ источниковъ доходовъ, стараясь всемѣрно, чтобы въ число сихъ статей не входилъ сборъ съ возовъ; въ случаѣ-же необходимости, ввести оный на томъ-же основаніи, какъ въ г. Перми, установивъ притомъ и сборъ съ постоянныхъ дворовъ, какъ сіе дѣлается во многихъ внутреннихъ городахъ, Генералъ-губернатору было предоставлено окончательное разрѣшеніе этого вопроса.

Сборъ-же съ возовъ въ г. Перми, по 25 копѣекъ съ каждаго, былъ допущенъ на слѣдующемъ основаніи: „означенная плата взимается съ хозяевъ возовъ въ такомъ только случаѣ, когда они добровольно оставляютъ воза свои на сохраненіе въ тамошнемъ гостинномъ дворѣ; впрочемъ, они пользуются совершеннымъ произволомъ располагать обозъ свой и въ другомъ мѣстѣ, для себя выгоднѣйшемъ, и въ семъ случаѣ въ пользу города не дѣлаютъ уже никакого взноса.“ (Отношеніе Статсъ-Секретаря Блудова, отъ 19 декабря 1836 года за № 2009, на имя генералъ-губернатора Западной Сибири.)

Потомъ Совѣтъ Главнаго Управленія Западной Сибири (журналъ 23 декабря 1858 г за № 107) призналъ существованіе этого сбора (по 30 коп. съ воза и по полторы копѣйки съ пуда товаровъ, нагружаемыхъ на суда и сплавляемыхъ водою) для города полезнымъ и необходимымъ.

„А какъ на взиманіе сего сбора нѣтъ опредѣленныхъ правилъ, то дабы оградить въ семъ случаѣ интересы города и частныхъ торговцевъ отъ произвола и злоупотребленій сборщиковъ, особенно при передачѣ этой статьи въ арендное содержаніе, просить губернское правленіе, говор тся въ журналѣ Совѣта, составить подробныя правила для взиманія сего сбора“, о чемъ и былъ увѣдомленъ Томскій губернаторъ генералъ-маіоръ Озерскій „для надлежащаго исполненія“.

Когда вводилось въ Томскѣ городовое положеніе изданія 16 іюня 1870 года, то городская дума, исполняя 4 пунктъ мѣ-

нія Государственнаго Совѣта 16/20 іюня 1870 года, постановленіями 16 февраля и 23 марта 1872 г. опредѣлила возбудить ходатайство объ утвержденіи въ законодательномъ порядкѣ повознаго сбора городскимъ доходомъ Томска.

Въ постановленіи думы на 25 августа 1872 года ходатайство это мотивировалось тѣмъ, что состояніе г. Томска въ то время въ отношеніи благоустройства находилось, вообще, въ неудовлетворительномъ видѣ: „улицы, площади и взвозы по такому свойству грунта чрезвычайно грязны, мосты и деревянные тротуары очень ветхи, а берега рѣкъ Томи и Ушайки такъ мало укрѣплены, что берега все болѣе и болѣе обваливаются, а жители должны оставлять свои дома“.

Незавидны были также пути сообщенія и по городскому выгону, по почтовому и проселочному тракту.

Поэтому дума находила необходимымъ приступить немедленно къ мощенію улицъ и площадей камнемъ, проведенію каналовъ въ мѣстахъ болотистыхъ, къ устройству и содержанію мостовъ, гатей, взвозовъ и дорогъ, лежащихъ въ городскомъ выгонѣ, и къ укрѣпленію береговъ рѣкъ Томи и Ушайки, на что требовались солидныя суммы, а между тѣмъ у общественнаго управленія ихъ не было и не предвидѣлось въ близкомъ будущемъ.

Промышленное значеніе города было незначительно.

Въ то же время городъ несъ значительныя повинности, напримѣръ, отопленіе и освѣщеніе мѣстной тюрьмы, что ему обходилось въ годъ до 4 тысячъ рублей, подводную и квартирную, первая до 997 р., а вторая до 842 р. въ годъ. Кромѣ того, городъ отпускалъ на квартирное довольствіе мѣстнымъ воинскимъ чинамъ деньгами изъ квартирнаго сбора, взимаемаго съ жителей, до 9128 р. и, сверхъ того, отводилъ квартиры въ натурѣ, стоимость которыхъ простиралась до 315 рублей въ годъ; платилъ по разнымъ поводамъ за мѣщанъ, причисленныхъ безъ согласія общества.

При такомъ положеніи дѣла и принимая во вниманіе, что зиму и лѣто идутъ черезъ Томскъ обозы, производящіе значительную порчу улицамъ, мостамъ и мостовымъ, и при перекладкѣ засоряли площади, городская дума признала вполне справедливымъ оставить повозный сборъ городскимъ доходомъ, спеціально употребляя его на устройство города, по крайней мѣрѣ, на десять лѣтъ, полагая высшій размѣръ этого сбора по 30 к. съ воза всѣхъ товаровъ, и съ отправляемыхъ водою по полторы копѣйки съ пуда.

Способъ взиманія повознаго сбора былъ оставленъ прежній, т. е. всѣ лица, отправлявшя товары, должны были заявлять члену городской управы, на котораго возложенъ этотъ сборъ,

о числѣ возовъ проходящихъ и отходящихъ товаровъ сухопутно и о числѣ пудовъ, отправляемыхъ водою.

Членъ городской управы, провѣривши заявленіе, долженъ былъ взыскать слѣдующіе въ доходъ города деньги по числу возовъ или пудовъ и выдать на свободный пропускъ товаровъ квитанцію за своею подписью, которая предъявлялась на заставахъ и пристаняхъ смотрителямъ городского хозяйства, поставленнымъ на этихъ мѣстахъ отъ управы для наблюденія, чтобы не было перевозимо или отправляемо товаровъ безъ оплаты въ пользу города.

Въ отвѣтъ на изложенное ходатайство начальникъ губерніи въ предложеніи, отъ 7 апрѣля 1872 года за № 1685, увѣдомилъ, что правительство соглашается на оставленіе этого сбора подъ тѣмъ условіемъ, чтобы доходъ съ него расходовался исключительно на устройство и содержаніе улицъ, мостовъ, дорогъ, гатей, взвозовъ, канавъ и проч., и просилъ управу опредѣлить, не менѣе какой суммы будетъ ежегодно расходоваться изъ повознаго сбора на означенный выше предметъ.

Со своей стороны губернаторъ полагалъ назначить не менѣе десяти тысячъ рублей, что, впрочемъ, и дума проектировала въ цитированномъ постановленіи, ибо только при этомъ условіи можно было рассчитывать на успѣхъ ходатайства. Дума согласилась съ этимъ предложеніемъ. (Постановленіе 11 апрѣля 1872 г. за № 47).

Въ засѣданіи 22 февраля 1873 г. городская дума слушала заявленіе члена городской управы А. М. Ермолаева и гласнаго А. К. Гусева объ учрежденіи контроля за правильностью поступленія повознаго сбора.

Впредь до утвержденія повознаго сбора въ Томскѣ въ законодательномъ порядкѣ, дума оставила взиманіе его на существовавшемъ до сего времени порядкѣ, поручивъ только городской управѣ принять всѣ зависящія отъ нея мѣры къ правильному и неупустительному взысканію его; съ открытіемъ же навигаціи просить всѣхъ пароходовладѣльцевъ не принимать къ нагрузкѣ товаровъ, неоплаченныхъ этимъ сборомъ.

Наблюденіе за этимъ было рѣшено возложить на особыхъ лицъ, которыхъ городская управа должна была снабдить на этотъ предметъ соотвѣтственными правилами и постановленіями.

11 февраля 1881 г. за № 959 министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ генераль-губернатора Западной Сибири, что, впредь до разрѣшенія общаго вопроса о сборахъ съ товаровъ или грузовъ вообще, установленныхъ въ пользу нѣкоторыхъ городовъ, взиманіе означеннаго сбора въ Томскѣ могло бы производиться на существующемъ основаніи, согласно съ п. 2 ст. 136 Городового Положенія.

Михаилъ Васильевичъ Загоскинъ,

одинъ изъ первыхъ членовъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, основатель газетъ „Амуръ“ и „Сибирь“, родился въ 1836 году въ Иркутской губерніи.

Michel Vasilévitch Zagoskine, l'un des premiers membres de la section sibérienne-orientale de la société Impériale géographique russe, le fondateur des gazettes l'Amour et la Sibérie, né en 1836, dans le gouvernement d'Irkoutsk.

Изъ имѣющагося у насъ подъ руками свода городскихъ смѣтъ за время съ 1772—1887 г.г. видно, что поступленіе повознаго сбора проектировалось въ слѣдующихъ цифрахъ: за 1872 годъ—11219 рублей, 1873 г.—11698 р., 1874 г.—13698 р.; 1875 г.—19873 р., 1876 г.—20946 р., 1877 г.—22527 р., 1878 г.—21849 р., 1879 г.—22487 р., 1880 г.—28000 р., 1881 г.—30000 р., 1882 г.—30000 руб., 1883 г.—25000 руб., 1884 г.—25000 р., 1885 г.—25000 руб. и 1886 г.—25000 рублей; итого предполагалось къ поступленію по смѣтамъ за указанный промежутокъ времени 332297 рублей.

Изъ данныхъ же о доходахъ, дѣйствительно поступившихъ, и о расходахъ, дѣйствительно произведенныхъ, усматривается, что повознаго сбора поступило въ 1872 году 15675 рублей 21¹/₄ коп., въ 1882 году 32157 р. 80 к., въ 1883 году 24910 рублей 78 коп., въ 1884 году 30910 рублей 50 копѣекъ и въ 1885 году 28000 рублей 41 копѣйка.

За пятилѣтіе 1891—1895 г. сборъ съ проходящихъ черезъ Томскъ товаровъ измѣрялся въ рубляхъ слѣдующими цифрами: 1891 г.—43016 р., 1892 г.—46900 р., 1893 г.—41276 рублей, 1894 г.—42927 руб. и 1895 г.—44461 рубль.

Изъ этихъ послѣднихъ пяти лѣтъ въ первые три года сборъ совершался при одинаковыхъ условіяхъ обложенія; въ послѣдніе же два года сборъ уменьшался ежегодно на одну десятую часть въ силу втораго примѣчанія къ 135 статьѣ Городового положенія, изданія 11 іюня 1892 года.

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ свѣдѣній о поступленіи на каждый годъ отдѣльно, начиная съ времени взиманія его, и за большій промежутокъ времени.

Если не ошибаемся, фактическое установленіе этого сбора относится, повидимому, еще къ первой половинѣ 18-го столѣтія, подтвержденіемъ чему можетъ служить именной указъ Императрицы Елизаветы Петровны, данный Конторѣ Главнаго Магистрата 20 декабря 1760 года.

Въ указѣ этомъ, между прочимъ, говорится, „пріѣзжимъ во всѣ города и другихъ городовъ купцамъ товары свои складывать въ гостинныхъ дворахъ и прочихъ мѣстахъ, гдѣ въ которомъ городѣ складка товаровъ позволена“. Вѣроятно, за эту складку что нибудь взимали.

Затѣмъ, съ теченіемъ времени, когда ограниченія въ торговлѣ до нѣкоторой степени ослабли, „складки“ эти приняли, надо думать, характеръ необязательныхъ.

Кромѣ того, тутъ могло имѣть значеніе также и то обстоятельство, что товары находились подъ охраненіемъ, такъ сказать, самого общества.

Въ данномъ же случаѣ сборъ этотъ началъ обязательно взиматься, какъ видно, благодаря распоряженію административной власти, никакимъ закономъ на этотъ актъ неуполномоченной.

Что сборъ этотъ составлялъ „бремена неудобноносимыя“, видно уже изъ того одного, что когда возникъ вопросъ объ узаконеніи его, то правительство соглашалось на установленіе его лишь въ видѣ временной мѣры и то при условіи положительной необязательности его.

Впослѣдствіе времени и, вѣроятно, въ виду того, что на городѣ лежали разныя повинности, въ родѣ отопленія и освѣщенія тюрьмы, содержанія квартирнаго постоя, оно изъявило согласіе, впредь до окончательнаго разрѣшенія обознаго вопроса о подобныхъ сборахъ, взимать поудный и повозный сборъ въ Томскѣ на существовавшемъ основаніи.

Такъ тянулось дѣло до изданія городского положенія 11 іюня 1892 года, когда было рѣшено прекратить всѣ подобные сборы въ теченіе десяти лѣтъ путемъ уменьшенія ихъ ежегодно на одну десятую часть.

Если обратиться теперь къ смѣтнымъ даннымъ поступленія этого сбора, то бросится въ глаза, что въ нѣкоторые годы предполагались къ поступленію однѣ и тѣ же цифры. Такъ, напри- мѣръ, въ 1881 и 1882 годахъ проектирована къ поступленію одна и таже цифра въ 30000 рублей, а съ 1883 года по

1886 годъ включительно значится цифра въ 25 тысячъ рублей за каждый годъ, какъ будто экономическія условія жизни города за этотъ промежутокъ времени остались настолько безъ измѣненія, что дали возможность предположить этотъ сборъ въ математически точныхъ цифрахъ.

Характерно также и упорство думы установить дѣйствительный контроль за поступленіемъ этого сбора. Если мы заглянемъ въ докладъ ревизіонной комиссіи, избранной томскою городской думою въ 1881 году для обревизованія отчетовъ бывшей городской думы и образованной на началахъ положенія 16 іюня 1870 года городской управы за время съ 1869 по 1878 годъ, то найдемъ въ немъ, быть можетъ, нѣкоторую разгадку этимъ обстоятельствамъ.

Изъ доклада этого видно, что мѣсячная повѣрка поступленій ловознаго сбора производилась крайне небрежно. Квитанціонная книга на записку денегъ, собиравшихся въ доходъ города съ привозимыхъ съ товарами возовъ, велась неудовлетворительно; допускались поправки числа возовъ и полученныхъ денегъ; талоны писались неразборчиво, якобы по малограмотности сборщика; деньги сдавались помѣсячно, довольно значительными суммами до 1700 рублей и несовсѣмъ аккуратно, оставаясь у сборщика до семидесяти рублей на цѣлый мѣсяць.

При такихъ условіяхъ контроля сборъ этотъ служилъ воспомощеніемъ, повидимому, не однимъ только городскимъ нуждамъ и потребностямъ, и, такимъ образомъ, интересы города и частныхъ торговцевъ не были ограждены отъ произвола и злоупотребленій сборщиковъ, не взирая на то, что разговоръ объ этомъ „огражденіи“ начался еще съ конца пятидесятихъ годовъ.

А. М. Серебrenиковъ.

Темное дѣло.

(Продолженіе, — см. 10 кн. текущаго года).

Лѣтъ двадцать до вышеописаннаго событія, рядомъ съ домомъ Сильверстовыхъ, поселился пріѣхавшій изъ другой деревни поселенецъ Илья Николаевичъ Зысь со своей женой. Выстроилъ онъ домишко, обнесъ заборомъ свободное мѣсто подъ огородъ и тутъ же завелъ пасѣку. Въ Сибири въ прежнее время было совсѣмъ не то, что нынѣ: мѣста были свободныя — не только въ лѣсу или въ полѣ, но даже и въ селахъ и никакихъ формальностей не требовалось для того, чтобы занять подъ постройку дома свободное мѣсто.

Поэтому Зысь зажилъ въ Ямкѣ припѣваючи. Онъ и жена его были люди уже не молодые, но трудолюбивые. Пріятно было видѣть, какъ Илья Николаевичъ—царство ему небесное!—въ лѣтніе знойные дни хлопочетъ въ своей пасѣкѣ, а жена работаетъ въ огородѣ, или помогаетъ ему рой собирать.

Сильверстовы и Зысь жили между собою мирно, тихо и хотя особенной дружбы между ними не замѣчалось, но, тѣмъ не менѣе, Сильверстовы, богатые люди, не брезговали своимъ сосѣдомъ и даже нѣкогда Михайло Сильверстовичъ удостоилъ жену Зысь Прасковью Ивановну быть восприемницей отъ купели сына его Евстафія, который въ описываемое время былъ уже женатымъ.

Семья Сильверстовыхъ съ каждымъ годомъ увеличивалась. Домъ оказывался для нихъ уже тѣснымъ; построить же еще другой негдѣ было—не было свободнаго мѣста въ деревнѣ. Деревня Ямка по своему мѣстоположенію носила вполне правильное названіе. Представьте себѣ нѣсколько продолговатой формы сосудъ, хотя бы вродѣ миски, а на днѣ его расположенные домики,—вотъ такова и Ямка. По срединѣ деревни протекаетъ небольшая рѣчушка, берущая свое начало недалеко за деревней изъ ключей, вытекающихъ въ изобиліи изъ горъ, и, затѣмъ, рѣчка течетъ въ ущелье между горъ, извиваясь по кустарникамъ и открытымъ мѣстамъ, на протяженіи семи верстъ, и впадаетъ въ Енисей.

Вотъ Михайлѣ Сильверстовичу и вздумалось оттягать у сосѣда своего мѣсто для постройки другого дома; кстати мѣсто было самое подходящее: рядомъ съ его усадьбой и у рѣчки, на которой онъ предполагалъ поставить мельницу. Но какъ это было сдѣлать, когда Зысь даже за деньги не соглашался уступить своего мѣста, которымъ владѣлъ болѣе двадцати лѣтъ?

— Погоди, другъ,—говорилъ Михайло Ильѣ Николаевичу,—не хочешь добромъ, за деньги уступить, силою возьму, безъ копѣйки отдашь.

— Посмотримъ, какъ удастся, шибко то не надѣйся на силу своего богатства,—возражалъ ему Зысь.

Между тѣмъ, въ семьѣ Сильверстовыхъ пошли нелады. Не стало уже того мира и семейнаго согласія, какое раньше было. Старшій сынъ Иванъ настоятельно требовалъ отъ отца раздѣла; началъ посѣщать питейное заведеніе и зачастую можно было слышать въ домѣ ихъ ссоры и даже крупные скандалы. Племянники, смотря на эту неурядицу, тоже требовали раздѣла. Однимъ словомъ, каждому изъ семьи Сильверстовыхъ хотѣлось жить своимъ отдѣльнымъ хозяйствомъ. Почему въ постройкѣ дома ощущалась необходимая потребность. Михайло Сильверстовичъ и порѣшилъ употребить въ дѣло хитрость для завла-

дѣнія мѣстомъ своего сосѣда. Наступила осень—время сбора податей второй половины года. Сельскій старшина получилъ изъ волостного правленія строжайшее предписаніе о томъ, чтобы всѣ подати до копѣйки сданы были непременно къ 15 октября. Денегъ у крестьянъ нѣтъ, потому что хлѣбъ еще не измолоченъ, а впередъ подъ хлѣбъ никто, кромѣ Михайла Сильверстовича, денегъ не давалъ. Всѣ, по обыкновенію, и обратились къ нему съ просьбами выручить ихъ изъ бѣды.

— Будетъ, выручалъ я васъ кажинный годъ, а теперя ка не хочу, потому, значить, уваженія и благодарности никакой отъ васъ нѣту-ка, отвѣчалъ Михайло на просьбы мужиковъ.

— Да какая же, Михайло Сильверстовичъ, благодарность тебѣ нужна отъ насъ? Вѣдь, мы не даромъ у тебя просимъ, мы и такъ дешевле отдаемъ тебѣ хлѣбъ супротивъ настоящей цѣны—копѣекъ пять на пудъ; вотъ тутъ и вся благодарность, да еще какая! Положимъ, что изъ нашей деревни, къ примѣру сказать, отъ неимущихъ поступить къ тебѣ хлѣба для уплаты податей 5000 пудовъ; такъ и смекни, сколько благодарности получаешь ты отъ насъ: по пятачку отъ пуда—250 рубликовъ, эвона сколько! Это, кромѣ барыша-то, значить.

Какъ не урезонивали мужички богача, какъ не умоляли его помочь горю, онъ оставался непреклоненъ. Въ дѣйствительности непреклонность была у него въ связи съ затаенной цѣлью...

— Кромѣ меня, дескать—разсуждалъ Михайло—никто не внесетъ такую уйму денегъ; ну, а тамъ, что захочу, то и сдѣлаю съ ними, т. е. общественниками.

Наконецъ, приближается и 15-е октября, а у старшины и четвертой части податей не собрано. Созванъ былъ снова сельскій сходъ, на который попросили и Михаила Сильверстовича. Не отказался онъ,—пришелъ.

— Михайло Сильверстовичъ! обратился къ нему старшина,—сдѣлай милость, помоги, ради Бога, мужикамъ, да и меня то выручи изъ бѣды: надоть подать везти въ волость, а нечего! Самъ знаешь засѣдателя нашего: со свѣту бѣлаго сживетъ, коли не соберешь всѣхъ денегъ къ сроку.

— Ладно, промолвилъ Сильверстовичъ. Такъ и быть, выручу, только и вы меня выручите: отберите мѣсто у Зыся и передайте мнѣ.

— Какъ же это быть? Вѣдь, это дѣло будетъ не ладно,—произнесъ старшина.—Мужикъ слишкомъ 20 лѣтъ владѣетъ имъ, домишко поставилъ, хозяйствомъ обзавелся и вдругъ мы разоримъ его. Это не приходится намъ такое дѣло сдѣлать.

— Какъ не приходится?—возразилъ Сильверстовичъ.—Вѣдь, земля то общественная,—значить, общество вольно поступить, какъ хочетъ. Что изъ того, что двадцать лѣтъ владѣетъ?—Онъ

не нашъ, изъ чужой деревни прѣхалъ, ну — и пусть себѣ ѣдетъ въ свою деревню.

— Нѣтъ, Михайло Сильверстовичъ, какъ тебѣ угодно, я не могу этого сдѣлать. Ты бы попросилъ объ этомъ засѣдателя: онъ, навѣрно, тебя ублаготворить.

— Что ты мнѣ на засѣдателя указываешь, когда это дѣло домашнее. Если ты не можешь, такъ общество сдѣлаетъ: оно больше тебя.

Старшина замолчалъ.

— Какъ старички, общественники, что вы скажете на мою просьбу: отдадите мнѣ мѣсто Зыся?—Уважете меня и я васъ выручу, хоть сейчасъ получайте деньги.

— А почему не такъ? загалдѣли голоса. Ты, все-таки, нашъ благодѣтель, а Зысь что? чужой человѣкъ, да къ тому же поселенецъ. Знамо, надо отобрать,—твердили другіе.

Сказано—сдѣлано. Тутъ же написанъ былъ и приговоръ, коимъ постановлено отобрать отъ Ильи Зыся мѣсто земли, какъ незаконно имъ владѣемое, и передать во владѣніе однообщественника Михаила Сильверстова Лапатина.

Богачъ, казалось, совсѣмъ былъ удовлетворенъ; удовлетворилъ и онъ съ своей стороны мужиковъ, выдавъ каждому потребную сумму денегъ на подати.

Не предвидѣлъ только Михайло, что, намѣреніемъ своимъ воспользоваться усадьбою Зыся, онъ готовитъ себѣ много худаго...

Старый Сильверстъ, какъ болѣе практичный въ жизни, вѣроятно, предугадывалъ послѣдствія, какія должны получиться отъ тяжбы сына съ Ильею Зысь. Поэтому совѣтовалъ Михайлѣ оставить сосѣда въ покоѣ, указывая ему мѣсто для постройки дома на косогорѣ. Но упрямый Михайло не хотѣлъ слушать благоразумныхъ совѣтовъ отца. Онъ настаивалъ присоединить усадьбу сосѣда къ своей, хотя неправоту этого дѣла признавалъ, какъ равно чувствовали тоже самое и общественники, давшіе ему приговоръ...

Илья Зысь, не смотря на составленный обществомъ приговоръ объ отобраніи у него мѣста, ни за что не поддавался требованіямъ Михаила и самый приговоръ называлъ незаконно составленнымъ. Михайло же добивался своего и даже настаивалъ у волостного начальства отобрать у Зыся усадьбу.

Самый вѣрный слуга Сильверстовыхъ Саенко, видя начавшіеся порядки въ ихъ семьѣ, вздумалъ попросить разсчета.

Долго Михайло уговаривалъ его остаться, но Саенко настаивалъ на своемъ, и Михайло, разсердившись, разсчиталъ его. Какъ-то вскорѣ послѣ разсчета, Саенкѣ понадобилось размѣнять у цѣловальника десятирублевый кредитный билетъ, полученный въ числѣ прочихъ денегъ отъ Михайлы. Билетъ этотъ,

въ довершеніе всѣхъ золь, оказывался фальшивымъ. По этому дѣлу началось слѣдствіе и хотя Саенко указаль, отъ кого пріобрѣль таковой, но обстоятельство это ничѣмъ не подтвердилось, потому что Михайло отперся, говоря, что совсѣмъ не даваль Саенкѣ десятирублевой бумажки. Благодаря хорошимъ отзывамъ крестьянъ о Саенкѣ, онъ не былъ посаженъ въ тюрьму, но, тѣмъ не менѣе, привлеченъ былъ къ дѣлу о пріобрѣтеніи фальшивыхъ денегъ и до рѣшенія судомъ этого дѣла отданъ былъ на поруки.

Послѣ этого случая племянникъ Михайлы—Фроль, будучи въ компаніи, подъ хмѣлькомъ, затѣяль съ дядей своимъ счеты по раздѣлу имущества и, видя недобросовѣтность его, упрекнулъ дядю въ нѣкоторыхъ неблаговидныхъ поступкахъ; упреки эти вызвали обоюдную ссору, а затѣмъ, подъ вліяніемъ изрядно выпитой водки, Фроль произнесъ такую фразу: „Что подымаешь горбъ-отъ, забыль, видно, какъ людей отправиль на тотъ свѣтъ“!..

— А ты, гдѣ былъ? Тутъ же помогалъ, — неосторожно возразиль раздраженный Михайло.

Слова эти многіе слышали и на другой же день знала вся деревня. Дѣло между Зысь съ Михайломъ сильно обострилось и хотя Илья Николаевичъ не принадлежалъ къ числу сутягъ или доносчиковъ, но тутъ вышло такъ, что онъ вдругъ неожиданно сдѣлался такимъ и насолилъ своему сосѣду таки порядкомъ, чрезъ что и самъ пострадалъ.

Прошло лѣто, наступила другая осень. Всѣ мужички покончили свои полевые работы, у каждаго болѣе было свободнаго времени и на деревнѣ чаще и чаще стали поговаривать о Сильверстовыхъ. Соберется ли гдѣ компанія, или просто сойдутся два-три мужика, — первымъ дѣломъ начинались сужденія о загадочномъ упрекѣ Фроломъ Лапатынымъ дяди своего Михайлы, объ оказавшейся у Саенки фальшивой десятирублевкѣ, о перемѣнѣ отношеній Михайла Сильверстовича, вообще, ко всѣмъ своимъ однокоренцамъ, а къ сосѣду Зысь въ особенности, и проч. Все это служило неистощимымъ матеріаломъ для досужихъ Лапатынцевъ и каждый день вызывало новые и новые толки. Вообще, каждый усматривиль въ жизни Сильверстовыхъ какую то таинственность и какъ ни старались разгадать ее, ничего не выходило: все такъ и осталось для всѣхъ загадкой.

Илья Николаевичъ по прежнему жилъ въ своемъ домикѣ и зло смотрѣль на сосѣда, въ особенности, когда тотъ собирался ѣхать въ волость. Въ каждой такой поѣздкѣ Зысь безъ ошибочно предугадываль цѣль ея, что и не трудно было сообразить, такъ какъ Михайло каждый разъ везъ съ собою въ волость два—три мѣшка самой лучшей пшеничной муки, кадку масла или барана, — все это въ даръ кому слѣдуетъ, чтобы

просьба его объ отобрании усадьбы у Зысь получила должное направление. „Сухая ложка ротъ деретъ“—говорилъ Зысь.

Въ одинъ темный вечеръ глубокой осени въ ворота Зысь кто-то постучался, Это заинтересовало стариковъ, такъ какъ къ нимъ и днемъ то рѣдко кто заходилъ, развѣ ужъ по какому нибудь дѣлу. Пришедшимъ оказался бывшій пастухъ Сильверетовыхъ—Степанъ Саенко. Онъ былъ подъ хмѣлькомъ.

— Добрый вечеръ, добрые люди! привѣтствовалъ Саенко.

— Добрый вечеръ, Степанушко, милости просимъ, садись-ко, гостемъ будешь.

— Ну, что Илья Николаевичъ, какъ поживаешь съ кумонькомъ своимъ?

— Охъ, Степанушко, плохое дѣло выходитъ у насъ съ нашимъ кумомъ то; заѣла его зависть, нѣтъ у него на шеѣ знать креста, такъ и наровить разорить насъ, стариковъ.

— А я вотъ что тебѣ скажу, Илья Николаевичъ: „Не рой другу яму, самъ въ нее упадешь“. Такъ случится и съ твоимъ кумомъ. Вотъ тогда попомни меня, что такъ будетъ. Ты говоришь—онъ наровить разорить тебя, а не вѣдаетъ онъ того, что самъ скорѣе разорится, не смотря на то, что богаче его въ деревнѣ нѣтъ.

— Знамо, Степанушко, пословица эта не даромъ молвится, потому, значить, Богъ видитъ правого и знаетъ Онъ всѣ замыслы злого человѣка. И я надѣюсь на Бога, что Онъ защититъ меня.

— Такъ-то такъ, Илья Николаевичъ, да я тебѣ, опять таки, скажу пословицу: „На Бога-то надѣйся, да и самъ не плошай“. Это по моему такъ значить: коли поддаться своему врагу, да не дать ему отпору, а молчать, то, чего добраго, и сгонить тебя съ насиженнаго мѣста, потому, самъ знаешь, правды теперь нѣтъ, а особливо здѣсь, въ Сибири; а правъ тотъ, у кого карманъ толстъ. Вотъ хоть бы мое дѣло: десятку-то фальшивую Михайло мнѣ далъ самъ, своими руками, а меня подъ судъ отдали, потому ему больше повѣрили, нежели мнѣ. А почему? потому что и засѣдателя, и письмоводителя его, и волостного писаря задарилъ, а тѣмъ-то такіе и на руку; ими они и живутъ. А я что?—Одно слово—голышъ, ну значить, и виноватъ.

— Вѣстимо дѣло, Степанушко, кабы на мѣстѣ сосѣда моего былъ я, али вотъ ты, то давнымъ давно упрятали бы насъ туда, гдѣ Макаръ телятъ не гонялъ. Послышишь, что на деревнѣ говорятъ, такъ просто волосы дыбомъ становятся. То слухи носятъ, что у Сильверетовыхъ мастеръ жилъ, то, будто, какихъ то бродягъ они убили, да и мало ли чего говорятъ.

— Да, вѣрно, Илья Николаевичъ, говорятъ то много и все это не даромъ, да жаль только, что всѣ эти слова такъ и ос-

таются словами, а дѣла-то никакого не выходитъ; а время бы ему, плѣшивому, поплатиться за свои дѣлишки. Вотъ тебѣ бы, Илья Николаевичъ, въ самый разъ, подстать начать такое дѣло, а я бы ужъ тебѣ помогъ, потому никто, кромѣ меня, не знаетъ того, что мнѣ извѣстно про Сильверстовыхъ; мнѣ же самому нельзя ничего начать, потому, значить, опять вѣры не будетъ. Я давно собирался поговорить съ тобой, да все какъ-то не удавалось.

— А будетъ ли толкъ-отъ какой?

— Будетъ, Илья Николаевичъ, будетъ; и голову тебѣ на отсѣченіе даю, если что только напрасно скажу. Ты слышалъ про бродягъ?

— Слышалъ.

— Ну, такъ вотъ это самое дѣло я знаю, какъ свои пять пальцевъ; знаю даже, гдѣ они и схоронены.

— Не ужъ-то правда, Степанушко?

— Вотъ те Христось правда!

Послѣ этого Зысь погрузился въ размышленія и долго что-то соображалъ. Да, подумаешь: какіе люди есть на свѣтѣ! Вотъ тебѣ и сосѣдъ, вотъ и богачъ! Кто бы могъ подумать, что у этого человѣка кроются такія страшныя дѣла. Нѣтъ, надо опасаться его.—промолвилъ Зысь про себя.

— Ну, коли такъ, то я согласенъ, Степанушко. И, на самомъ дѣлѣ, надо же ему крылышки подсѣчь, а то ужъ больно зазнался, только и надѣется на свое богатство: пожалуй, чего добраго, какъ бы на самомъ дѣлѣ чего не натворилъ мнѣ,—врагъ, вѣдь, силенъ.

Просидѣвъ до полуночи, Саенко и Зысь разстались съ твердой рѣшимостью сдѣлать на Сильверстовыхъ доносъ о всѣхъ злодѣянїяхъ, извѣстныхъ Саенкѣ, съ тѣмъ, чтобы таковой исходилъ отъ имени Зысь.

Утромъ слѣдующаго дня Зысь и Саенко ѣхали вмѣстѣ въ Балахту. Тамъ скоро удалось найти мѣстнаго адвоката, нѣкоего Стекольниковъ, изъ ссыльныхъ, который только и существовалъ тѣмъ, что писалъ всякаго сорта прошенія, доносы и т. п. Когда повѣдали ему тайну о Сильверстовыхъ, онъ взялся написать на самомъ законномъ основаніи доносъ на имя земскаго засѣдателя 2-го участка Ач—каго округа, увѣривъ своихъ кліентовъ, что Сильверстовы не минуютъ каторги.

— А сколько же, Корней Александровичъ, будетъ стоить такой доносъ? спросилъ Зысь Стекольниковъ.

— Будетъ стоить 25 рублей и меньше ни копейки. Потому что это уголовное дѣло, которое требуетъ обстоятельнаго изложенія фактовъ. Это не какое-нибудь простое прошеніе; а доносъ—вещь весьма уголовная. Писать надо для того, чтобы дѣло не

попало подъ сукно, а пошло въ ходъ и чтобы врагъ вашъ получилъ достойное возмездіе за свои противузаконныя дѣянія, — такъ, вѣдь?

— Да ужъ, конечно, чтобы, значить, по закону, — отвѣтилъ Зысь.

— Ну то-то, по закону! Вотъ и нужно, чтобы все изложить на основаніи закона, а не какъ нибудь, зря. Необходимо подвести такія статьи, по которымъ судъ безъ всякаго затрудненія сразу присудилъ бы его въ каторгу, а такія статьи не такъ то легко подобрать, вотъ онѣ, сколько ихъ тутъ! Стекольниковъ показалъ своимъ кліентамъ какую-то толстую претолстую книгу.

— Да, вотъ тутъ и поворочай мозгами. Ну да что много и говорить не стоитъ, а вотъ, какъ напишу, да прочитаю, то тогда сами увидите, какія я статьи подведу; одно слово — прямо въ каторгу, съ лишеніемъ всѣхъ правъ.

— Да нельзя ли десятички полторы?

— Ни-ни! Я сказалъ, что ни копѣйки меньше и больше говорить не хочу. Пожалуй, напишутъ и подешевле, да что толку: и острога не увидитъ, а тутъ ужъ прямо въ каторгу.

— Ну, ладно, такъ и быть. пишите, — согласился Зысь.

Въ тотъ же день доносъ былъ написанъ и поданъ по принадлежности.

— Ну, Илья Николаевичъ, теперь мы кашу заварили, а масла подливать въ нее дѣло не наше... Этой приправой каша смягчаться будетъ Михайломъ Сильверстовичемъ, — такъ говорилъ Саенко, когда они возвращались домой.

— Не ужъ-то ты думаешь, что такъ будетъ? спросилъ Зысь.

— А вотъ увидишь: теперь кумъ твой знай только раскочеливайся. Отъ него Шамрайка *) не такъ еще растолстѣетъ.

Раннее утро. Въ канцеляріи земскаго засѣдателя, находящейся въ селѣ Балахтинскомъ, въ которомъ было и волостное правленіе, — никого еще не было. На запыленныхъ двухъ столахъ лежали въ безпорядкѣ груды слѣдственныхъ дѣлъ и разныхъ бумагъ, да двѣ незатѣйливыя чернильницы и пара жестяныхъ банокъ изъ подъ помады, служившія песочницами. Въ углу на полу лежали, покрытыя толстымъ слоемъ пыли, Сенатскія и Енисейскія губернскія вѣдомости. Первыя были даже не вскрытыми — въ томъ самомъ видѣ, какъ получены съ почты. У стѣны стоялъ простой рабсты, пришедшій отъ времени въ ветхость, шкафъ, запертый висячимъ замкомъ. На стѣнѣ противъ двери висѣлъ портретъ одного изъ давно почившихъ государей, писанный масляными красками, до того закоптѣлый

*) Шамрайка — прозваніе одного изъ земскихъ засѣдателей Ачинскаго округа, давно уже умершаго, славившагося въ свое время среди крестьянъ деспотизмомъ и взяточничествомъ.

и замазанный пылью, что съ трудомъ можно было разсмотрѣть изображеніе. Отдѣльно, противъ окна, стоялъ третій столъ, покрытый потертымъ зеленымъ сукномъ, облитымъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ чернилами, на которомъ красовался металлическій чернильный приборъ, такая-же пепельница и двѣ-три книги законовъ. Два простыхъ деревянныхъ стула и третій съ мягкимъ потертымъ сидѣньемъ довершали убранство канцеляріи.

Только что сторожъ успѣлъ подмести полъ метлой, какой, обыкновенно, метутъ улицы, отчего поднялось густое облако пыли, какъ въ дверь вошелъ, пыхтя въ формѣ, полицейскаго чиновника самъ земскій засѣдатель Семенъ Александровичъ Шипраковъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ 30-ти, средняго роста, чрезъ мѣру ожирѣвшій, темнорусый, съ бритымъ круглымъ подбородкомъ, краснымъ какъ бы опухшимъ широкимъ лицомъ и большими на выкатѣ налитыми кровью глазами, выражающими что-то звѣроподобное. Вообще, человѣкъ этотъ былъ наружности внушающей мужику страхъ и трепетъ. Не даромъ всѣ крестьяне боялись его, какъ огня.

Зарывавъ силымъ своимъ басомъ на сторожа за поднятую имъ пыль, засѣдатель усѣлся на стулъ у своего стола и, продолжая пыхтѣть, принялся усердно вытирать платкомъ выступившій въ изобиліи на лбу потъ. Глубоко соображая о чемъ то, онъ вынулъ изъ боковаго кармана мундира вчетверо сложенный исписанный кругомъ листъ бумаги и принялся со вниманіемъ его прочитывать. Затѣмъ, взявъ лежавшее подъ рукой „уложеніе о наказаніяхъ“, долго перелистывалъ его, нѣсколько разъ снова обращая къ прочитанной бумагѣ и, откинувшись на спинку стула, предался размышленіямъ.

Чрезъ полчаса вошелъ въ канцелярію письмоводитель засѣдателя, а вскорѣ и другой писецъ. Занявъ свои мѣста, они принялись за обычныя занятія. Засѣдатель, спрятавъ обратно въ карманъ прочитанный имъ нѣсколько разъ листъ бумаги, долго ходилъ взадъ и впередъ по канцеляріи, потомъ отдалъ приказаніе письмоводителю написать волостному правленію предписаніе о немедленномъ доставленіи къ нему за карауломъ крестьянъ деревни Мало-Лапатиной: Сильверста, Михаила, Фрола, Спиридона, Ивана, Никифора и Евстафія Лапатиныхъ.

— У насъ, Семенъ Александровичъ, кажется, такого дѣла нѣтъ. Позвольте узнать, для какой надобности? — спросилъ письмоводитель засѣдателя.

— Я знаю, что нѣтъ. Напишите просто: „по встрѣтившейся надобности“... и больше ничего, — отвѣтилъ засѣдатель.

Скоро предписаніе было написано, засѣдатель подписалъ его, добавивъ сверху: „съ нарочнымъ“ и, возвращая письмоводителю, приказалъ сейчасъ-же отправить, а самъ вышелъ изъ канцеляріи.

Полученное въ волостномъ правленіи предписаніе засѣдателя не мало удивило всѣхъ. Всякъ задавался вопросомъ, чтобы это такое значило? Первыхъ богачей по волости и, вдругъ, „за карауломъ“; главное—въ предписаніи ничего не сказано, для чего и по какому дѣлу Лапатины требуются, а выраженіе: „по встрѣтившейся надобности“ наводило на различныя догадки и размышленія. Но еще бѣлая суматоха поднялась въ Ямкѣ, когда изъ волости пріѣхали два разсыльныхъ съ приказомъ взять Сильверстовыхъ подъ караулъ и доставить къ засѣдателю. Вѣсть эта моментально разнеслась по всей деревнѣ и аханьямъ не было конца. Въ домѣ Сильверстовыхъ плакали бабы, стонали мужики, такъ какъ слово: „за карауломъ“ не предвѣщало ничего хорошаго. Но дѣлать было нечего,—нужно подчиниться требованію начальства. Предъ выѣздомъ изъ дома у всѣхъ иконъ зажжены были свѣчи; каждый сдѣлалъ по три земныхъ поклона и, помолясь Богу, Лапатины отправились подъ конвоемъ двухъ разсыльныхъ волостного правленія.

За всю дорогу Лапатины, не проронивъ ни одного слова,—ѣхали молча. Лишь частые вздохи и унылое выраженіе ихъ лицъ свидѣтельствовали о какомъ-то гнетущемъ ихъ горѣ. Можетъ быть, присутствіе разсыльныхъ стѣсняло ихъ начать какой либо разговоръ о предметѣ ихъ путешествія, или, быть можетъ, и на самомъ дѣлѣ они были переполнены боязнью за будущее, такъ что не въ состояніи были ничего промолвить другъ другу.

Вотъ ужъ стало показываться и село Балахтинское съ каменной бѣлой церковью, а чрезъ нѣсколько минутъ Лапатины на двухъ телѣгахъ вѣхали и въ улицу села.

Сердце пуще прежняго забилося, даже дрожь стала пробѣгать по тѣлу. Никогда они съ такимъ *тріумфомъ* не вѣзжали въ Балахтину; раньше никогда имъ и въ голову не приходило, чтобы быть въ зависимости какихъ-то разсыльныхъ и ѣхать не туда куда бы хотѣлось, а туда, куда везутъ противъ ихъ собственной воли. Всѣмъ имъ такъ и казалось, что каждый на нихъ пальцемъ указываетъ,—что, вотъ, молъ везутъ преступниковъ. Даже выбѣгавшія со дворовъ собаки и тѣ, какъ будто, встрѣчали ихъ недружелюбнымъ лаемъ, точно и они знали, что везутъ злодѣевъ. Вѣхавшій на передней телѣгѣ Михайло, наконецъ, собрался съ духомъ спросить своего конвоира, куда ихъ сначала завезутъ, и когда тотъ отвѣтилъ, что въ волость, то онъ, съ несвойственнымъ ему униженнымъ тономъ, обратился къ разсыльному съ просьбой позволить заѣхать къ Рачковскимъ напиться чаю. Но разсыльный грубо отказалъ въ этомъ. Это обстоятельство еще сильнѣе подѣйствовало угнетающимъ образомъ на нашихъ невольниковъ. Да и не мудрено: Михайлу

Сильверстовичу, которому раньше изъ начальствующихъ волостного правленія никто никогда ни въ чемъ не отказывалъ и даже не смѣли ни въ чемъ противорѣчить ему, вдругъ разсылный отказывается заѣхать къ своимъ знакомымъ.

Вотъ въѣхали и во дворъ волостного правленія. Одинъ изъ сопровождавшихъ разсылныхъ соскочилъ съ телѣи и побѣжалъ въ волость, а другой остался съ Лапатыными во дворѣ. Во всѣхъ окнахъ волостного правленія показались головы любопытныхъ, всѣ бросили свои занятія и смотрѣли на богачей-арестантовъ. Но никто изъ начальствующихъ, ни даже пріятель Сильверстовыхъ — волостной писарь не вышли къ нимъ поздороваться и пожать по прежнему руку.

„Всѣ друзья пріятели до чернаго лишь дня“, тяжело вздохнувъ, промолвилъ старый Сильверстъ.

Наконецъ, дверь отворилась и показалась фигура горбатенькаго человѣчка, — это Тимка, волостной сторожъ, служившій около 20 лѣтъ на этой должности. Онъ приказалъ Сильверстовымъ слѣдовать за нимъ въ отдѣльное отъ волостнаго правленія небольшое зданіе, стоявшее тутъ же во дворѣ. Сильверстовы, разумѣется, повиновались. Переступивъ порогъ этого зданія, Тимка обратился къ мужику въ засаленномъ азымѣ, у котораго въ рукахъ была связка ключей.

— Вотъ, Панкратъичъ, гости къ тебѣ, принимай ихъ, да посади въ ту заднюю камеру. Потомъ Тимка отозвалъ Панкратъича въ сторону и потихоньку передалъ приказаніе начальства: „Никого постороннихъ къ нимъ не допускать“. Сильверстовы, повѣсивъ головы, молча послѣдовали за нимъ по корридорю, въ которомъ по обѣ стороны были камеры, запертыя на замки. Подойдя къ задней камерѣ и отворивъ широко дверь, Панкратъичъ промолвилъ: „Ну, заходите“. Замокъ загремелъ, и Сильверстовы очутились совершенно отдѣленными отъ внѣшняго міра.

С. А. Коваленко.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Разсказъ приленскаго мужика о томъ, какъ увели его лошадей,

Было это дѣло въ концѣ мая. Мы съ дядей орали въ полѣ. Лошади у насъ, самъ ты знаешь, какія здоровыя, крѣпкія, неистомчивыя, а я тебѣ скажу, что теперь ихъ въ половину нѣтъ противъ того, что было. И самъ то я досель не могу оправиться отъ тогдашней передряги: исхудалъ, изсохъ, голосомъ истратился. Три недѣли изо дня въ день, изъ ночи въ ночь проходилъ, едва голову на плечахъ сносилъ.

Такъ мы вотъ съ дядей и орали до темноты; ужъ совсѣмъ за вечерѣло, какъ мы орку кончили, лошадей выпрягли и въ выгороду стустили (у насъ, вишь ты, въ паренинѣ такая выгорода была тогда). Хотимъ домой уходить, а та пѣгая то кобыла, что у меня въ корню ходитъ, все отъ меня не отстаеетъ; кружить себѣ да свищетъ, словно бы ей и отходить отъ насъ не хотѣлось. А татары, надо тебѣ сказать, три дня назадъ черезъ нашу деревню проходили и одинъ старикъ ихній мнѣ за ту кобылу 100 цѣлковыхъ давалъ да я ему напрямки отрубилъ, что, молъ, и за 200 не отдамъ. Видно они были гдѣ-нибудь поближности укрывши, можетъ — и изъ лѣсу поглядывали, какъ мы лошадей-то въ выгороду спускали, что пѣгая кобыла ихъ чужала; одно слово, пришли мы, значить, на другой день рано въ поле, сошли въ выгороду за конями — не нашли ихъ. Мы, было, туда-сюда, — до обѣда проискали, куды тебѣ и слѣдъ простылъ! Нѣтъ нигдѣ ни нашей тройки, ни сосѣдскихъ четырехъ лошадей.

Прихожу я къ дядѣ, совсѣмъ съ ногъ смялся, говорю: „тутъ, дядюшка, что нибудь не ладно! Не проста наши лошади пропали, увели ихъ гололобые проклятые“. Пришли къ дядѣ и тѣ четверо сосѣдей, у которыхъ по одной лошаденкѣ увели; стоимъ мы кучей у воротъ, да толкуемъ, что намъ стать дѣлать, а мнѣ, правду сказать, ничто и въ голову не лѣзетъ: чуетъ только мое сердечушко, что увели нашихъ трехъ лошадушекъ въ самую страдную порушку, что нечѣмъ пашню поднять, обсѣяться, что придется съ семьей голодать. Тѣмъ временемъ ѣдетъ изъ забытого золотого пріиска писарь нашъ Кузьма Кузьмичъ. „Что вы“, кричитъ, „ребята, въ кучу собравши, дѣлаете? Бога въ васъ нѣтъ братцы, что въ страдную пору задумали праздновать, да объ вздорѣ толковать“. — „Не о вздорѣ собрались мы Кузьма Кузьмичъ, говорю я, толковать, а горе горезать“. „Что такое, спрашиваетъ, а я ему: такъ и такъ молъ говорю, коней нашихъ увели.“ „А какіе такіе твои кони“. „А вотъ говорю гнѣденькій, да буланый, да вороненькій, да сосѣдскихъ четыре бѣленькихъ“. „Э! братъ, говоритъ, знаю я, гдѣ они. Ъхалъ я, вишь ты, вече-

ромъ изъ забытаго пріиска, да въ Голодаевкѣ на ночь у пріятеля кабатчика остался. Затолковались мы съ нимъ за самова-ромъ, да за полночь и засидѣлись, вдругъ, слышимъ собаки за-лаяли, чуть не со всей деревни сбѣжались, да такой гвалтъ подняли,—что бѣда! Выскочили мы на улицу, а мимо то насъ, что вихорь, на семи лошадяхъ какіе-то проскакали. Только мы и видѣли; поѣзжай, братъ, въ ту сторону, авось, больше моего узнаешь“. А на чемъ поѣдешь, какъ лошадей то нѣтъ? Я, было, къ тѣмъ сосѣдямъ, у которыхъ по лошади пропало; прошу, что-бы дали мнѣ своихъ лошадей въ погоню: такъ нѣтъ, всѣ они другъ за дружку хоронятся отъ дѣла отлыниваютъ! Имъ и, вѣ-стимо, горюшка мало, потому по одной лошади то пропало, да и то лядащей, а чужое горе никому не похмѣлье!.. Изъ чужой деревни надо мной одинъ мужикъ сжалился: далъ мнѣ на пять дней лошадь и богатую лошадь. Поѣхалъ я вдвоємъ съ сосѣд-скимъ сыномъ, Петрованомъ; въ Голодаевку пріѣхали, тамъ поспрошали, все какъ есть развѣдали, дальше поѣхали, гонимъ, что есть духу, верстъ съ 200 гнали, пріѣхали тожъ въ деревню, спрашиваемъ:—Проѣзжали ли тутъ татары?—Какъ-же, говорятъ, на семи лошадяхъ проѣзжали. Мы еще ихъ спрашивали: куда, молъ, братцы, ѣдете, бойко гоните? А они отвѣтъ держатъ: „на свадьбу, молъ, поспѣшаемъ“. Покатили мы дальше, по дорогѣ поѣхали, и въ трехъ деревняхъ намъ объ татарахъ сказывали, а въ четвертой ихъ и слѣдъ простылъ: никто объ нихъ и не слыхивалъ. Вотъ и смекнули мы, что они съ дороги-то въ сто-рону куда-нибудь стрекача дали, вернулись назадъ, по просел-ку поѣхали и опять на ихъ слѣдъ наткнулись. Шестеро сутокъ мы съ Петрованомъ ѣздили—гоняли, такъ что его конь ужъ и на ноги припадать сталъ. Пріѣдемъ въ село, станемъ о татарахъ спрашивать, намъ говорятъ, что они часовъ за шесть до насъ тамъ были, да уже давненько уѣхали. Вотъ и стало меня раз-думье братъ: ношусь я, молъ, добрый молодець, за разбойника-ми, шестеро сутокъ, а догнать ихъ мнѣ не въ моготу; денегъ у меня всего два рубля (да хвастать передъ тобой баринъ, не хо-чу и тѣ послѣдніе изъ дому увезъ), ѣзжу я на чужой, на до-рогой лошади: а ну, какъ я ни своихъ коней не отыщу, ни чу-жой лошади хозяину не верну, потому заморю—вѣдь, придется тогда къ нему со всей семьей въ кабалу итти“. И говорю я Петровану: твой конь на ноги припадать сталъ, тебѣ за мной не уѣхать, да я и чужой лошади не хочу заморить, не хочу зломъ за добро платить, свою семью губить; а возьми-ка ты мо-его коня, да вернись съ нимъ домой. Снеси отъ меня поклонъ дядѣ съ теткой и женѣ поклонъ, чтобъ дюжо не убивались по мнѣ, а моя судьба есть порѣшенная—я своихъ коней искать пойду: либо ихъ найду, либо голову сложу, потому уже лучше

одинъ конецъ: вѣдь, намъ безъ лошадей и такъ по міру придется итти, такъ лучше сраму не пережить.

И шелъ я, шелъ, добрый молодецъ; ни близко, ни далеко, а добрелъ до границы округа Олекминскаго; указали мнѣ тутъ, что они по дорогѣ къ Нохтуйску погнажи; и я туда уже свернулъ. Долго ходилъ я. Кругомъ меня добрые люди стали поговаривать: „Что, молъ, ты любезный человѣкъ, здѣсь бродишь? Не твое здѣсь мѣсто, на самомъ тебѣ зипунишко оборванный, а ты говоришь, будто тройки своей отыскиваешь. Ужъ ты это не басни ли пишешь? Видимое ли дѣло, чтобы за тройкой пѣшкомъ кто гоняться вздумалъ, да въ чужой бы округъ безъ погонной, да безъ явочной пустился за 800 верстъ отъ дому“. Одно слово, говорятъ, не попадайся въ сердитый часъ старостѣ. Я имъ говорю: Ничего вашъ староста сдѣлать мнѣ не можетъ, потому я по слѣду иду. А самъ себѣ думаю: а ну, какъ и въ самомъ дѣлѣ ко мнѣ староста привяжется, да къ засѣдателю за бродягу представить: отклеваться мнѣ отъ старосты нечѣмъ, а засѣдатель, если меня и отпуститъ черезъ нѣсколько дней, такъ ужъ слѣдъ то у меня тогда совсѣмъ изъ виду уйдетъ.

И такая-то на меня ужасъ напала, какъ я на чужой сторонѣ очутился—и холодный, и голодный, и безденежный, и безпомощный, какъ добрые люди меня за бродягу сочли, что я присѣлъ на дорогѣ да облился горькими слезами. И надумалъ я итти къ горному исправнику, что по близности жилъ на приискѣ, объяснить ему все дѣло, просить его помощи—заступничества. Пришелъ къ горному исправнику, да хвастать не стану—баринъ, чтобы добрый, а просто, какъ увидѣлъ его, такъ у меня и ноги подкосились, потому—передъ властью: вѣдь, онъ воленъ казнить, воленъ и миловать. Бухнулъ я ему въ ноги, да только и могъ выговорить: пощади, господинъ, заставь за себя Богу молиться! Видно, онъ былъ человѣкъ степенный, потому поднялъ меня, сталъ спрашивать... Сказалъ я ему, что въ погонѣ за злодѣями, деньгами истратился, не взялъ съ собой никакого вида, потому за этимъ ходить было мнѣ нельзя, не потерявъ слѣда. Сталъ я просить себѣ записи охранной отъ его милости. И далъ онъ мнѣ—человѣку черному, неграмотному запись, тамъ и имя мое проставилъ и прозванье, да отъ себя прибавилъ, чтобы во всемъ его районѣ мнѣ отъ приискаго начальства помощь подана была.

И сталъ онъ потомъ отъ меня вывѣдывать: „а какія такія твои лошади мастью? А вотъ говорю: пѣгая, да буланая, да вороненькая, да сосѣдскихъ четыре бѣленькихъ.

— Э! братъ, да не на твоихъ ли лошадяхъ дня три назадъ мимо моей квартиры татары проѣзжали? Коли такъ, я и татаръ твоихъ знаю и тебѣ могу ихъ назвать, гдѣ и гнѣздо ихнее, только

тебѣ туда, особливо одному, и соваться не совѣтую; не сносить тебѣ будетъ головы на плечахъ“.

— Ваше благородіе, сказалъ я ему, посуди ты самъ, куда я безъ лошадей гожусь, куда дѣнусь? Ужъ либо я голову сложу, либо лошадей найду. Лучше умереть, чѣмъ по міру ходить, а женку да дѣтокъ добрые люди не оставятъ.

— Ну, твоя воля, братецъ, ступай; только притонъ ихній—не близкое дѣло, верстъ до него 300 будетъ.

Написалъ онъ на запискѣ имена воровъ, что мимо его ѣхали; рассказалъ мнѣ дорогу къ ихнему притону и отпустилъ отъ себя. Я отъ его милости взялъ записку, поклонился ему до сырой земли, вышелъ на дворъ, и стало у меня на сердцѣ словно полегче. Опять пустился въ путь дороженьку; шелъ, шелъ, безъ устали шелъ, словно кто меня сзади стягомъ погонялъ: бывало, идешь, идешь, вотъ ужъ ноги-то и приставать станутъ, совсѣмъ почитай итти отказываются, а я сойду къ водѣ, войду въ нее по колѣно, да такъ-то и постужу ноги; а тамъ опять въ дорогу. Сталъ я такимъ родомъ къ Мачинской деревнѣ подходить. Кого не спрошу о дорогѣ къ тому татарскому притону, всякъ только головой покачаетъ да скажетъ: „не ходи, добрый человѣкъ, въ тѣ мѣста, коли хочешь живъ домой вернуться! Пронюхаютъ гололобые, что ты по ихъ слѣду идешь—не одобровать тебѣ будетъ: пришибутъ да забросятъ въ такое мѣсто, откуда и вранъ костей не вынесетъ“. А меня, вѣришь ли, баринъ, и страхъ-то не беретъ! Словно я какой стальной на ту пору сталъ; людей слушаю, а самъ себѣ думаю: лучше самъ пропаду, чѣмъ конямъ кормильцамъ пропадать у гололобыхъ! Ужъ чего бы кажется: одинъ богатый золотопромышленникъ, у котораго я на пріискѣ ночевалъ, тоже меня уговаривалъ: „не ходи, братъ, въ эти мѣста; я—не тебѣ чета, а какъ въ прошломъ году сталъ доискиваться своихъ лошадей у этихъ воровъ—татаръ, такъ они моего пріиска чуть не сожгли. Онъ же мнѣ и три рубля на дорогу пожаловалъ“.

А я все шелъ, да шелъ. Только вотъ ужъ какъ у меня послѣднія копѣйки изъ рукъ вышли, да пришлось по людямъ христорадничать, тутъ меня бодрость покидать стала. Да я же въ ту пору и на сторонку-то пришелъ нелюдимую—все тайга, да и тайга какая—не нашей чета. Все острова дремучія, непроходимыя, гдѣ одному развѣ медвѣдю таежному привольно живется. И точно, коли тутъ убьютъ да бросятъ, никому не сыскать будетъ моихъ косточекъ, растаскаютъ ихъ звѣри хищные, не оплачутъ жена съ дѣтками. Да такъ-то мнѣ сгрустилось, такой на меня страхъ напалъ, что я сѣлъ на дорогѣ, и задумался. И домой то тянетъ, и къ лошадушкамъ-то тянетъ,—просто такъ въ головѣ все помутилось, что

кажется бы руки на себя и наложилъ, кабы не вздумалось дьявола молитвой отогнать.

Сталъ я молиться и долго молился, припадаючи къ сырой землѣ, а только и могъ вымолвить: „Господи, что мнѣ стать дѣлать, пошли мнѣ, темному грѣшнику, свое наставленіе“! Потомъ всталъ, пошелъ и сталъ ждать отъ Бога наставленія.

Вижу идетъ мнѣ баба на встрѣчу. Я къ ней: тетушка, говорю, вотъ молъ такъ и такъ; рассказываю ей: куда иду, —чего ищу. А она-то мнѣ: „глупое ты, родимый, затѣялъ: воротись ка ты къ женѣ съ дѣтками, коли жизнь тебѣ мила дорога“. Нѣтъ, думаю, это мнѣ наставленіе не отъ Бога посылается! Поплелся дальше и прибрелъ на ночь въ деревню. Пустилъ меня одинъ старикъ къ себѣ ночевать, сталъ меня спрашивать, откуда бреду и куда иду—я и рассказалъ ему всю подноготную, а потомъ сталъ на судьбу свою жалиться. Онъ какъ посмотрѣлъ на меня, такъ и закачалъ головой: „Ахъ вы, говоритъ, люди нонѣшніе-вчерашніе, маловѣры безпутные! За дѣломъ ты идешь, своего добра ищешь, да еще убиваешься, что деньжонками истратился, платишкомъ пообносился. Да имя-то Христово, вѣдь, и для насъ дано! Проси во имя Его: нигдѣ тебѣ въ кускѣ отказу не будетъ. Да и статочное ли дѣло тебѣ домой возвращаться, когда ты 1000 верстъ прошелъ и, почитай, до самаго ихняго разбойничьяго притона дошелъ“.

Вотъ это-то и есть наставленіе мнѣ отъ Бога! подумалъ я.

Накормилъ онъ меня, напоилъ и дорогу мнѣ указалъ. За тою деревнею вошелъ я въ Якуты. Много тамъ ихъ живетъ: мужики то, знаешь, смыслятъ по русски, а бабы да дѣти хоть-бы слово знали. И шелъ я Якутами дня два по тайгѣ. Вотъ иду разъ по тайгѣ; глушь кругомъ, мохъ да тайга; сталъ подходить къ просвѣтинкѣ, и вижу на полянкѣ въ тайгѣ телѣги стоятъ, а межъ телѣгъ огни горятъ, а у огней татары сидятъ и промежъ себя на своемъ поганомъ языкѣ стрекочутъ. И много ихъ тутъ было: семей съ 30. Вижу я тоже, за телѣгами рѣчка бѣжитъ; за рѣчкою кони на лугу пасутся, и одинъ татаринъ на сосѣдскомъ конѣ около нихъ разъѣзжаетъ. Меня какъ словно ошпарило, какъ я лошадь знакомую увидалъ; не знаю, какъ я на него не бросился, какъ его съ коня не сорвалъ, ногами не истопталъ, какъ со злобы своей головушки не сгубилъ! Однако же, сдержалъ я себя, да по кустовнягѣ прочь отъ татаръ поползъ; берегомъ рѣчки съ версту ползъ и изъ тайги выползъ. Вижу на рѣчкѣ рыбакъ морды встряхиваетъ. Я къ нему, да прямо въ ноги и повалился: „братъ, говорю, не выдай меня собакамъ на съѣденіе! Ограбили меня, послѣднее добро у меня злодѣи-татары отняли; я своего добра искать пришелъ; не продай меня имъ, а помоги въ бѣдѣ—тебя за это Господь награ-

доть“. Онъ мнѣ въ отвѣтъ говоритъ: „ты не смотри, чужой человекъ, на то, что я якутъ; на мнѣ всячески хрестъ есть, и я тебя, русскаго, на татарина не промѣняю“.

Я ему все разсказалъ, а тамъ говорю: покажи ты мнѣ бродъ въ этой рѣчкѣ; я пойду къ нимъ по тому берегу, да и посмотрю, точно ли моя тройка между ихъ лошадьми есть. Онъ показалъ мнѣ бродъ, я раздѣлся, все какъ есть платье у него оставилъ, чтобы на той сторонѣ меня нагого нельзя было распознать, русскій-ли я, якутъ-ли, и побрелъ на ту сторону. Не прошелъ я и полу-версты по берегу, какъ на свою тройку и наткнулся. Ходятъ, вижу, мои родненькія лошадушки, травку пощипываютъ, а на самихъ—взглянуть страшно: бока словно двѣ доски, еле ноги переставляютъ. Ударился я о земь. чуть не завопилъ съ радости, ихъ увидавши, чуть не сталъ причитывать по бабьему. Вотъ, думаю, и видишь васъ, родненькихъ моихъ, а не возьмешь!.. А самага-то въ ретивое такъ и колетъ, такъ оно и ноетъ: видно, кровью обливается. Поглядѣлъ я, поглядѣлъ на нихъ да и побѣжалъ назадъ къ рыбаку. „Дядюшка, води меня въ свой улусъ къ старостѣ“!

Ужъ вечерѣло; солнышко за лѣсъ сѣсть собиралось; работы въ поляхъ къ концу подходили. Я всю правду старостѣ разсказалъ, сталъ его помощи молить: „не погуби, говорю, съ женою, съ малыми дѣтками, не заставь по міру итти отъ разбойниковъ“. А народъ-то съ работъ подоспѣлъ, такъ я, то къ тому, то къ другому—всѣхъ помочь прошу; кажется, такому вотъ мальчугану, и тому въ ноги кланялся. А староста мнѣ говоритъ въ отвѣтъ: „я помогу тебѣ, братъ, небось, только вотъ спысываю еще въ два улуса, что подъ моимъ началомъ состоятъ“. Ты, я говорю, дѣлай, какъ знаешь, а дай мнѣ караулъ изъ десяти человекъ, побойчѣе да попроворнѣе, чтобы до вашего прихода могли мы лошадей моихъ оберечь отъ татаръ. Онъ мнѣ далъ десять человекъ, и мы тотчасъ, по стягу въ руки, узды съ собой захватили, да въ поле; какъ къ своей тройкѣ я подошелъ, такъ ее тотчасъ оброталъ, привязалъ къ кусту, карауломъ обставилъ и жду якутовъ. А тѣмъ временемъ и повѣсти кто-то татаръ, что до ихъ коней я съ якутами добираюсь. И пошли свисты по тайгѣ; видимъ мы, что бѣгутъ издали на насъ татары, кричатъ что-то по своему, стягами машутъ. А съ другой-то стороны якуты бѣгутъ отъ броду, около насъ въ кучу скопляются. Набѣжали татары, стали на насъ со стягами бросаться, а мы, было, сначала только ихъ стяги отбиваемъ, стягъ со стягомъ сплетается, никому вреда не дѣлается. Такъ нѣтъ-же: стали они норовить, какъ-бы насъ побольше донять: троимъ якутамъ по головѣ стягомъ попали, такъ ихъ съ ногъ и срѣзало. Вотъ и разгнѣвались наши якуты, на татаръ ударили:

какъ зачали ихъ молотить, такъ такая завязалась головщина, что бѣда! Со стягами, вѣдь—шутка плоха!

Плохо пришлось татарамъ:—побѣжали злодѣи въ лѣсъ, а якуты за ними. Я въ ту пору со страху, что изъ-за меня убивство произойдетъ, взялъ лошадей своихъ, да въ улусъ къ старостѣ и поѣхалъ. Съ тревоги-то меня даже дрожь проняла такая, что я забрался на печку, да тамъ и лежу. Вотъ пришелъ староста и сталъ что-то съ женою по своему обо мнѣ говорить. Я и говорю ему: „что вы при мнѣ говорите по своему! это не хорошо, я вашего языка не могу понимать. Вѣрно вы обо мнѣ говорите? „Объ тебѣ. говоримъ мы, чужой человѣкъ, что вотъ какая изъ за тебя головщина вышла, что намъ за тебя отвѣчать придется, а тебѣ и горюшка мало—взялъ да ушелъ, и вся недолга „Худо же вы обо мнѣ думаете, а я вамъ скажу, что кабы вы меня и гнали отъ лошадушекъ моихъ, такъ я бы не пошелъ, пока ихъ не достану, пока во мнѣ капля крови останется. А вы со мной, что хотите, то и дѣлайте.

Повезли меня въ инородческую волость вмѣстѣ съ десятью татарами, что связать успѣли наканунѣ. Тамъ голова съ писмоводителемъ надумали меня къ засѣдателю стправить за 80 верстъ. „Братцы, говорю я имъ, заставьте за себя Богу молить: у меня поле не засѣяно, а вы меня хотите къ засѣдателю посылать, дѣло затягивать. Лучше я вамъ своихъ лошадушекъ оставлю, а меня вы домой отпустите: я вамъ оттуда свидѣтельство привезу, что лошади точно мои, да денегъ изъ дому захвачу васъ благодарить, да старостѣ за прокормленіе лошадей заплатить.

Понравился имъ мой отвѣтъ, отпустили меня домой, еще и на дорогу дали. Дошелъ я до пароходной пристани, да потомъ съ Громовскимъ пароходомъ домой пріѣхалъ. А дома-то ужъ обо мнѣ живомъ и думать забыли: бабы давно причитывали, самъ дядя голову повѣсилъ.

Прихожу, ко мнѣ всѣ бросились съ распросами. „Нѣтъ, говорю, прежде напои, накорми, потомъ что дѣлѣ спроси“. Вотъ ужъ какъ отдохнулъ я маленько, такъ и сказалъ имъ, что лошадей нашелъ, что за ними ѣхать надобно. Всѣ такъ и ахнули.

Собрались мы „съ послѣдними крохами“—кое-что заложили, кое-что распродали, запаслись бумагами отъ засѣдателя нашего да отъ волостного правленія и поѣхали лошадушекъ выручать. Охъ, да ужъ лучше и не вспоминать, баринъ, что та выручка стоила! Вотъ ужъ годъ прошелъ, а все я отъ того приключенья оправиться не могу.

П. Кузьминъ.

Олекминскъ.

Къ вопросу о народномъ кредитѣ *).

Первоначальная организація народнаго кредита въ Россіи выразилась въ основаніи ссудосберегательныхъ товариществъ Шульце-Деличевскаго типа; первое изъ нихъ было основано въ 1865 г., если не считать ссудныхъ товариществъ, основанныхъ нѣмецкими мастерами въ Ригѣ—въ 1862 г. и въ Одессѣ и Митавѣ—въ 1863 г. Первыми основателями русскихъ ссудосберегательныхъ товариществъ были Лушнинъ и Колюпановъ, которые, ознакомившись съ организаціей кредитныхъ товариществъ Шульце-Делича въ Германіи, устроили по этому образцу первое русское ссудосберегательное товарищество въ селѣ Доровашовѣ Ветлужскаго уѣзда Костромской губ. Практика убѣдила однако очень скоро какъ Колюпанова, такъ и еще одного изъ руководителей этого движенія, Яковлева, въ невозможности разсчитывать на самостоятельность тамъ, гдѣ нѣтъ ни матеріальныхъ средствъ, ни самага первоначальнаго образованія. Но изъ этого положенія руководители движенія видѣли выходъ въ матеріальной поддержкѣ государства или земствъ и, наконецъ, просто въ участіи интеллигенціи. Уже въ 1869 г. Яковлевъ писалъ: „Есть и такія положенія, въ которыхъ не можетъ быть и рѣчи о самостоятельности или объ отвѣтственности за свое положеніе, гдѣ безъ помощи извнѣ невозможно движеніе. Массы, къ сожалѣнію, находятся еще въ этомъ положеніи. Не придавая поэтому такого исключительнаго значенія принципу самостоятельности, не считая возможнымъ разсчитывать на одну частную инициативу, мы должны искать такихъ учрежденій, которыя могли-бы провести кредитъ въ тѣ слои общества, гдѣ нѣтъ самостоятельности, какъ по рѣшительному отсутствію матеріальныхъ средствъ, такъ и по недостатку развитія. Въ этомъ случаѣ остается одинъ способъ—это вмѣшательство либо государства, либо земства, либо, наконецъ, просто образованнаго класса“. (Яковлевъ. „Очеркъ народнаго кредита“. 1869 г.).

Почти то-же высказываетъ и Колюпаевъ въ сборникѣ „Недѣли“—„Русскіе общественные вопросы“ за 1872 г.: „Учрежденіе ссудныхъ товариществъ и сельско-производительныхъ ассоціацій при неразвитости крестьянскаго населенія требуетъ инициативы со стороны сочувствующихъ этому движенію людей изъ образованнаго меньшинства“.

На то-же указываетъ извѣстный статистикъ Орловъ, на московскомъ съѣздѣ представителей ссудосберегательныхъ това-

*) Матеріаломъ для настоящей замѣтки послужила статья Прокоповича: „Ссудосберегательныя Товарищества“. Народное Хоз. 1901 г. Іюнь.

риществъ и князь А. И. Васильчиковъ въ своемъ докладѣ И. В. Экономическому Обществу въ 1873 г. Послѣдній, между прочимъ, указывая на неразвитость крестьянскаго населенія, приводитъ въ примѣръ товарищество изъ 188 человекъ, изъ которыхъ только двое были грамотны и ни одинъ не зналъ 4-хъ правилъ ариѳметики. Понятно, что при такихъ условіяхъ дѣло итти не могло.

Такимъ образомъ, практика сблизила первыя попытки организаціи народнаго кредита съ другимъ нѣмецкимъ движеніемъ, противупоставлявшимъ началамъ самопомощи—помощь государства и заставила признать непригодность для русской жизни Шульце-Деличевскихъ принциповъ самопомощи и самодѣятельности, какъ исключительныхъ основъ подобныхъ товариществъ. Надо, впрочемъ, оговориться, что товарищества этого типа плохо развивались именно въ деревнѣ и оказались гораздо болѣе жизненнымъ учрежденіемъ въ городѣ, что, какъ извѣстно, наблюдалось и въ Германіи и вызвало тамъ къ жизни сельскія Райфѣйзеловскія кассы.

Уже въ 1872 г. Государственному банку было дано разрѣшеніе открывать кредитъ ссудосберегательнымъ товариществамъ въ пятикратномъ размѣрѣ противъ ихъ паеваго капитала и тогда-же, пользуясь этимъ правомъ, государственный банкъ могъ-бы довести свои ссуды мелкимъ кредитнымъ учрежденіямъ до десятковъ милліоновъ рублей; кредитъ этотъ, однако, никогда не превышалъ 1.500 000 р., въ срединѣ-же 80-хъ годовъ онъ упалъ до 800 тыс. руб., а въ 1899 г. (по XXV-му отчету Комитета о сельскихъ ссудосберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ) равнялся всего 247 тыс. руб. Гораздо болѣе существенную помощь въ дѣлѣ организаціи мелкаго народнаго кредита оказали земства, первыми изъ которыхъ (въ 69 г.) откликнулись Новгородское губернское и Псковское уѣздное. Затѣмъ, послѣдовалъ рядъ съѣздовъ представителей ссудосберегательныхъ товариществъ въ Псковѣ—въ 1875 г., 79, 84, 94 и 96 г.г. въ Смоленскѣ—въ 1876 г., Москвѣ—76 г. (2 съѣзда) и 98 г., Мелитополѣ (Таврич. губ.) въ 79 г. и Перми—1900 г.

Главная помощь земствъ выразилась, конечно, въ выдачѣ товариществамъ ссудъ. По сводной таблицѣ В. Н. Хитрово, приложенной къ книгѣ П. А. Соколовскаго „Дѣятельность земствъ по устройству ссудосберегательныхъ товариществъ“, помощь эта выразилась слѣдующимъ образомъ:

Года.	Всего открыто товарищ.	Получило перво-начальную по-мощь отъ зем-ства.	Въ %	Года.	Всего открыто товариществъ.	Получило перво-начальную по-мощь отъ зем-ства.	Въ %
1870 . . .	8	5	63	1879 . . .	36	7	19
1871 . . .	27	14	52	1880 . . .	70	23	33
1872 . . .	62	33	53	1881 . . .	60	11	18
1873 . . .	165	96	58	1882 . . .	56	14	25
1874 . . .	124	65	52	1883 . . .	38	9	24
1875 . . .	125	60	48	1884 . . .	24	2	8
1876 . . .	157	38	24	1885 . . .	16	2	13
1877 . . .	149	29	19	1886 . . .	22	1	4
1878 . . .	69	12	17	1887 . . .	18	1	6

Какъ видно изъ этой таблицы, учредительская дѣятельность земствъ начинается падать съ 1878 г., а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣваетъ и интересъ русскаго общества къ дѣлу организаціи народнаго кредита.

Что-же помѣшало развитію этихъ товариществъ и почему въ обществѣ исчезла вѣра въ это дѣло?

Одной изъ самыхъ важныхъ причинъ, мѣшавшихъ развитію дѣла, былъ, какъ уже указывалось выше, низкій уровень народнаго образованія, затѣмъ отсутствіе денегъ въ деревнѣ и, наконецъ, неспособность крестьянина коммерчески отнестись къ ссудѣ. По свидѣтельству многихъ земствъ, имѣя возможность занять деньги, крестьянинъ, у котораго такая масса неудовлетворенныхъ нуждъ, рѣдко удерживается отъ займа, а получивъ его и израсходовавъ незамѣтнымъ образомъ на хозяйство, онъ только влѣзаетъ въ долгъ, не получивъ на эти занятыя деньги никакого прироста. Все это причины, конечно, неустраняемыя никакими уставами и никакой организаціей товариществъ.

Впрочемъ, послѣдняя причина,—это неумѣнье съ толкомъ воспользоваться ссудой, сказывается гораздо ярче не въ свободныхъ товариществахъ, а въ товариществахъ общественно-принудительнаго характера, въ составъ которыхъ включаются на основаніи мірскаго приговора всѣ домохозяева, приписанные къ данной волости или сельскому обществу, не сообразуясь съ ихъ желаніемъ пользоваться кредитомъ.

По словамъ Колупанова, общинный способъ распредѣленія занятыхъ суммъ „совершенно уничтожаетъ основную задачу кредита. По существующимъ обычаямъ, истекающимъ изъ самой сущности поземельной общины и потому непреложнымъ и не-

предотвратимымъ, крестьяне все полученное на волость или на общину дѣлятъ по-ровну“. *)

Понятно, что при такомъ дѣленіи, ссуды совсѣмъ не соразмѣрны съ потребностями и употребить ихъ съ наибольшей возможной выгодой крестьянину еще труднѣе, чѣмъ обыкновенно.

Но кромѣ этихъ причинъ, зависящихъ отъ всего склада жизни, есть и другія, прямо вытекающія изъ самаго устава и, слѣдовательно, устранимыя лучшей организаціей дѣла. Къ такимъ причинамъ относится прежде всего противуобщинный характеръ обычныхъ ссудосберегательныхъ товариществъ. Не обладая недостаткомъ, присущимъ тѣмъ товариществамъ, которыя составлены по мірскимъ приговорамъ на общинныхъ началахъ—нивеллировкой кредита,—они впадаютъ въ противоположную крайность. Кредитомъ могутъ въ нихъ пользоваться не только не всѣ, но почти исключительно богатое меньшинство; бѣдняки въ эти товарищества не попадаютъ, богатымъ-же, само собой разумѣется, помощь или ненужна, или нужна гораздо меньше.

Тотъ фактъ, что товарищества не удовлетворяютъ потребности въ кредитѣ бѣдныхъ хозяевъ, удостовѣряется многими изъ земствъ: вологодскимъ, новоржевскимъ, воронежскимъ, казанскимъ, полтавскимъ, хотимскимъ и московскимъ уѣздными земствами.

Именно этотъ фактъ вызвалъ въ обществѣ агитацію сторонниковъ русской общины противъ всего движенія въ пользу ссудосберегательныхъ товариществъ. Но мало того, что ссудосберегательныя товарищества этого типа способствуютъ своей поддержкой болѣе самостоятельныхъ элементовъ деревни—раздѣленію крестьянства, они еще вовлекаютъ крестьянское хозяйство въ капиталистическій оборотъ, такъ какъ именно въ такихъ хозяйствахъ ссуды скорѣе оборачиваются и приносятъ большій доходъ, чѣмъ въ хозяйствѣ натуральномъ. А это, въ свою очередь, вызывало противодѣйствіе устройству товариществъ со стороны сторонниковъ русской общины.

Что мѣшало бѣднякамъ пользоваться ссудами этихъ товариществъ—это необходимость внесенія пая для участія въ товариществѣ. Такимъ образомъ, противуобщинный характеръ этихъ кредитныхъ учрежденій сводится къ одному изъ недостатковъ устава—необходимости паевого взноса.

Въ самомъ дѣлѣ, чтобы занять 20—30 руб., приходится имѣть 25-и рубл. пай; понятно, что бѣдняки или совсѣмъ не пользуются ссудами товариществъ или, занявъ подъ большіе проценты на день—два 25 р., дѣлаются пайщиками, но вмѣсто

*) Коллюпановъ. „Практическое руководство къ учрежденію сельскихъ и ремесленныхъ банковъ“.

20-и имѣютъ 45 руб. долга и фиктивное сбереженіе въ 25 руб.

Съ другой стороны дивидендъ распредѣляется по паямъ и пай часто берутся не для полученія ссудъ, а для пользованія дивидендомъ, и капиталъ товарищества такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы служить бѣднѣйшей части населенія, эксплуатируется богатымъ меньшинствомъ.

Другой недостатокъ устава товариществъ—это краткосрочность ссудъ, на что уже давно указывалось въ литературѣ.

Слѣдовательно, кромѣ причинъ, обусловленныхъ самой жизнью, какъ недостатокъ элементарнаго образованія и развитія въ народѣ, отсутствіе денегъ въ деревнѣ (недостатокъ денегъ могъ бы быть выполненъ помощью государствен. банка и земства, но 1-й сдѣлалъ, какъ мы видѣли, въ этомъ отношеніи очень мало, а помощь послѣдняго упала вмѣстѣ съ исчезновеніемъ интереса къ дѣлу въ обществѣ и земствѣ), неумѣнье коммерчески воспользоваться ссудой,—есть еще и недостатки вполне устранимые постановкой дѣла. Это—обязательность паеваго капитала и вытекающій отсюда противубщинный характеръ товариществъ и во вторыхъ—краткосрочность ссудъ.

Именно эти-то недостатки организаціи и устраняются положеніемъ о кредитныхъ товариществахъ 1-го іюня 95-го г. Такъ, этимъ положеніемъ совершенно уничтожается паевой капиталъ, а срокъ ссуды продолженъ до 5 лѣтъ. Полученіе ссудъ обставлено, правда, новыми затрудненіями—личнымъ обязательствомъ или залогомъ недвижимаго имущества, но практика и раньше привела къ тому, что большинство товариществъ выдавало ссуды, сообразуясь съ кредитоспособностью своихъ членовъ. Положеніе 95-го года пытается даже бороться съ неумѣніемъ крестьянъ воспользоваться ссудой и 2-й пунктъ положенія гласитъ, что ссуды изъ товариществъ могутъ получаться лишь „для удовлетворенія хозяйственныхъ потребностей“; но надѣяться на хорошіе результаты административнаго предписанія въ этой области, конечно, трудно. Въ общемъ, про кредитныя товарищества по положенію 1895 г. надо сказать, что они гораздо болѣе приспособлены къ нуждамъ и особенностямъ сельскаго населенія, а по разнообразію допускаемыхъ имъ типовъ кредитныхъ учрежденій и по широкой постановкѣ разрѣшаемыхъ имъ операцій, оно можетъ равняться съ лучшими изъ законодательствъ этого рода въ Зап. Европѣ.

Поэтому особенно непростительно равнодушіе какъ земствъ, такъ и частной инициативы къ дѣлу развитія народнаго кредита, тѣмъ болѣе, что потребность мелкаго кредита сказывается на каждомъ шагу и начинаетъ сознаваться и самими крестьянами. Такъ недавно (по сообщенію „Русск. Вѣд.“) кре-

стьяне Краснопольской волости, Шадринскаго уѣзда обращались въ губернскую управу съ ходатайствомъ объ учрежденіи у нихъ кредитнаго товарищества. Мотивомъ этого ходатайства выставлена необходимость пользоваться въ весеннее время ссудами у частныхъ лицъ изъ 10—20⁰/о за 3 мѣсяца, при чемъ теряется еще процентовъ 10 при возвратѣ ссуды не деньгами, а работой. Всякому извѣстно, однако, что эти займы обычное явленіе крестьянской жизни и совсѣмъ не составляютъ какой нибудь особенности Шадринскаго уѣзда. Никакое улучшеніе въ постановкѣ народнаго хозяйства невозможно безъ этого кредита, а между тѣмъ—въ дѣлѣ народнаго кредита не дѣлается ничего или почти ничего.

За послѣднее время замѣчается, правда, нѣкоторое оживленіе—съ іюля 1899 г. по сент. 1900 г. разрѣшено правительствомъ 93 ссудосберегательныхъ товариществъ, но изъ нихъ 47 приходится на Царство Польское и Сѣверо-Западный край; 14—на Кавказъ и 9 на Прибалтійскія губ., такъ что на коренную Россію приходится всего только—23 (XXV-й отчетъ комитета о сельскихъ ссудосбер. и промышленныхъ товариществахъ).

И что значать эти 23 лишніе кассы на всю центральную Россію, когда, напримѣръ, въ Германіи за послѣднее 5-тилѣтіе кредитныхъ учрежденій подобнаго типа возникало по 1000 и болѣе въ годъ и это въ то время, какъ тамъ уже имѣется около 10.000 народныхъ банковъ и сельскихъ ссудныхъ кассъ, тогда какъ въ Россіи всего 703 ссудосберегательныхъ и около 40 кредитныхъ товариществъ. Можно съ увѣренностью сказать, что частная инициатива сыграла большую роль въ дѣлѣ организациіи народнаго кредита въ Зап. Европѣ. Въ Германіи, Франціи, Италіи устроителями кредитныхъ учрежденій были большею частью люди самаго скромнаго общественнаго положенія—сельскіе учителя, священники, иногда ремесленники, крестьяне или чиновники. Единственной силой этихъ дѣятелей была сила убѣжденія и вѣра въ свое дѣло.

Между прочимъ, и въ Москвѣ на послѣднемъ съѣздѣ представителей ссудосберегательныхъ товариществъ однимъ изъ болѣе энергичныхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ оказался писарь, мало отличавшійся и по образованію и по достатку отъ крестьянъ, среди которыхъ онъ дѣйствовалъ. Ему удалось устроить въ округѣ болѣе 10-и ссудосберегательныхъ товариществъ и всѣ они находятся въ прекрасномъ положеніи.

Еще одинъ доводъ въ пользу созданія подобныхъ товариществъ. Можно было бы избрать другой путь организациіи народнаго кредита, а именно: созданіе центрального кредитнаго учрежденія, которое имѣло-бы, конечно, и большія средства, и большую власть. Но въ этомъ направленіи уже имѣются весьма по-

учительные опыты З. Европы. Таковы—французскій „Земледѣльчeskій кредитъ“ и бельгійская „Центральная касса“. Оба эти учрежденія, потерпѣли полную неудачу. Первое погибло послѣ непродолжительнаго существованія, второе выродилось въ ссудное учрежденіе для крупныхъ землевладѣльцевъ. Причиной этихъ неудачъ была трудность какъ раздавать изъ центра ссуды земледѣльцамъ и кустарямъ, такъ и слѣдить за употребленіемъ этихъ ссудъ. Является потребность въ мѣстныхъ отдѣленіяхъ центрального учрежденія, но чиновники, конечно, никогда не замѣнятъ мѣстныхъ дѣятелей, знакомыхъ и съ жителями, и съ условіями мѣстной жизни. Бельгійская касса попробовала въ виду этого неудобства организовать учетныя конторы изъ мѣстныхъ лицъ. Послѣднія (т. е. лица) подъ личной имущественной отвѣтственностью должны были давать заключеніе о кредитоспособности просящихъ ссуды, но, въ большинствѣ случаевъ, не нашлось охотниковъ на такую отвѣтственную роль и изъ всѣхъ подобныхъ центральныхъ учрежденій достигли успѣха только тѣ, которыя, какъ прусская касса, опирались на уже прочно сложившіеся и окрѣпшіе самостоятельные мелкіе банки или кассы. Это значеніе мелкихъ кредитныхъ учрежденій особенно ярко выступаетъ при сравненіи организаціи народнаго кредита въ Германіи и во Франціи.

По закону 31 марта 1899 г. во Франціи былъ предназначенъ большой капиталъ для подобныхъ операцій, а именно 40 милл. франк. Изъ банка окружныя кассы должны были выдавать ссуды черезъ мѣстныя кассы и, однако, за весь 1900 г. образовалось всего 9 окружныхъ кассъ, къ которымъ примкнуло 87 мѣстныхъ. Ссудъ было выдано за годъ на сумму—612.250 фр. Къ 15-му маю 1901 г. сумма ссудъ хотя и достигла уже 1.261.550 фр., но и эта цифра поразительно мала по сравненію съ операціями прусской центральной кассы, которая уже на второмъ году своей дѣятельности имѣла до 6.000 мѣстныхъ кассъ и оборота до 2.000 милліоновъ марокъ. Такая огромная разница въ дѣятельности одинаковыхъ по роду дѣла учрежденій можетъ быть объяснена исключительно разницей ихъ организаціи—громаднымъ развитіемъ мѣстныхъ банковъ въ Германіи и ничтожнымъ количествомъ ихъ во Франціи. Отсюда ясно, что и для созданія крупныхъ учрежденій народнаго кредита, необходимы мѣстныя кредитныя товарищества и, слѣдовательно, организація мелкаго народнаго кредита необходима не только для нуждъ настоящаго, но и какъ основа будущихъ болѣе грандіозныхъ учрежденій на этомъ поприщѣ. Сомнѣваться же въ томъ, что въ настоящее время этотъ кредитъ необходимъ, трудно въ виду несомнѣннаго упадка крестьянскаго хозяйства. Хроническія голодовки, массовые уходы на заработки, всѣмъ извѣстное деревен-

ское кулачество и проч., и проч., все это указывает на неотложную необходимость коренныхъ измѣненій и улучшеній крестьянскаго хозяйства, а между тѣмъ—никакія улучшения невозможны безъ дешеваго кредита.

Слѣдовательно, работа по организаціи народнаго кредита необходима, а вмѣстѣ съ тѣмъ она вполне возможна при существующихъ условіяхъ.

М. З.

Изъ прошлой жизни города Енисейска.

(Замѣтки изъ записной книжки). *)

Переворотъ, совершающійся подъ вліяніемъ извѣстныхъ экономическихъ условій, одинаково приложимъ какъ къ частному человеку, такъ и къ цѣлому обществу и государству. Такую именно метаморфозу пережилъ и переживаетъ городъ Енисейскъ, сыгравшій въ исторіи Сибири видную и замѣтную роль, начиная съ 40 годовъ прошлаго столѣтія.

Несомнѣнно, что горожане его, а также и окружное населеніе видѣли лучшіе дни во времена сильнаго разгара золотопромышленности, когда городъ служилъ резиденціей богатыхъ золотопромышленниковъ, средоточіемъ пріисковыхъ рабочихъ, оживлявшихъ торговлю и вносившихъ въ жизнь веселое раздолье. Но нельзя отрицать и того факта, что въ обществѣ чувствовался матеріальный достатокъ и помимо золотопромышленнаго воздѣйствія, что жилось тогда въ Енисейскѣ несравненно лучше, привольнѣе, дышалось легче,—было-ли послѣднее обстоятельство слѣдствіемъ упрощенной формы общежитія или благодаря особому складу характера тогдашняго населенія,—не могу сказать; но что жилось лучше—фактъ положительный.—Правда, образованіе въ то время стояло на низшей точкѣ развитія, но это былъ общій удѣлъ тогдашняго времени, когда и Россія-то еще только начинала пробуждаться отъ спячки и жить на европейскій ладъ; объ азіатской-же окраинѣ нашей нечего было и говорить: она была еще полна суевѣрій и предрассудковъ; право *Пестелей*, *Лоскутовыхъ* и *Трескиныхъ*, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, давало себя знать... Этимъ, однако, населеніе не смущалось, не смущалось оно и тѣмъ, что по уѣзду бродили настоящія шайки разбойниковъ,

*) Даемъ мѣсто этой статьѣ, какъ содержащей нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о бытѣ пріисковыхъ рабочихъ въ былое время. *Примѣч. Редак.*

наводившія на всѣхъ только, впрочемъ, временную панику своими до нельзя звѣрскими похожденіями.

Многимъ старожиламъ Енисейской губерніи, вѣроятно, памятна шайка такихъ разбойниковъ, подъ предводительствомъ извѣстнаго въ уголовной хроникѣ бандита Поликарпа Погорѣлова, заклеяменнаго троекратнымъ побѣгомъ изъ каторги, *сѣвшаго* (выражаясь на тюремномъ жаргонѣ) на эшафотѣ и за стѣнами тюрьмы не одну сотню здоровыхъ плетей.

На видъ это былъ мужчина выше средняго роста, лѣтъ 35—40, съ темнорусыми волосами, худощавый, не производившій никакого особаго впечатлѣнія, со взглядомъ, не выражавшимъ ничего и смотрѣвшимъ на все какъ будто безучастно. Въ сущности это былъ отчаянный негодяй, магически повелѣвавшій цѣлой бандой бѣглокаторжниковъ и острожниковъ, при имени котораго по тѣлу бѣгали мурашки. Отличительной чертой его шайки было то, что въ ней принимали участіе нѣсколько женщинъ.—Днемъ онѣ ходили по обывательскимъ квартирамъ, высматривая расположеніе комнатъ, вывѣдывая о средствахъ жильцевъ и проникая къ нимъ подъ предлогомъ найма въ качествѣ нянекъ, стряпокъ и прачекъ. Вечеромъ-же онѣ подъ полами одежды несли ломикъ, коловороты и другія орудія для совершенія преступленій; въ то-же время мужская половина шайки была вооружена кинжалами, ножами и револьверами.—Прежде чѣмъ шайка принималась за свою спеціальную работу, она, обыкновенно, часовъ въ девять вечера вваливалась въ какое-нибудь торговое заведеніе, преимущественно -- питейное, гдѣ, расположившись какъ у себя дома, требовала вина и закусокъ, за которыя послѣ Погорѣловъ расплачивался фальшивой ассигнаціей, предупреждая, что она фальшивая. Перепуганный сидѣлецъ давалъ и бралъ все безсознательно, лишь бы какъ нибудь отдѣлаться благополучно отъ страшныхъ гостей. Спустя нѣсколько часовъ по выходѣ шайки Погорѣлова изъ заведенія, гдѣ-нибудь въ городѣ обязательно раздавались крики: „караулъ!“ „грабятъ!“ „рѣжутъ!“—Это работала Погорѣловская опричина, потѣшаясь раздѣваніемъ случайнаго пѣшехода...

Въ этихъ грабежахъ, впрочемъ, ничего не было удивительнаго. Наружная охрана города въ то блаженное время находилась въ самомъ жалкомъ состояніи. Полицейскій будочникъ, обходя днемъ свой околодокъ, только и занимался тѣмъ, что имѣвшуюся при немъ трехъсаженную палку переставлялъ отъ одного дома къ другому, что означало, что домовладѣльцу, къ дому котораго приставлена была палка, настала очередь караулить участокъ. Не желая оплачивать каждый разъ караулъ, домовладѣлецъ высылалъ въ караулъ большею частью дѣтей отъ 10 до 15 лѣтняго возраста, рѣдко взрослую прислугу и еще

рѣже выходилъ самъ по лѣности. Въ лунную ночь дѣти—караульные чѣмъ нибудь забавлялись, а въ темную прятались по задворкамъ.—Только около 70 годовъ эта импровизированная охрана была замѣнена денежною повинностью. Но къ тому-же времени исчезъ безслѣдно и Поликарпъ Погорѣловъ. Шайка-же его отчасти была переловлена, отчасти скрылась въ тайгѣ.

Сѣверная и южная тайга, въ нѣдрахъ которой копались нѣсколько тысячъ человѣкъ, добывая благородный металлъ для обогащенія нѣсколькихъ заѣзжихъ въ Сибирь авантюристовъ, представляла изъ себя нѣчто сказочное. Здѣсь на пространствахъ сотенъ тысячъ квадратныхъ верстъ, то среди густаго непроходимого лѣса, то между скалистыми горами, то въ котловинахъ, одиноко ютились золотые пріиска. Далѣе, въ сторонѣ горныхъ тропинокъ или на распутьѣ таежныхъ дорогъ, также съ виду сиротливо, жалась къ лѣсной чащѣ зимовья, служившія въ качествѣ попутныхъ станцій для ночлежныхъ остановокъ проѣзжающихъ на пріиска золотопромышленниковъ, служащихъ, чиновъ горнаго вѣдомства и возчиковъ, транспортировавшихъ кладъ на пріиска.—Въ этой глухой тайгѣ, при помощи зимовщиковъ и внѣ ихъ, совершались иногда возмутительныя кровавыя драмы, о которыхъ хотя знали многіе, но которыя проходили безслѣдно для авторовъ ихъ...

... Но познакомимъ читателей съ жизнью пріисковыхъ рабочихъ того времени.

Осеннею порою на пріискахъ идетъ невообразимая сутолока. Прежде всего спѣшно оканчиваются расчеты съ рабочими, потомъ идетъ отправка въ резиденціи конюховъ, лошадей и разнаго упряжнаго инвентаря. Кто скорѣе рвется домой, кто плачетъ, разставаясь съ насиженными мѣстами, съ обманутыми надеждами; кто смѣется, радуясь удачѣ, а кто оставляетъ пріискъ просто по инерціи, въ силу стадности.

Пойдемъ за рабочими.

Со всѣхъ пріисковъ партія рабочихъ стекается или на лѣвой сторонѣ противъ городского перевоза, или на Стрѣлкѣ. Сотая часть ихъ озабоченно пробирается на родину—въ села и деревни дальнихъ уѣздовъ, куда приходятъ уже по зимней порошѣ, чтобы порадовать семью, закупить обновки, поправить хозяйство и ждать новой наемки. Масса напираетъ въ городъ Енисейскъ, чтобы погулять во всю ивановскую и вознаградить себя сторицей за тотъ каторжный трудъ, который приходилось переживать во время пріисковой операціи, работая тяжелымъ заступомъ въ разрѣзахъ, стоя по колѣно въ водѣ, не досыпая, питаясь всякой тухлятиной. За дѣйствительными рабочими въ хвостѣ плетется не мало „лодырей“, которые весь операціонный сезонъ или отлеживались въ больницѣ, или находились въ

бѣгахъ, не имѣя возможности отрабатывать даже за пропитую и промотанную одежду, взятую изъ промысловыхъ амбаровъ, а также и взятые при наемкѣ крупные задатки и разные харчевые заборы.—Эти трутни, большею частью, вертятся около богатенькихъ пріискателей, питаюсь ихъ подачками, а подѣ часть и обирая ихъ до чиста.

Чтобы сохранить деньги у рабочихъ,—существовалъ порядокъ пересылки заработанныхъ ими денегъ непосредственно въ подлежащія волостныя правленія, которыя были обязаны выдавать деньги только по приходѣ ихъ владѣльца въ волость, на мѣсто родины. Но на практикѣ это распоряженіе не приносило пользы рабочему. Бѣдный труженникъ получалъ свои кровныя денежки только послѣ усиленныхъ хлопотъ и хожденій и съ разными вычетами. Почему въ заключеніе всѣхъ этихъ мытарствъ отъ денегъ иногда оставались одни „рожки да ножки“. Къ счастью, мѣра эта примѣнялась слабо и, кажется, вскорѣ же была отмѣнена.

И такъ, партія рабочихъ переправляется на трехъ карбазахъ и высаживается на берегъ, версты три выше Енисейска. Здѣсь ихъ ожидаетъ сильный нарядъ полиціи, который, выровнявъ всѣхъ рабочихъ въ фронтовую линію, приступаетъ къ тщательному обыску съ цѣлію обнаруженія хищническаго золота и для удостовѣренія личности каждаго, согласно письменнымъ видамъ.

Между тѣмъ, какъ съ одной стороны совершается осмотръ рабочихъ, съ другой стороны, тутъ-же, происходитъ настоящее вавилонское столпотвореніе отъ шума и гама.—На широкой прогалинѣ, образовавшейся отъ значительнаго спада воды, толкается около 150—200 человѣкъ горожанъ съ лошадьми, телѣгами и барачными принадлежностями.—Пока нѣтъ пріискателей, жители занимаются кто варевомъ на кострѣ, кто поетъ пѣсни и играетъ на гармоникѣ, кто откалываетъ камаринскій, кто просто спитъ или лежитъ въ раскинутой палаткѣ или подъ опрокинутой телѣгой,—въ общемъ всѣ настроены весело и радужно.—Переполохъ поднимается, когда завидятся приближающіеся карбазы съ рабочими: съ поспѣшностью приготавливаются подводы съ сергунцами, палатки складываются, костры гасятся, пища бросается...

По мѣрѣ освобожденія партіи отъ полицейскаго осмотра, рабочіе обступаются со всѣхъ сторонъ прибывшими обывателями, которые изо всѣхъ силъ стараются зазвать къ себѣ на квартиру рабочихъ.

— Къ намъ, ко мнѣ, голубчики!—У насъ, у меня-ли что не припасено для васъ: и жирныя щи съ говядиной, и каша съ масломъ, и жареное съ картошкой, и всего-то за полтину въ сутки!

— Эй, ребята! лучше ко мнѣ: у меня вамъ будетъ не жизнь, а масляница; — пища что ни на есть самая лучшая — пряженики, шаньги и даже пельмени въ новинку...

Третьи, въ особенности женская половина, запросто отнимаютъ котомки у рабочихъ, усаживаютъ ихъ въ телѣгу и везутъ къ себѣ на квартиру.

И такъ до наступенія сумерекъ, когда карбаза останавливаютъ перевозку до утра.

Рабочій, давно не отвѣдывавшій свѣжаго кусочка, при одномъ перечисленіи кушаньевъ, замираетъ отъ удовольствія, и радъ итти на харчи безъ разбора къ кому понало.

Въ городѣ настоящій вениціанскій карнавалъ. По улицамъ и въ особенности въ извѣстныхъ предмѣстьяхъ, въ чертѣ, гдѣ живутъ милые, но падшія созданія, то и дѣло пестрѣютъ бобровыя шапки, плисовыя поддевки и шаровары, кунгурскіе сапоги и трехъаршинные гарусные шарфы, украшающіе пріискателей-рабочихъ. Рабочій гуляетъ во всю ивановскую, — во всю ширь русской природы, онъ кричитъ на-пропалую, пока не очнется отъ назойливыхъ приставаній квартирохозяина.

— „Пора, пора, дружище, — пристаешь хозяинъ, видя, что рабочий остается только при своихъ злыдняхъ, что въ карманѣ — вошь на арканѣ, да блоха на цѣпи: — пора... Мнѣ бы ничего, да самъ видишь — семья, расходъ большой, а заработковъ совсѣмъ нѣтъ, хоть кошель надѣвай“.

Рабочій начинаетъ протирать глаза и удивленно осматривается кругомъ: на столѣ, залитомъ виномъ и красной наливкой, стоитъ бутылка съ отбитымъ горлышкомъ, кое-гдѣ валяются кусочки замоченнаго хлѣба, въ чайномъ блюдцѣ объѣдки грибовъ или кислой капусты, далѣе — хвостъ отъ соленой рыбы и крошки луку; самъ онъ на полу около грязной котомки; ни новаго азяма, ни бобровой шапки, ни плисовыхъ шароваръ съ поддевкой и ничего такого, что напоминало бы ему атрибуты магазина съ пріисковымъ товаромъ, въ которыхъ онъ первые дни ухарски щеголялъ... Словомъ, ни денегъ, ни товара!..

Онъ силится припомнить и уяснить себѣ событія послѣднихъ дней, но ничего не выходитъ, а только черезъ хмельный туманъ чудится ему самая грандіозная кутерьма въ обществѣ удалой Машки Конюхъ, полуштофовъ, музыкантовъ, конфетъ и какого-то „лихомандрика“...

Пошарившись по карманамъ и не найдя тамъ искомага, рабочий начинаетъ сердиться.

— Можетъ, и пора; да, вѣдь, у меня, почитай, ста три рублейъ было, неужто прогулялъ?!

— А какъ думаешь? Вѣстимо, прогулялъ: недѣли три съ компаніей, да съ извозчиками, попробуй-ка: колодезь и тотъ исчерпается. Вонъ у меня семья...

— Ну ты къ чертямъ съ семьей твоей поганой! Ограбили вы меня, подлецы,—вотъ что!

Запахло скандаломъ; но противники чувствовали необходимость итти на взаимные компромиссы. Съ одной стороны—квартирохозяинъ, заработавъ отъ рабочаго нѣсколько десятковъ рублей на винѣ, закускахъ и прислугѣ не хуже всякой гостиницы, вовсе не желалъ прибѣгать къ содѣйствию полиціи, рискуя потерять эти заработки; рабочій же зналъ по опыту, что послѣдствія, во всякомъ случаѣ, будутъ не въ его пользу.

Замѣтивъ перемѣну въ поведеніи рабочаго, квартирохозяинъ начинаетъ смѣхомъ подѣзжать на турусахъ, приглашая рабочаго опохмелиться и закусить икоркой; но пріискатель весь ушелъ въ себя. Обшаривъ котомку и найдя въ ней чайную деревянную китайскую чашечку, деревянную ложку, черный съ сальнымъ нагаромъ желѣзный котелокъ и топоръ, успокаивается. Собравъ всѣ свои пожитки, пріискатель незамѣтно проскальзываетъ задними ходами въ огородъ и въ густомъ высокомъ репейникѣ принимается за выемку топорища изъ топора, что удается не безъ труда. Топорище, затѣмъ, осторожно раскалывается и изъ его искусно сдѣланной пустоты высыпается золотинокъ 20—30 золота, т. е. *находка 60—90 руб. чистоганомъ*. Опять живъ, Иваха! Въ головѣ опять начинаетъ колобродить Машка Колюхъ, лихомандрикъ съ полуштофами и мордобитіе...

— „Нѣтъ, шабашъ! полуштофъ, другой—и до дому: пора и честь знать; а то не ровень часъ: останешься безъ рубашки, а тамъ—къ кому пойдешь, кому скажешь,—Храмушка далеко живетъ!“ При послѣднихъ словахъ, рабочій даже не безъ искренней горечи вздыхаетъ.

Храмушка, о которой рабочій внезапно вспомнилъ и, искренно пожалѣвъ, вздохнулъ, дѣйствительно пользовалась большою популярностью среди пріисковыхъ рабочихъ. Имя Храмушки сдѣлалось повсюду нарицательнымъ и вошло въ поговорку: „къ кому пойдешь, кому скажешь, —Храмушка далеко живетъ“. Въ былое время Храмушка (была такая благодѣтельная женщина), обладая значительными денежными средствами, употребляла ихъ почти всѣ на нужды рабочихъ: заболѣть-ли рабочій, арестованъ-ли, задолженъ-ли въ контору, нечѣмъ-ли дойти до города или мѣста жительства, нужна-ли ему иная помощь или заступничество,—вездѣ сказывалось материнское соболѣзнованіе, щедрая рука, вѣское и вліятельное слово Храмушки. Рабочіе, въ свою очередь, не оставались въ долгу. Какъ только рабочій мало, мало заработалъ,—сейчасъ же несетъ долгъ Храмушкѣ, да еще прикинетъ рублей пять лишнихъ, безъ всякаго письменнаго обязательства и напоминанія со стороны Храмушки.

Съ теченіемъ времени въ золотопромышленномъ мірѣ произошли рѣзкія перемѣны: Асташевы, Григоровы, Безобразовы, Хотимскіе, Голубковы, Соловьевы и проч. разѣхались жуировать по столицамъ и на ихъ мѣсто появились мелкіе предприниматели изъ бывшихъ конюховъ, спиртоносовъ и другихъ лицъ, неизвѣстныхъ и темныхъ происхожденій — съ нажимомъ, прижимомъ и выжимомъ. Традиціонный рабочій стараго закала разбрелся по роднымъ угламъ доживать вѣкъ на полатяхъ, а вмѣсто него появились пріискители другаго склада и какъ бы въ противовѣсъ нажиму, прижиму и выжиму — обладали не столько прилежаніемъ къ работѣ, сколько *норовитостью* и *смекалкой*. При такомъ измѣнчивомъ направленіи Храмушкѣ нечего было дѣлать, и силою обстоятельствъ она была выброшена за бортъ въ бездну нужды и горя, обманутая и обнищавшая. На Савостьяновскомъ енисейскомъ кладбищѣ неизвѣстно даже гдѣ прикорнулись ея старыя кости, потому что и могила-то ея затерялась безъ имени, отчества и фамаліи...

Въ концѣ зимы или весной шла оживленная наемка на пріиска рабочихъ. Нанимали ихъ въ Томской, Тобольской и Нижегородской губерніяхъ; задатки давали хорошіе — отъ 50 до 100 руб.; рабочіе пьянствовали съ сельчанами, деревенскими бабами и ребятишками, дрались еще больше, пока ихъ съ помощью десятскихъ и сотскихъ не собирали въ кучу, клали въ розвальни и отправляли въ путь. Партія рабочихъ, нанятая на сѣверные пріиска, обязательно слѣдовала чрезъ Енисейскъ, гдѣ для нихъ дѣлалась дневка и платилось на постоялыхъ дворахъ за каждаго рабочаго на хозяйскихъ харчахъ 50 коп. въ сутки, что давало содержателямъ дворовъ значительную наживу... Кромѣ этихъ содержателей, наживались еще сидѣльцы питейныхъ заведеній, потому что прохождение весенней партіи ни чуть не походило на осеннюю. Тутъ народъ былъ все голый, чалый и драный. Пока ихъ доводили до станка, они двадцать разъ успѣвали пропить бродни, сапоги, шубы и рукавицы. Въ городѣ очи творили страшныя безобразія, а мѣстами — настоящій погромъ. Особенно дурную славу въ этомъ отношеніи имѣли нижегородцы, тоболяки, а изъ томскихъ — уртамцы (Уртамской волости), а также жители Колыонской и Богородской волостей. Послѣ ухода ихъ въ нѣсколькихъ домахъ оставалась разбитая посуда, поломанные столы и стулья, побитыя фізіономіи и обнаруживалось много кражъ...

Во время управленія Восточною Сибирью генераль-губернатора Синельникова и этого прохожденія рабочихъ не стало...

Душа.

(Фантастическая новелла).

День гаснулъ...

Дрожащіе лучи солнца постепенно тонули въ надвигавшихся сумеркахъ и замирали одинъ за другимъ. Съ пространства повѣяло прохладою; насыщенный теплотою воздухъ начиналъ свѣжѣть и міріады звѣздъ, пронизывая своимъ блѣднымъ свѣтомъ поднявшійся съ земли прозрачный туманъ, бросали тусклый свѣтъ на вселенную.

Онѣ мерцали и гасли, какъ и человѣческія жизни.

Въ это время по міру бродила душа. Осторожно касаясь земли, она двигалась медленно и сама съ собою разговаривала. Легкій вѣтерокъ, обвѣвая ей лицо, скользилъ по ея одѣянію и, шевеля его, уносился въ обширную, безконечную даль.

— Стой!—вдругъ услышала она сзади чей-то голосъ.

Душа вздрогнула, обернулась и широко раскрыла глаза.

Передъ ней стоялъ высокій сѣдой, немного сгорбленный странникъ. Ветхая одежда на немъ, мѣстами разорванная, едва прикрывала его грязное тѣло, черезъ плечо свѣшивалась холщевая сумка, наполненная чѣмъ-то, а въ рукахъ была толстая кривая палка.

Но, не смотря на это, отъ него вѣяло бодростью и свѣжестью.

— Что вамъ нужно?—измѣривъ его глазами, спросила душа.

— Ты я вижу блуждаешь, пойдемъ вмѣстѣ я укажу тебѣ дорогу,—хриплымъ глухимъ голосомъ отвѣтилъ странникъ.

— Мнѣ, дорогу?—удивилась душа. Мнѣ некуда итти.

Странникъ вскинулъ головою и сдвинулъ брови.

— Это почему? Кто ты?—недоумѣвая, поспѣшно спросилъ онъ.

Душа улыбнулась и снова измѣрила его глазами.

— Я все, понимаешь, я все!—сказала она потомъ, видя его удивленіе.

Странникъ молчалъ.

Сильный порывъ вѣтра, внезапно пронесшійся, вздулъ на нихъ одѣянія и прервалъ ихъ бесѣду. Когда-же все стихло, душа, подойдя ближе къ страннику, положила свою руку на его плечо и мягко проговорила:

— Да, я все! Я должна управлять всѣмъ міромъ, но меня изгнали.

— О, ты говоришь вздоръ!—громко перебилъ ее странникъ и добавилъ—скажи: кто-же ты?

— Я?... я душа!—не сводя съ него глазъ, отвѣтила она.

Странникъ мгновенно присѣлъ и, ухватившись рукою за голову, громко расхохотался. Но сейчасъ же спохватился, сморщилъ лобъ и на минуту задумался.

— Объясни, я старъ, я рѣшительно ничего не понимаю!— сказалъ онъ, обратившись къ душѣ.

— Изволь.

Они отошли въ сторону и сѣли на камень.

— Было время, начала душа, когда я царствовала. Это было давно, это было въ тѣ времена, когда... ну, словомъ, давно. Но время шло, міръ старѣлъ, поколѣнья смѣнялись поколѣньями, отжившее замѣнялось новымъ, нарождались новыя вѣянія, формировались другія идеи и многое многое...

Душа остановилась, перевела дыханье и продолжала:

— Я, все-таки, царствовала, но царство мое на моихъ-же глазахъ распадалось, разрушалось и подгнивало. Бездна интересовъ, какъ искры, окружили людей и, тѣсня ихъ, вызывали на борьбу, борьбу упорную, такъ какъ многіе измѣнили мнѣ. Вѣрные мнѣ—боролись съ невѣрными.. Я ободряла первыхъ, укоряла вторыхъ, но ничего не помогло. Настало другое время... Часъ мой пробилъ. Ко мнѣ явились люди, связали меня, сказали; „ты намъ не нужна“ и заложили.

— Кому?—встревожился странникъ.

— Чорту.

Странникъ вздрогнулъ и нѣсколько отодвинулся назадъ...

Затѣмъ, они встали и пошли...

Звѣзды ярче блистали въ голубой дали. Тѣни широко расползлись и ночь тихая, ясная ночь окутывала міръ.

— Ты не удивляйся,—продолжала рассказывать на-ходу свою исторію душа. Чортъ взялъ меня, отдалъ имъ лицемѣріе и обманъ и отпустилъ со словами: „проваливай, ты мнѣ тоже не нужна“. И я ушла... Но куда мнѣ итти?

— Куда итти?—переспросилъ странникъ и остановился.

Старческое лицо его омрачилось печалью. Перебирая костлявыми пальцами складки морщинъ на лбу, онъ, видимо, соображалъ и обдумывалъ совѣтъ. Душа стояла неподвижно.

— Нѣтъ, я ничего не могу сказать,—послѣ нѣкоторой паузы, разставляя руки, съ горечью сказалъ онъ.

Съ этими словами странникъ подхватилъ свою собесѣдницу за руку и, увлекаая ее впередъ, прошепталъ:

— Пойдемъ.

Душа повиновалась.

Долго они шли молча, погруженные каждый въ свои мысли, унылые и печальные. Время отъ времени вѣтеръ заставлялъ ихъ останавливаться, тогда они только переглядывались и снова продолжали путь. Равнодушная, безмятежная природа своею див-

ною красою бесконечно разстилалась передъ ними и, казалось, ободряла ихъ. Когда они спустились съ высокой горы, ихъ встрѣтила тѣнь.

— Путникамъ почтеніе!—сказала она и подошла къ нимъ. Странникъ взглянулъ на нее, нахмурилъ брови и проговорилъ.

— Скажи мнѣ, можешь-ли пріютить душу?

Тѣнь выпрямилась, стиснувъ губы.

— Говори,—повторилъ странникъ.

— Что за вопросъ, зачѣмъ она мнѣ!—продѣдила тѣнь. Развѣ, продолжала она, ты не знаешь, что теперь все переоцѣнено. Міръ превратился въ торгъ, въ немъ все должно имѣть цѣнность. Душа-же не имѣетъ цѣнности, она мѣшаетъ лгать, лицемерить, мѣнять шкуру, торговать совѣстью, черное превращать въ бѣлое, перелицовывать честь, сдирать кожу и многое другое. Ты понимаешь?

— Да.

— Такъ знай-же, что она только тяготитъ людей. И потому ее изгнали.

Сказавъ это, тѣнь расширилась и разошлась въ воздухъ. Въ это время поднялась страшная буря и сильный потокъ вихря, подхвативъ душу и странника, унесъ ихъ испуганныхъ далеко въ пространство. Но вдругъ, мгновенно все стихло, они спустились на землю и очутились среди людей.

Здѣсь былъ весь міръ.

Море головъ волновалось, толкалось, тѣснилось и адскій шумъ стоялъ въ воздухъ. Душа, поднявъ руку кверху, воскликнула.

— Господа, я къ вамъ!

Люди испуганно переглянулись и съ ужасными воплями: ай душа! бросились во всѣ стороны. Произошло величайшее смятеніе. Казалось, не только люди, но и земля дрожала...

— Гони ее!—неистово кричалъ Мамона.

Рѣзкій голосъ его былъ слышенъ всѣмъ.

И безчисленное множество лицемѣровъ съ дикою яростью набросились на душу. Воздухъ дрожалъ, земля стонала и надъ всѣмъ этимъ стоялъ невѣроятный гулъ..

Вскорѣ однако ужасное смятеніе прекратилось. Мамона радостно ободрялъ людей, а странникъ искалъ душу...

Но, увы, не нашелъ ея.

Она, обиженная, оскорбленная, исчезла. И странникъ вновь отправился искать ее по міру.

Найдетъ-ли?

Вій.

Похороны крестьянина.

Тусклыми огнями
Сельскій храмъ горитъ;
Въ воздухѣ печально
Колоколъ звучитъ.

* * *

Кто-то громко плачетъ —
Жалобно поютъ;
Ребятишекъ-сиротъ
За руки ведутъ.

* * *

Нашъ бѣднякъ печальный
Свой окончилъ путь,
И въ гробу сосновомъ
Можетъ отдохнуть.

* * *

Долго провалялся
Горе-мужечокъ
Силой надорвался, —
Вытерпѣть не смогъ.

* * *

Самъ Господь помощникъ
Горькой сиротѣ; —
Люди-жъ не помогутъ
Матери въ бѣдѣ!

Осталась Матрена
Съ кучею ребятъ...
Тутъ и поразмысли.
Гдѣ найти-бы кладъ?

* * *

Старшему-то сыну
Лишь восьмой годокъ.
То-ли не помощникъ
Матери сынокъ!

* * *

Но ребенокъ этотъ
Впрямь большимъ глядитъ:
Годъ уже подходитъ,
Какъ онъ боронитъ.

* * *

Хлѣбецъ есть не даромъ
Крошка-мужичекъ:
Знаетъ у родимой
Онъ шестой ротокъ.

* * *

Е. Круглихина.

Въ былые дни.

(Сцены изъ сибирской жизни въ 3-хъ картинахъ. — Окончаніе, см. кн. 9 и 10 тек. года).

Картина 3-я.

Богато меблированная комната. Налѣво диванъ, столъ, коверъ, кресла,—у задней стѣны стулья: направо большое стѣнное зеркало.

ЯВЛЕНИЕ 1.

Леночка (при поднятіи занавѣса сидитъ съ книжкой въ рукахъ на диванѣ, передъ ней на столѣ тетрадка). Занятная книжка! Счастливица, право, эта Липочка! У нея все есть: и лошади, и прислуга, и книги. Она—какую хочетъ—такую книгу и выпишетъ. Ей все можно. А у насъ? Попробуйка-ка о чемъ ни-будь попросить,—такъ воркотни не оберешься... На что тебѣ, да на что... (Копируетъ мать)... „Дѣвушка должна читать только божественное, а свѣтское ни-ни-ни. До добра эти свѣтскія книги никогда не доведутъ!.. Отъ нихъ умъ за разумъ зайти можетъ!“ (Порывисто вставая). Ну, и дѣлали-бы такъ, держали бы подъ замкомъ, чтобъ ничего, кромѣ божественнаго, въ руки не попадало... Такъ и на это у нихъ ума не хватаетъ,—а тутъ вотъ мучаешься... Попадется книжка, разбудить, расшевелить тебя, захочется что-нибудь хорошее начать,—а тебѣ ушатъ холодной воды вмѣсто привѣта... (Подходитъ къ окну). Вишь какой и не кланяется, отвернулся... Ну да это къ лучшему—свататься не придется больше... (Подумавъ). А, вѣдь, выйти замужъ за маіора—можно совсѣмъ самостоятельной быть... Можно тогда, что хочешь дѣлать.. Фу, какую, однако, я глупость придумала... Изломать, исковеркать жизнь, жить для того, чтобъ быть самостоятельной, да развѣ тогда также думать и чувствовать будешь,—нѣтъ, никогда!.. (Беретъ тетрадку). Однако, что-же я дѣло бросила... Надо заучить эту глупѣйшую, непонятную мнѣ рѣчь и подсказывать ее папашѣ.—суфлеромъ на его праздникъ быть... (Ходитъ и учитъ) „Благодарю и пріемлю, и не мало глаголю“... (Входятъ Троегубовъ и Лукерья).

ЯВЛЕНИЕ 2.

Леночка, Троегубовъ и Лукерья (входятъ вмѣстѣ).

Троегубовъ (съ пирогомъ въ рукахъ). И никогда ты этого не смѣй у меня дѣлать,—слышишь... Чтобъ я не слыхалъ никогда объ этомъ...

Лукерья. Да, вѣдь, бѣдный, — ихъ на кухню-то сотни шлются, — иной разъ откажешь, иной, коли надоѣдать стануть, — ну и подашь...

Троегубовъ. Свое и подавай, а мое — не смѣй... Развѣ ты мнѣ добро наживала, а?

Лукерья. Извѣстно не я... Да, вѣдь, пирогу-то этому грошъ цѣна...

Троегубовъ. (Горячась). Тому грошъ, этому грошъ, — вотъ тебѣ и 2 гроша.. А тысяча человѣкъ тысяча грошей... Ну ка сочти, дура, сколько это выйдетъ, а?

Лукерья. Чего мнѣ считать, — не мое добро-то...

Троегубовъ. Ну, вотъ то-то-же и есть... Не твое — такъ и не смѣй трогать... Ступай, положи въ сельницу. (Отдаетъ Лукерьѣ пирогъ, она уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ 3.

Троегубовъ и Леночка.

Троегубовъ. Вотъ дура — то!.. Да они меня по міру пустятъ!

Леночка. Что такое, папаша?

Троегубовъ. Да какъ-же... Иду сейчасъ по двору, подхожу къ кухнѣ, а оттуда ницѣй — здоровенный такой мужичина — выползаетъ... Видно, высмотрѣть — гдѣ плохо лежитъ — приходилъ. А въ рукахъ у него пирогъ. Я его и цапъ! Да вотъ Лушку и распекъ. Не смѣй хозяйскимъ добромъ распоряжаться...

Леночка. Ну — стоило вамъ, папаша, изъ какого-нибудь пирога исторію затѣвать...

Троегубовъ. Какъ не стоило?.. Да, вѣдь, эго мое добро-то.. Сегодня пироги полетятъ, а тамъ — подъ шумокъ — и поцѣпнѣ что вынесутъ... Нѣтъ-съ, пока я живъ, — этого не дозволю. (Идетъ къ зеркалу, раскрываетъ коробку и достаетъ оттуда знакъ городского головы). Вотъ она, не велика штучка, а 75 рубликовъ стоитъ, да и то по случаю... Вездѣ денежки плывутъ, вездѣ. Теперь, куда ни повернись, всякому чорту подай да подай. (Надѣваетъ знакъ),

Леночка. (Садится). А зачѣмъ вамъ, папаша, хочется всего этого?

Троегубовъ. Какъ зачѣмъ?.. А вотъ зачѣмъ... (запнулся). Первое дѣло... Все могу поворотить по своему... На Савку — давно на него зубы грызу — налогъ набавлю... Второе — у Соломошки мѣсто отберу, лавку снести заставлю... Будетъ, поплутоваль, — надо и честь знать... Потомъ, знаешь, для своей торговли полезно будетъ.. Ты, вѣдь, ничего не понимаешь, а то и не спрашивала бы... Вонъ — тотъ-то голова — возлѣ всѣхъ присутст-

венныхъ мѣстъ кабаки заводилъ,—и ничего, никто ни одного слова, потому голова,—вотъ и я также буду...

Леночка. Вы, папаша, какъ будете головой, школы начните строить, пріюты для дѣтей... Объ васъ въ газетахъ писать будутъ и вы прославитесь на весь міръ...

Троегубовъ. (Тронуть, мечтательно). Да, это необходимая статья... Школы, прісты... Да что школы—я церковь трехъ-этажную выстрою,—вотъ что...

Леночка. Церковь—это само собой, папаша,—но намъ школы тоже необходимы...

Троегубовъ. И школы, и церкви—все это магоментально состряпаю. (Пауза).

Леночка. (Наивно). А правда, папаша, что головы всегда на вороныхъ ѣздить должны?

Троегубовъ. Какой это осель сказалъ?

Леночка. Да вы сами на дняхъ мамашѣ говорили: есть, говорили, слухъ, что я нынче прокачусь на вороныхъ...

Троегубовъ. Тыфу! какія ты глупости говоришь... Да, вѣдь, это критика одна,—мораль наводятъ... На вороныхъ проѣхалъ—значить, не выбрали...

Леночка. Значить, это худо, а я думала—хорошо.

Троегубовъ. Ну, чего ужъ тутъ хорошаго, одинъ конфузъ. (Кладетъ въ коробку знакъ, садится). А ну-ка давай, поддолбимъ эту самую рѣчь... Ты мнѣ, ежели что запинаться стану, такъ подскажи, поближе возлѣ меня будь ужоткомъ... А то памяти-то у меня ни на волосъ... Магоментально все забуду... Эхъ, кабы молодость,—вотъ въ тѣ поры сварганили-бы... То есть я тебѣ скажу, Леночка, ужасная у меня была память... Ежели кто гривну, либо пятакъ не додастъ,—такъ, повѣришь-ли, черезъ 10 лѣтъ признаю, да на улицѣ остановлю,—подай! Теперь не то...

Леночка. (Беретъ тетрадку, раскрываетъ ее). Ну, такъ снова, что-ли?

Троегубовъ. Давай снова...

Леночка. (Читаетъ). „Благодарю и пріемлю, и не мало глаголю“...

Троегубовъ. (Перебивая). Постой, постой, не трещи... Ну-ка сызнава...

Леночка. „Благодарю“...

Троегубовъ. Бла—адарю...

Леночка. „И пріемлю“.

Троегубовъ. Благодарю и пріемлю... Ну, какого тамъ еще рожна говорить-то надо? Не помню, что-то...

Леночка. „И не мало глаголю“...

Троегубовъ. Ну, ладно: „и не мало глаголю“... Постой! а что это означаетъ, растолкуй ка ты мнѣ, ты, вѣдь, у меня ученая...

Леночка. Да я тутъ что-то и сама ничего не пойму?

Троегубовъ. Ну хоть маленько-то понимаешь...

Леночка. (Подумавъ). Благодарю—это благодарю и есть...

Троегубовъ. Да мнѣ за что ихъ благодарить-то? Они будутъ у меня пить—ѣсть, а я ихъ-же и благодарю... Это не порядокъ!

Леночка. Нѣтъ, папаша, вы будете благодарить гостей за избраніе васъ въ городскіе головы,—вотъ за что.

Троегубовъ. Ага, теперь понялъ... Ну дальше.

Леночка. Приѣмлю—значить принимаю...

Троегубовъ. Конечно, принимаю, не отказываться-же стать, когда этакую уйму денегъ въ эти выборы просадилъ...

Леночка. „И ни мало глаголю“... (Задумалась). Глаголю-говорю, а вотъ зачѣмъ тутъ „ни мало“—этого я никакъ не пойму...

Троегубовъ. Ну—это я самъ пойму... Не мало глаголю, значить, поменьше говорить надо... Такъ оно гордскому головѣ и слѣдуетъ... Языкомъ болтай, значить, поменьше, а дѣла дѣлай побольше. (Вздыхнувъ). Умный человѣкъ нашъ батюшка... Вотъ проповѣди у него еще лучше... Слушаешь, слушаешь—ажь одурь возьметъ, а раскусить—ни Боже мой... Потому сказано: не мечите бисера свиньямъ, онъ и не мечетъ... (Зѣвнувъ). Вотъ и я не стану бисера метать,—на что онъ свиньямъ...

ЯВЛЕНИЕ 4.

Тѣже и Пискаревъ (со шпагой).

Пискаревъ. (Входя). Ну-съ, вотъ и я, Данило Кузьмичъ... По всему городу то есть выбѣгалъ... Фу, усталъ даже. (Подаетъ шпагу, здоровается) Получите-съ... (Вытираетъ лицо платкомъ, садится).

Троегубовъ. (Любуясь шпагой). Спасибо, спасибо, Николай Николаевичъ, угодилъ ты мнѣ. Въ долгу у тебя не останемся. Да какая славная сабля-то... Вишь и балаболка прицѣплена, и орелъ... Все какъ слѣдуетъ...

Леночка. (Разочарованно). А я думала вы, папаша, настоящую саблю, какъ у маіора и у исправника, будете носить...

Пискаревъ. У нихъ шашки, Елена Даниловна, а у насъ, у гражданскихъ, шпаги...

Леночка. А какъ-же тотъ городской голова не шпагу, а саблю носить... Я его на перевозѣ сама видѣла съ саблей...

Пискаревъ. Это онъ такъ, въ поле шашку бралъ, въ родѣ какъ замѣсто топора, а то ему шашку носить не полагалось...

Леночка. И вы, Николай Николаевичъ, можете шпагу надѣть?

Пискаревъ. (Нерѣшительно). Вотъ получу мѣсто помощника бухгалтера—и шпага будетъ, а теперь... м-м-м... безъ темляка могу-съ...

Леночка. А скоро вы это мѣсто получите ..

Пискаревъ. А вотъ умереть Адамъ Осипычъ, и я получу...

Леночка. (Оживленно). Ахъ, надѣньте, Николай Николаевичъ, когданибудь шпагу хоть безъ темляка—и пойдѣмъ гулять... (Весело смѣется). Вотъ маіоръ съ кикиморой взбѣсятся-то ..

Троегубовъ. (Важно). Да и прохоровскія дѣвки магоментально съ ума сойдутъ... Потому у тебя кавалеръ со шпагой, а у нихъ все приказчики . (Глядя на Пискарева). Спасибо, Николай Николаевичъ, спасибо... Я тебя не забуду... Веди себя только хорошенько, а казначей-то ужъ мнѣ обѣщалъ, что ты къ новому году помощникомъ булгактера будешь .. Адамъ-то (Осипычъ къ тому времени окачурится, онъ и теперь еле-еле дыша въ тѣлѣ...

Пискаревъ. (Обрадовавшись). Неужели? И вамъ казначей обѣщалъ, а онъ не забудетъ?

Троегубовъ. Ну, какъ-же онъ забудетъ,—вѣдь, я городскимъ головой буду...

Леночка. Ну, нѣтъ, коли обѣщалъ, такъ это дѣло выгорить. Я теперь Липочкѣ покоя не дамъ... Ужъ я ее упрощу, чтобъ вамъ мѣсто дали...

Пискаревъ. (Расцвѣлъ). Благодарю васъ, Елена Даниловна, такъ я вамъ благодаренъ, что и высказать не могу...

Троегубовъ. Ну—объ этомъ опосля. (Вставая). Дѣла-то у меня сегодня хоть отбавляй... Я, Леночка, пойду пока мундиръ примѣрять, а какъ одѣнусь совсѣмъ—ты ко мнѣ приходи—мы эту рѣчь и еще продолбимъ... Я мало—мало и теперь уже въ нее вникъ,—вчера, вѣдь, до 12 часовъ ночи ты меня пилила, да третьяго дня сколько. (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ 5.

Пискаревъ и Леночка.

Леночка. Ну-съ, вы все изволили сдѣлать, что вамъ было приказано?

Пискаревъ. Рэли сдалъ въ переписку, рамы для декораций заказалъ, а рисовать будетъ Шилкинъ... Тутъ сосланный одинъ...

Леночка. А на почтѣ были?.. Справлялись—нѣтъ-ли послышки на мое имя?..

Пискаревъ. Нѣтъ, не получена еще... Это фонарь-то ждете?..

Леночка. Какая досада... Въ воскресенье Софья Петровна читаетъ „Полтавскую битву“, а иллюстрацій нѣтъ... Досада какая, а все вы...

Пискаревъ. Да я-то причѣмъ?..

Леночка. Я хотѣла телеграфомъ выписать, а вы почтой...

Пискаревъ. Почтой вѣрнѣе, да и дешевле... Но позвольте мнѣ сказать вамъ хоть одно слово не объ этихъ дѣлахъ...

Леночка. Успѣется... А вы съ какой это стати мнѣ нынче при кикиморѣ руку такъ сдавили, что я чуть не вскрикнула, а?

Пискаревъ. Отъ полноты чувствъ—какъ пьяный сдѣлался...

Леночка. (Передразнивая). Какъ пьяный сдѣлался... Вотъ ужъ кислота-то,—чуть что и размякъ, расчувствовался... Чтобъ у меня этого въ другой разъ не было... Слышите?!.

Пискаревъ. Ну, полноте, я хочу дѣло говорить...

Леночка. У васъ все дѣло... Ну-съ, говорите только скорѣе... Мнѣ некогда, суфлировать папашѣ надо... (Садится).

Пискаревъ. (Таинственно). Маіоръ вашему папашѣ письмо прислалъ, дерзкое, грубое... О васъ говоритъ гадко...

Леночка. (Спокойно). Папаша меня знаетъ. Мнѣ это не интересно... Что дальше?

Пискаревъ. Нѣтъ, вы погодите... Жалуется на Степана Данилыча, просить его примѣрно наказать...

Леночка. (Нетерпѣливо). Вы все только эту ерунду говорить будете, и больше ничего?..

Пискаревъ. Да нѣтъ-же... Погодите... Дайте ужъ досказать... Ну-съ, я былъ у вашего папаши въ кабинетѣ... О шпагѣ и о мундирѣ говорили... Онъ ко мнѣ былъ очень добрѣ и очень ласковъ...

Леночка. Подмазываться стали, поздравляю...

Пискаревъ. И вовсе не подмазывался я... Погодите... Ну-съ, сидимъ,—сидимъ мы,—вдругъ Данило Кузьмичъ и даетъ мнѣ маіорово письмо. На, говоритъ, прочти... Леночкѣ, говоритъ, нельзя дать.. потому, можетъ, пакость какая—вѣдь, маіоръ-то ой—ой... такую антимонію разведетъ, что со стыда сгорѣть можно... Ну—я прочиталъ... Дерзкое письмишко... Пишетъ, что видѣлъ, какъ я васъ обнималъ...

Леночка. (Испуганно). Не можетъ этого быть... (Гнѣвно) Какая гадость, какая низость... Вѣдь, это же ложь...

Пискаревъ. Я все объяснилъ, какъ было... Сказалъ, что тутъ былъ Степанъ Данилычъ...

Леночка. (Наклоняется къ столу). Какой скверный человекъ... Теперь анонимными письмами насъ завалятъ... Боже мой!.. и зачѣмъ это все здѣсь такъ гадко, грязно...

Пискаревъ. (Беретъ Леночку за руку). Не печальтесь... Я сумѣлъ расписать этого маіора какъ слѣдуетъ... Папаша вашъ подлецомъ его выругалъ...

Леночка. А потомъ?

Пискаревъ. Потомъ—вотъ въ этомъ-то и дѣло... Потомъ вашъ папаша говоритъ: только бы мнѣ, говоритъ, головой быть, а ужъ я этого маіора дойму—съ казенной квартиры выдворю, потому что домъ городу принадлежитъ... Осердился на него сильно вашъ родитель.. Ему, говоритъ, не Леночкину красоту

нужно было, а то, что у нея отецъ городской голова, чтобъ разныя поставки повыгоднѣе дѣлать... А затѣмъ вашъ батюшка сильно опечалился...

Леночка. Съ чего же это?

Пискаревъ. Значить, есть съ чего... Послѣ и говорить... Бываетъ говорить, что и корабли ломаетъ... А вдругъ, говорить, меня на вороныхъ прокатятъ... Тогда иди, мирись съ маіоромъ, потому что онъ важная птица и всякаго простого купчишку прижать можетъ... Только я, говорить, Леночку, ему не отдамъ... Ну я обрадовался, а онъ это замѣтилъ и говорить: съ казначействомъ у меня дѣлъ всегда много.. Получишь, говорить, мѣсто помощника бухгалтера—приходи и сватай Леночку,—бери ее...

Леночка. (Вскакивая). Бери, точно я шпага какая... Это даже обидно... Вы, г. Пискаревъ, совсѣмъ забываться стали...

Пискаревъ. (Смущенъ). Но, вѣдь, я думалъ...

Леночка. Все вы ерунду думаете, ни одного путнаго слова не придумали. Въ головѣ чушь, а онъ свататься хочетъ...

Пискаревъ. Но что же вы сердитесь-то?

Леночка. И онъ еще спрашиваетъ! Да вы развѣ знаете, что я пойду за васъ замужъ... Кто это вамъ сказалъ?..

Пискаревъ. Но, вѣдь, вы говорили, что любите меня...

Леночка. Мало-ли, что я говорила... Можетъ быть, я пошутила... А онъ ужъ и радъ, расчувствовался...

Пискаревъ. (Отходить въ сторону, ищетъ фуражку, груститъ).

Леночка. (Украдкой поглядывая на него). Вы что это ищите-то?

Пискаревъ. (Разсѣяннo). Такъ-съ, что ужъ мнѣ тутъ искать!.. (Беретъ фуражку).

Леночка. (Подходя къ нему, отнимаетъ фуражку). И не выдумывайте! скоро гости съ выборовъ пріѣдутъ, а онъ удирать!.. Развѣ это хорошо? А еще чиновникъ, шпагу скоро надѣнетъ... Съ маіоромъ на дуэли драться хотѣлъ..

Пискаревъ. Не смѣйтесь ужъ... И такъ у меня сердце болитъ...

Леночка. (Шутливо). По комъ?

Пискаревъ. Ни по комъ... Прощайте!

Леночка. (Беретъ его за руку и сажаетъ къ столу). Вотъ такъ, а я вотъ сюда. (Садится). Ну-ка, сказывайте, по комъ у васъ сердце-то заболѣло?

Пискаревъ. (Грустно). Мнѣ не до шутокъ-съ...

Леночка. (Ему въ тонъ). Стрѣляться буду.. (Вдругъ заглядываетъ ему въ глаза). Эхъ, вы Егорій храбрый... раскись, расчувствовался... Положите фуражку-то...

Пискаревъ. (Сердито). Чтожъ вы изводите-то меня...

Леночка. А... а, дерзости... Ну—хорошо.. Извольте сейчас же итти домой, да не забудьте, что завтра у насъ первая репетиція... Мы выходимъ въ первомъ дѣйствии..

Пискаревъ. (Въ отчаяніи). Да бросьте вы, ради Бога, всѣ эти шуточки... Не до нихъ мнѣ...

Леночка. (Серьезно). Не брошу, пока вы со своими чувствами приставать будете... не люблю я этого... По моему—любишь, такъ и молчи себѣ...

Пискаревъ. А вы меня любите?

Леночка. (Разводя руками наивно). Я, вѣдь, и молчу. (Взглядываютъ другъ на друга и весело смѣются. Пискаревъ швыряетъ фуражку).

(Входятъ Липочка и Казначей).

ЯВЛЕНИЕ 6.

Тѣже, Липочка (разодѣта), Казначей и Сквалыгина.

Липочка. (Ведя подъ руку и усаживая Казначея). Вотъ гдѣ весело-то! сейчасъ видно, что молодые люди собрались... Здравствуй, Леночка, здравствуйте, Николай Николаичъ. (Казначей здороваётся молча, садится, беретъ со стола книгу и все время читаетъ ее, машинально перелистывая).

Сквалыгина. (Цѣлуя Леночку). Солнышко мое красное... Ишь, какъ щечки-то у тебя разгорѣлись. (Ехидно, озираясь). И съ чего-бы это? кажись, печи не шибко топлены, а на дворѣ вода въ кадочкахъ сегодня застыла...

Казначей. Да, да, да... Теперь ужъ скоро все переменится... Барометръ то и дѣло падаетъ, да и въ календарѣ значится...

Сквалыг. Да ужъ и время. Не до новаго года цвѣты лазоревы цвѣсти будутъ, пора имъ и завянуть. (Разсматривая комнату) Какъ у васъ хорошо тутъ, да просторно-то... Вотъ житье-то, умирать не надо... И какъ все наладили живо, къ одному торжеству и въ головы выбираютъ, и новоселье... А мамаша здорова-ли?

Леночка. Ничего, она тамъ, все въ кухнѣ возится...

Сквалыг. Всегда тамъ возится... Тамъ и здоровье все свое ухлопала. (Сѣла). Охъ, тяжелая ей жисть выпала, тяжелая...

Липочка. И совсѣмъ нисколько не тяжелая... Что развѣ она не можетъ экономку нанять? Конечно, можетъ... А такъ вотъ, хочетъ и хлопочетъ...

Сквалыг. Денежки мужнины бережетъ... Въ старинку-то все такъ: мужъ наживаетъ, а жена зажимаетъ...

Липочка. И совсѣмъ этого ненужно...

Сквалыг. Да, по нонѣшнему, конечно, не нужно; нонче вонъ все на вонъ таранты пошло... Раньше дѣти родителей замѣняли и въ кухнѣ и вездѣ...

Липочка. Ну, если вы на Леночку намекаете, то я съ вами не согласна. Не можетъ-же Леночка въ кухнѣ сидѣть...

Сквалыг. А что за важность... Коли за бла—ароднаго замужъ не выйдетъ, такъ и въ кухнѣ насидится. А бла—ародные-то нонче все блаародныхъ берутъ, антилегенцію. Купечество-то тоже не всякое за бла—ародныхъ съѣдетъ...

Леночка. Ну, пошла писать губернія... Анна Панкратовна, что это вы злитесь-то? Право, смѣшно даже...

Пискаревъ. И въ самомъ дѣлѣ, чего это вы злитесь-то; точно маіоръ на васъ жениться думаетъ.

Сквалыг. (Вскипѣла). Что-о?... Что вы мнѣ маіора-то поддерживаете... Онъ бла—ародный человѣкъ... не кому иному чета... Захотѣла-бы—такъ и посватался-бы. (Всѣ смѣются). И нечего тутъ смѣяться... Старики-же берутъ себѣ молодыхъ, никто надъ ними не смѣется, а мы съ маіоромъ, какъ вы не смѣйтесь, извѣстно, подъ пару...

Пискаревъ. (Вполголоса). Оба сизогривые. (Громко). Я, Анна Панкратовна, съ удовольствіемъ шаферомъ у васъ буду, съ удовольствіемъ...

Сквалыг. Ладно, подтрунивай, подтрунивай, я, вѣдь, хошъ и не шибко обидчива, да все казначею пожаловаться сумѣю...

Липочка. Вы лучше мнѣ на него пожалуйте, а я ужъ его примѣрно накажу...

Пискаревъ. Отъ васъ всякое наказаніе снесу съ удовольствіемъ (кланяется).

Липочка. Ишь ты какой любезникъ, а я и не знала... Леночка—напой-ка ты меня чайкомъ, смерть пить хочется...

Леночка. (Идя къ дверямъ). Сейчасъ, сейчасъ..

Сквалыг. (Беря ее подъ руку). И я съ вами, и я...

Липочка. (Вставая и отстраняя Сквалыгину). Нѣтъ, Анна Панкратовна, вы здѣсь кавалеровъ займите, а мы съ Леночкой хозяйничать пойдѣмъ. (Беретъ Леночку подъ руку). У меня къ тебѣ дѣло есть, секретное дѣло...

Леночка. А я тебя объ одномъ молодомъ человѣкѣ пріятной наружности попросить хочу. (Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ 7.

Казначей, Сквалыгина и Пискаревъ.

Сквалыг. А вы чтожъ это, молодой человѣкъ, не сядете... Вырости, что-ли хотите...

Пискаревъ. Да, вырости хочу, но еще больше хочу, чтобы вы обо мнѣ не заботились (кланяется). Будьте при мѣстѣ...

Сквалыг. Не плюй въ колодезь—пригодится водицы напиться...

Пискаревъ. (Кланаясь). Ну уже извините, послѣ маіора пить не буду...

Сквалыг. Ахъ, Боже мой, какое несчастье... Да маіоръ-то о васъ и думать забылъ... невидаль какая... Въ прошлое воскресенье другую глядѣть ѣздили... вдова—красивая такая и молодая... Маіоръ-то вечеръ для нея дѣлалъ... Всю ночь горнисты въ саду марши играли, да пѣсенниковъ приводилъ...

Пискаревъ. Вотъ и прекрасно. (Казначею). Осмѣлюсь, Казиміръ Антонычъ, спросить васъ... не обезпокою...

Казначей. (Отрываясь отъ книги). Нѣтъ, что скажете?..

Пискаревъ. Адамъ Осиповичъ скоро выздоровѣютъ?..

Казначей. Не выздоровѣетъ...

Пискаревъ. Значить, помрутъ-съ?...

Казначей. Помрутъ...

Пискаревъ. Только поди не скоро?

Казначей. Къ новому году...

Пискаревъ. А ежели не помрутъ?.. можетъ, поправиться могутъ?

Казначей. Не могутъ...

Пискаревъ. А хорошаго доктора пригласить?..

Казначей. Не могутъ...

Пискаревъ. А на вольный воздухъ поѣхать?

Казначей. Не могутъ и баста. (Опять беретъ книгу).

Сквалыг. Вотъ попугай-то, прости меня Господи...

Пискаревъ. (Сквалыгиной). А возлѣ этого попугая и вы кормитесь, и правительство пользу имѣетъ. (Входитъ Степанъ).

ЯВЛЕНИЕ 8.

Тѣже и Степанъ (разодѣтъ).

Степанъ. А, вотъ, вы гдѣ собрались. (Здоровается). Чего-же вы въ залу-то не идете... Тамъ ужъ народъ собрался... Батюшка пріѣхалъ съ матушкой... стряпчій,—много... Того гляди и съ выборовъ прикатятъ...

Пискаревъ. Чего мнѣ тамъ дѣлать, я въ карты не играю, вино пить не люблю...

Степанъ. А вы бы такъ прошлись... Гости-то больно занятные... Все вотъ вродѣ этихъ самыхъ. (Показываетъ на Сквалыгину и Казначея).

Сквалыг. Что-жъ вы во мнѣ занятнаго-то нашли?

Степанъ. Да все... Чего хочешь—того просишь... Гдѣ это вы наголку-то такую сногшибательную добыли... Вызвонили, поди, не иначе...

Сквалыг. Вызвонили? Какъ это такъ вызвонили... Что я нищая, что-ли? Фу, какой неучъ!

К а з н а ч е й. (Вдругъ). А гдѣ мои ключи. (Безпокойно вертится).

П и с к а р е в ъ. Ключи, вѣроятно, у вашей супруги... хотите я къ ней схожу и принесу...

К а з н а ч е й. Да, да, да... Ключи должны быть у меня.. Безъ нихъ я какъ безъ рукъ... Принесите, да ее-то сюда зовите.. Чего она тамъ запропастилась...

С т е п а н ъ. (Тихо Пискареву). Вотъ-бы у него эти ключи ахнуть?

П и с к а р е в ъ. На что?

С т е п а н ъ. Чудакъ-рыбакъ, а еще чиновникъ! (Громко). Идите ужъ, коли Богъ убилъ. (Пискаревъ уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ 9.

Тѣже, безъ Пискарева.

С т е п а н ъ. (Повертывается на одной ножкѣ). Лихо мы вчера, Анна Панкратовна, время провели...

С к в а л ы г. Не рассказывайте, ужъ знаю..

С т е п а н ъ. Кто же вамъ это рассказалъ-то?

С к в а л ы г. Весь городъ говоритъ...

С т е п а н ъ. Полно звонить-то... Никто не знаетъ... Тамъ, кромѣ меня, да Сереги Кирпичева, никого и не было... А я трезвѣе его былъ...

С к в а л ы г. Оно и видать.. А зачѣмъ къ помощнику исправника затесался?

С т е п а н ъ. Кто я? Не можетъ быть!

С к в а л ы г. Затесался, а тебя въ шею.. Не помнишь?

С т е п а н ъ. Хошь зарѣжь.. Матушка, Анна Панкратовна, пойдемте въ столовую, расскажите мнѣ какъ дѣло было, а то вѣдь бѣда... Надо заранѣе все замазать, а мнѣ сегодня время нѣтъ,—молодцевъ поить велѣно,—цѣлый сарай для нихъ отвели, сегодня во всю гуляемъ... Пойдемъ, расскажи... (Идутъ въ среднюю дверь, оттуда входитъ Исправникъ).

ЯВЛЕНИЕ 10.

Тѣже и Исправникъ (съ портфелемъ).

И с п р а в н и к ъ. (Здороваясь). Здравствуйте... (Степану). Идите, Степанъ Данилычъ, и позовите папашу... Скажите: дѣло у меня къ нему экстренное... (Степанъ и Сквалыгина уходятъ). А, здравствуйте, Казиміръ Антонычъ, какъ поживаете?

К а з н а ч е й. Да вотъ ключи потерялъ... Бѣда коли не найдутся... Подъ судъ еще упекутъ...

Исправникъ. Э, полноте... Ключи у вашей супруги, она всегда ихъ въ боковомъ карманѣ носить...

Казначей. А вы почему знаете...

Исправникъ. Мы—полиція, мы все знаемъ... Къ тому и приставлены. Теперь случись—пропади у васъ ключи,—мы сейчасъ къ вашей супругѣ съ обыскомъ, и пойдемъ...

Казначей. Да! Это очень хорошо... очень... (Углубляется въ книгу. Исправникъ идетъ на лѣво авансцены, вынимаетъ изъ портфеля дѣло).

Исправникъ. (Про себя). Дѣло у этого мерзавца Ахметджани едва выручилъ.. Бестія — шельмецъ... Я, говоритъ, продалъ ему и сжегъ другое дѣло, а это, подлинное, на всякій случай оставилъ.. Каковъ мерзавецъ!.. Каковъ мерзавецъ!.. Хотѣлъ, значить, постепенно Данилу Кузьмича доить... Но нѣтъ, шалишь... Мы и сами подоить то сумѣемъ.. Теперь ужь я съ Данилки не 600 рубликовъ, а полторы тысячи сгрѣю... Сто рублей этому Ахмедкѣ на голые зубы, а тутъ—остальные на всякій случай поберегу... Липочкѣ на спектакль четвертную подпишу,—пусть подобрѣе будетъ.. Ну, Данила, ты сѣрь, а я, пріятель, сѣдъ... За 600—1½ тысячи отвалишь,—и меньше ни гроша. (Входитъ Троегубовъ, взволнованный).

ЯВЛЕНІЕ 11.

Троегубовъ, Казначей, и Исправникъ.

Троегубовъ (быстро подходя къ Исправнику.) Что случилось,—прокатили, что-ли, говори скорѣе...

Исправникъ. Нѣтъ, не прокатили... выбрали...

Троегубовъ. (Облегченно вздохнувъ) Слава тебѣ, Создателю.. ты посиди тутъ, а я магоментально пойду, форму надѣну.. Я живо все на себя насдѣваю...

Испр. (Удерживая Троегубова.) Погоди... Все дѣло можетъ погибнуть, если ты сейчасъ заартачишься...

Троег. (Упавшимъ голосомъ.) Что еще, доконай ужъ, не мучь!..

Испр. Не доканать я тебя пришелъ, Данило Кузьмичъ, а спасти... (Подаетъ ему дѣло.) На, смотри, что это такое...

Троег. (Разбирая по складамъ.) Дѣ-ло... по обвиненію купца Троегубова въ убійствѣ... (Вздрогнулъ, выронилъ дѣло. Исправникъ поднялъ его.) Такъ, значить, тотъ армяшка мнѣ фальшивое дѣло продалъ... (Въ изнеможеніи опустился на стулъ).

Исправникъ. Не понимаю, чего ты волнуешься... Ну да, Ахметджани тебя надулъ, продалъ тебѣ простыя бумаги, а теперь это настоящее дѣло хочетъ пустить въ ходъ...

Троег. Погибъ!.. За что-же, за что-же.. Или я вамъ всѣмъ, подлецамъ, денегъ мало переплатилъ... Такъ возьмите, все возъ-

мите... нищимъ сдѣлайте,—но поскорѣе, не мучьте меня, Господь съ вами...

Исправникъ. (Тряхнувъ головой.) Ты совсѣмъ понимать разучился, Данило Кузьмичъ... Какъ въ головы попалъ, совсѣмъ у тебя ума не стало... Сообрази ты, что это передъ тобой...

Троег. Вижу, дѣло, мое дѣло...

Исправн. Такъ и бери его...

Троег. (Приходя въ себя) Такъ ты, что-ли, вырвалъ его у этого армяшки, такъ мнѣ теперь его сжечь можно...

Испрвн. Ну, конечно, бери и жги... (Троег. схватываетъ дѣло и хочетъ бѣжать.) Нѣтъ, погоди минуту... Ахметжани не даромъ мнѣ его отдалъ, нѣтъ!... Я обѣщаль ему за него 1½ тысячи...

Троег. Такъ тебѣ съ меня эти 1½ тысячи получить хочется... говори скорѣе... Душа сгорѣла...

Исправн. Да, и получить сейчасъ-же...

Троег. (Поспѣшно.) Постой тутъ (Подбѣгаетъ къ лѣвой двери) Эй, Николай, Николай Николаичъ, иди скорѣе сюда. (Пискаревъ останавливается на порогѣ.) Нѣтъ, нѣтъ, сюда иди, сюда! (Тащитъ его за руку.) Вотъ смотри это дѣло, хорошенько смотри... есть-ли тутъ печати, подписи, все осмотри и, если ты ошибешься (на ухо Пискареву), не видать тебѣ моей Леночки... (Пискаревъ, удивленный, рассматриваетъ внимательно дѣло.)

Исправникъ. (Тихо.) На что ты свидѣтеля-то привелъ, не вышло бы чего...

Троег. (Желчно.) Нѣтъ, будетъ вамъ меня сосать, будетъ... Ужъ теперь фальшивое за настоящее не приму... Дочь свою родную вотъ этому писарю отдамъ, а ужъ больше вы меня не проведете... Давно бы мнѣ противъ васъ—вашего-же брата чиновника выставить надо... (Подходитъ къ Пискареву, смотреть въ дѣло.) Ну, что настоящія бумаги, да?

Пискаревъ. Все какъ слѣдуетъ... пронумеровано, припечатано и прошнуровано... Бумаги всѣ настоящія съ подписями и за надлежащими помѣтками... (Закрываетъ дѣло.)

Троег. (Схватывая дѣло) А о чемъ это дѣло—пусть ни одна душа въ мірѣ не знаетъ, иначе все распыряю, всѣхъ выгоню, нищимъ буду... Понялъ? иди! (Пискаревъ, наклонивъ голову, уходитъ налѣво.) На, исправникъ, на тебѣ не 1½ тысячи на тебѣ 1500 рублей и не поминай меня лихомъ... (Отдаетъ ему деньги и, пряча дѣло, уходитъ быстрой походкой на лѣво-же.)

ЯВЛЕНІЕ 12.

Исправникъ и Казначей.

Исправникъ. (Прячетъ деньги.) Фу, умаялся я съ нимъ совсѣмъ. (Садится) Скоро-ли это выпивка у нихъ будетъ; (Смотритъ на часы.) Выбора кончаются... (Встаетъ, подходит къ

Казначей.) А мало, чортъ восьми, я взялъ съ него... Продешевилъ.. Ну, да, и то сказать: съ лихой собаки хоть шерсти клокъ. (Садится.) А мы тутъ съ Данилой Кузьмичемъ планы разсматривали... Постройку новую заводить хочетъ, такъ на утверждение въ губернію посылали... Теперь получено... Все утвердили...

Казначей. Да-а, утвердили.. это очень, очень хорошо... (Входятъ Липочка, Леночка и Сквалыгина).

ЯВЛЕНІЕ 13.

Исправникъ, Казначей, Липочка, Леночка и Сквалыгина.

Исправникъ. (Выходя имъ навстрѣчу, здоровается.) Олимпиада Петровна, Елена Даниловна, Анна Понкратовна!

Сквалыг. Поди, умаялись.. Я видѣла, ваши кони все время возлѣ управы стояли, почитай съ самаго утра. (Всѣ усѣлись.)

Исправникъ. Измаялся... и не говорите...

Сквалыг. Наши гласные хоть кого изведутъ...

Исправн. Исторія, я вамъ доложу! Я съ ними чуть голову не потерялъ... Видали вы стадо барановъ, вотъ они самые и баллотировали... Тутъ камнемъ будь—и то лошнешь.. Шумъ, гамъ, гвалтъ, своя своихъ не познаша.. Ренсковые велѣлъ запереть,—не тутъ-то было... Съ собою принесли и давай угощаться... Да еще хорошо, слава Богу, что не дрались, безъ этого обошлось... Нѣтъ, кабы не Данилу Кузьмича въ головы провести надо было, ни за что бы самъ не присутствовалъ, помощника бы послалъ.. (Мѣняя тонъ.) А что у нихъ все тамъ готово?

Сквалыг. Какъ же, какъ же, мундиръ надѣваетъ, а Оекла Ивановна сейчасъ только изъ кухни къ себѣ прошла... Цельмени стряпали... умаялась, бѣдная...

Исправн. А я, знаете-ли, къ маіору сейчасъ заѣзжалъ,—звалъ его, такъ и слышать не хочетъ.. Ужъ больно разгнѣвался онъ на Степана Данилыча.. Нога, говоритъ, моя у нихъ не будетъ...

Сквалыг. Ничего,—можетъ, и обомнется,—вѣдь, они, эти военные, сердиты, да отходчивы...

Липочка. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ... Ты, Леночка, не принимай его... онъ такой страшный... Я такъ и думала тогда, что маіоръ сейчасъ же на пикникъ солдатъ приведетъ и на барабанъ Степана Данилыча въ солдаты забрѣтъ.. Онъ такой страшный... (Входятъ гласные.)

ЯВЛЕНІЕ 14.

Тѣже и гости.

Исправн. Проходите, господа, проходите, присаживайтесь. (Гости понемногу усаживаются на стульяхъ вдоль задней стѣны.)

Данила Кузьмичъ сейчасъ явится... Онъ тамъ съ батюшкой постройку осматривать ходили... (Подходя къ гостямъ ближе.) Вы, господа, станете вотъ тутъ (показываетъ направо), голова выйдетъ отсюда (показываетъ налево.) Вы его и поздравьте... Это не мое, а ваше дѣло.. Вотъ вы, Егоръ Федоровичъ, и поздравьте... отъ лица всѣхъ, вообще... вы, вѣдь, у насъ извѣстный ораторъ...

Егоръ Федоровичъ. (Застѣнчиво.) Каки мы ораторы... такъ, мало-мало...

Испр. А все про свои дѣлишки поорать-то не прочь... (Сѣлъ) Въ думѣ-то кто больше васъ ораторствуетъ...

Егоръ Федоровичъ. Это, дѣвствительно, а только все у насъ какъ-то здря выходитъ... Мы то толкуемъ про попа, а управа все про Ерему ладить... Такъ, канитель одна...

Исправн. Однако, вамъ лавки недавно выстроили...

Егоръ Федоровичъ. Почему не такъ-съ... За свое удовольствіе мы всегда похлопочемъ... Лавка намъ каждому нужна, а построить ее—средствъ, достатковъ нѣту... да застрахуйте ее, да то да другое... А построили на счетъ города—вотъ намъ и лафа...

Исправникъ. (Сквалыгиной.) Ну-ка, Анна Панкратовна, сослужите намъ службу вѣрную, сходите за Данилой Кузьмичемъ, зовите его сюда... Скажите, гласные, молъ съ поздравкой пришли, дожидаются... (Сквалыгина уходитъ налево.) У меня ужъ въ горлѣ пересохло... (Липочкѣ.) А я вашу кухарку на три дня въ каталажку засадилъ...

Липочка. (Леночкѣ.) Да, представь себѣ, Леночка, Аксиныя-то у меня совсѣмъ отъ рукъ отбилась.. Грубитъ, нынче все печенье въ уголь сожгла,—вотъ я ее въ полицію и справадила.

Исправникъ. Если хотите, я ее и еще на три дня засажу...

Липочка. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, какъ это можно... Вѣдь, я безъ нея—какъ безъ рукъ... Вѣдь, Аксиныя единственная порядочная кухарка во всемъ городѣ... Я ей очень, очень дорожу...

Леночка. И тебѣ не жаль, что Аксиныя въ полиціи?

Липочка. Кто что посѣялъ, то и пожни... Это къ ея же пользѣ...

Леночка. Ну, нѣтъ, я со своей кухаркой никогда-бы такъ не поступила... Тамъ такъ гадко... тамъ и поколотить могутъ..

Исправникъ. (Обиженно.) Позвольте, Елена Даниловна... Въ моей полиціи этого никогда не бываетъ...

Леночка. Рассказывайте; конечно, при васъ, можетъ быть, и не поколотятъ, а, вѣдь, вы тамъ не всегда...

Исправникъ. И безъ меня не поколотятъ, клянусь честью...

Леночка. Напрасно клянетесь.. А давно-ли нашего приказчика изъ полиціи въ больницу отправили.. Едва отводились...

Исправникъ. Вольно-же ему было головой о телѣгу биться... Никто не виновать.. (Въ это время вбѣгаетъ Степанъ, схватываетъ знакъ городского головы и, побрякивая имъ, быстро скрывается налѣво.) Вы вотъ спросите-ка Степана Данилыча, онъ наши порядки больно хорошо изучилъ...

Липочка. (Досадливо.) Фу, какъ это невѣжливо съ вашей стороны, Михаилъ Григорьевичъ... я этого отъ васъ не ожидала...

Исправникъ. Извините... (Раздраженно) Я терпѣть не могу, когда мою полицію трогають... Простите, но въ подобныхъ случаяхъ я никому не слущу... Пока я здѣсь, я этого не могу допускать...

Липочка. Чего-жъ вы сердитесь-то, здѣсь все свои люди, и не этакія, поди, исторіи про вашу полицію слыхали...

Исправникъ. Вы этого не поймете-съ... Честь мундира... Я сегодня, изволите-ли видѣть, какъ чортъ утомился и мнѣ всѣ эти разговоры одно огорченіе... (Входятъ Троегубовъ, Ѳекла Ивановна, Сквагыгина и Пискаревъ. Всѣ встаютъ. Взаимно раскланиваются.)

ЯВЛЕНІЕ 15.

Троегубовъ и Ѳекла Ивановна (стоятъ рядомъ), Леночка (сзади Троегубова), Пискаревъ (дальше у дверей); Сквагыгина (подходитъ къ Казначею и Липочкѣ (они стоятъ), Исправникъ справа; гости группируются.

Егоръ Федоровичъ. (Откашлялся) Имѣемъ честь поздравить васъ, достопочтеннѣйшій Данило Кузьмичъ, съ избраніемъ въ городскіе головы... Желаемъ вамъ отъ всей души всего лучшаго, много лѣтъ здравствовать, а городу нашему процвѣтанія во славу Божію, расти умственно и физически. (Гласные кланяются. Троегубовъ, Ѳекла Ивановна и Сквагыгина тоже) Просимъ покорнѣйше не отказаться... всѣ мы, вообще... (опять кланяются)

Троег. (Въ волненіи.) Благодарю васъ, господа... гмъ... благодарю, можно сказать, отъ души... обрадованъ несказанно... (откашливается.)

Леночка. (Шепчетъ ему незамѣтно.) Благодарю и приѣмлю..

Троег. Благодарю и приѣмлю (Леночка опять шепчетъ) и не мало глаголю... (гласные вздыхаютъ.) Городское хозяйство нашего богоспасаемаго града (Исправникъ смотритъ на часы) находится, такъ сказать, въ первомъ стадѣ (Леночка шепчетъ), такъ сказать, въ первомъ стадѣ первобытнаго своего состоянія и развитія (Въ этотъ моментъ раздается учащенный звонъ ко-

локола и слышенъ гуль голосовъ. Всѣ въ смятеніи брасаются къ окну, говорятъ одновременно.)

{ Казначей. Ахъ, Боже мой... Пожаръ!.. Ключи! ключи!..
 { Липочка. Гдѣ? не близко-ли, намъ домой надо..
 { Сквалыг. Батюшки, не на моей-ли квартирѣ... пойти узнать (Выскальзываетъ.)

Исправникъ. (Отходя отъ окна) Не безпокойтесь, господа, это не пожаръ. Это дворникъ Данилы Кузьмича звонить въ колоколь, которымъ рабочихъ сзываютъ на обѣдъ... Успокойтесь...

Троег. Что это значитъ?.. Въ такую минуту...

Липочка. Ахъ, Боже, мой, какіе здѣсь дикари!.. Мой Казиміръ чуть сознанія не лишился. (Наклонилась къ Казначею, который безсильно опустился на диванъ; махаетъ въ лицо ему платкомъ.) Вѣдь, онъ скоропостижно умереть можетъ...

Оекла Ивановна. (На стулѣ.) Ой, батюшки... ровно у меня въ нутрѣ-то оборвалось что... Ой-ой! (Охаетъ.)

ЯВЛЕНІЕ 16.

Тѣже и Сквалыгина (быстро входя)

Сквалыгина. (Впопыхахъ.) Успокойтесь, успокойтесь, господа... Все это Степанъ Данилычъ выдумалъ... Собралъ приказчиковъ, перепоилъ ихъ, приказалъ себя качать и колокольный звонъ этотъ устроилъ... (Всѣ хохочутъ).. Я, говоритъ, тоже теперь шишка, качай меня, ребята... (Звонъ усиливается.)

Исправникъ. (Весело.) Господа, что-же мы то зѣваемъ... Эхъ вы, дали себя предупредить... Качать Данилу Кузьмича...

Леночка. (Быстро.) Да, вѣдь, онъ рѣчь еще не кончилъ...

Исправникъ. Ну, какія тамъ еще рѣчи... Выбрали и слава Богу.. Качай его, ребята... (Гласные съ Исправникомъ во главѣ подхватываютъ Троегубова и качаютъ его при общихъ крикахъ „ура“!)

Картина: Гласные и Исправникъ качаютъ Троегубова; Оекла Ивановна полужелитъ на стулѣ; возлѣ нея хлопочетъ Сквалыгина; Липочка отмахиваетъ Казначея платкомъ; Пискаревъ тихо говоритъ съ Леночкой.

(ЗАНАВѢСЪ).

Сибирякъ.

Въ прошлой, 10-й, книжкѣ „Сибирскаго Наблюдателя“, въ сценахъ „Въ былые дни“, сдѣланъ крупный пропускъ на стр. 78. Послѣ словъ Исправника: „*Ахметжани разыскать надо... Я знаю—дѣло у него*“,—слѣдуютъ далѣе слова Исправника-же:

„Отобрать и тогда не 600, а тысячу съ Данилки сдеру. Умнѣе впередъ будетъ, выучу, какъ порядочныхъ людей обманывать. (Любуется Липочкой. Подбодрился. Крутитъ усы). Хороша, чортъ ее поberi. И такая кралечка досталась такой размазнѣ, фу! глаза—какъ небо голубое... сама—бѣлая, румяная, да развѣ ей такую жизнь вести надо... Гмъ! (дѣлаетъ шагъ впередъ). Ко мнѣ она очень благосклонна. У меня всей полиціи наказано—всевозможное содѣйствіе ей оказывать... (Пауза) Фу, какъ сильно бьется сердце... Не надо было коньякъ съ водкой мѣшать... Послѣ водки ничего не надо пить, а то такая композиція пойдетъ, что три дня какъ обалдѣлый ходишь... Фу! (дѣлаетъ еще шагъ впередъ, слегка пошатывается) Не вытерплю. Разъ въ жизни—и больше никогда. Фу! (шагнулъ) не услышитъ. Одинъ только разъ—и больше ни-ни-ни! (Подкрадывается къ Липочкѣ, закладываетъ руки за спину, наклоняется, чтобы поцѣловать Липочку, но, пошатнувшись, вмѣсто нея, цѣлуетъ Казначея въ голову. Тотъ вскакиваетъ, толкаетъ Исправника и оба они падаютъ. Исправникъ, однако, быстро встаетъ и помогаетъ встать и Казначею“.

Далѣе идетъ, какъ напечатано на стр. 78 въ 10-й кн. „С. Н“.

Изъ записной книжки.

Все тѣ-же думы и стремленья,
Какъ и въ прошедшіе года,
И тѣ-же горе и мученья,
И трудъ тяжелый, и нужда.

* * *

И призракъ, что въ дали туманной
Въ храмъ свѣта открывалъ намъ дверь
Въ пору весны благоуханной,
Недостижимъ онъ и теперь.

* * *

И только кончивъ съ міромъ счеты,
Предъ тѣмъ, какъ Парка нить порветъ,
Поймешь, что тщетны всѣ заботы,
Чтобъ передѣлать жизни ходъ!

Всеволодъ Сибирскій.

Какъ Россіянка переселилась въ Сибирь.

(Изъ исторіи одного переселенія).

Прежде, чѣмъ познакомить читателей съ тѣмъ, какъ Россіянка переселилась въ Сибирь, мы считаемъ необходимымъ поразсказать кое-что о житьѣ-бытьѣ обывателей Россіанки у себя на родинѣ.

Россіянка—это одна изъ тѣхъ довольно многочисленныхъ селъ и весей обширной матушки-Россіи, которыя въ литературѣ нашей болѣе извѣстны подъ именемъ „Погорѣловъ, Захудаловъ“ и т. д. Это та деревня, гдѣ кусокъ чернаго хлѣба добывается цѣною самаго тяжелаго труда, цѣною многозаботнаго дня, гдѣ нужда прочно свила себѣ гнѣзда и гдѣ нѣтъ выхода изъ подневольнаго экономическаго существованія. Въ эпоху освободительныхъ реформъ, когда могучія слова манифеста 19-го февраля пролили радостный свѣтъ добра въ темную область крѣпостничества, когда загорѣлась заря новой жизни для освобожденнаго народа, Россіянка вмѣстѣ со всѣми селами и деревнями Руси, получивъ свободу, получила и землю. Земли, доставшіяся Россіянкѣ въ надѣлъ, были землями очень слабыми: ни пахатей урожайныхъ, ни покосовъ съ травой, ни лѣсовъ хорошихъ не вошло въ черту надѣла, да и вытянулись-то эти земли узкою полосой среди земель владѣльца, такъ что вполнѣ создавалось то положеніе, которое писателемъ нашимъ названо: „некуда курицы выпустить“. Всего на всего отведено было Россіянкамъ по четыре десятины земли на каждую ревизскую душу. Правда, когда отводили имъ надѣлы, находились добрые люди, которые совѣтовали Россіянкамъ брать больше земли, такъ какъ и помѣщикъ на это соглашался. Не послушались тогда Россіянцы добрыхъ совѣтовъ, и пожелали остаться на казенной нормѣ. „Куда земля дѣнется, не хватитъ—еще прирѣжутъ“, твердили они въ одинъ голосъ. И худо вышло, что не послушались тогда Россіянцы добрыхъ совѣтовъ, и не брали земли больше. Спустя десятокъ лѣтъ послѣ надѣленія, въ Россіянѣ уже началъ ощущаться недостаткомъ въ землѣ, въ особенности въ покосѣ и лѣсѣ. По мѣрѣ-же того, какъ уходили годы, земельное утѣсненіе принимало все болѣе и болѣе острую форму. И вотъ чрезъ сорокъ почти лѣтъ четырехъ-десятинный душевой надѣлъ превратился въ двухъ-десятинный, а для иныхъ и того меньше, были и такіе, на которыхъ земли совсѣмъ не приходилось.

И пошли эти послѣдніе батрачить въ помѣщичьи экономіи, потянули на заводы и фабрики, отправились въ городъ искать заработковъ. Тѣ-же, у которыхъ было хоть сколько-нибудь

землицы, да былъ домишко хоть худенькій, да скотинка самая бѣдная, крѣпко держались дѣдовскихъ могилъ, но какое житье ихъ было, читатель узнаетъ дальше.

Три узенькихъ полосы, шириною не болѣе сажени и длиною около $2\frac{1}{2}$ верстъ каждая, составляли тутъ поля Россіянскаго обывателя (озимое, яровое и паров.), не болѣе полудесятины сѣнокоса маленькими клочками въ нѣсколькихъ мѣстахъ и притомъ сѣнокоса съ выродившеюся травою дополняли остальные полевые земли, маленькій огородишко, маленькая усадьба, вотъ и всѣ владѣнія земледѣльца изъ Россіянки. Ну, на чемъ тутъ разгуляться, на чемъ работать. При такомъ ничтожномъ землевладѣніи полное отсутствіе лѣса дополняло печальную картину этого карликоваго хозяйства. По неволѣ закабалили себя Россіяны къ сосѣдямъ — землевладѣльцамъ. Лѣсишка-ли на постройку надо, дровецъ-ли, сѣнокосу-ли, пахоты-ли, все идутъ Россіяны просить у землевладѣльца — сосѣда. А тутъ приближается пора платить подати, опять къ тому-же сосѣду, либо къ міроѣду, что въ кабачкѣ, или въ лавочкѣ сидитъ, съ покорной просьбой деньгами снабдить, обращается россиянецъ. Придетъ страдная пора — сѣнокосъ и жатва, обыватель Россіянки день изо-дня шатается на чужихъ поляхъ, на чужихъ лугахъ — это онъ отрабатываетъ сѣнокосъ, дрова и землю, взятую у землевладѣльца въ аренду. И только тогда, когда гужемъ потянутся обозы съ хлѣбомъ въ помѣщичьи сараи, когда сѣновалы землевладѣльца наполнены уже душистою травою, принимается россиянецъ за свои поля, за свои луга. И работаетъ онъ лихо, работаетъ безъ усталы, безъ отдыха, а прійдетъ осень — хлѣба едва ли хватить на продовольствіе, для рогатаго скота припасена одна только солома, для лошаденки — солома пополамъ съ сѣномъ.

Тяжелыя условія экономическаго разстройства, полная зависимость Россіянцемъ отъ воли землевладѣльца, отъ воли кулаковъ и міроѣдовъ все болѣе и болѣе наталкивали Россіянцевъ на мысль о переселеніи, о неизбѣжной необходимости добыть земли, добыть во что-бы то ни стало, добыть хоть гдѣ-нибудь. Мысль эта все глубже и глубже западала въ головы Россіянцевъ, а тутъ какъ разъ и одноподеревенцы безземельные изъ заработковъ вернулись въ родную деревню. Толкаясь постоянно среди чужихъ людей по чужимъ мѣстамъ, много слышали эти отрѣзанные ломти Россіянки про Сибирь, про сибирское приволье, про богатые урожайныя земли, о разныхъ льготахъ и разныхъ привилегіяхъ для переселенцевъ. Исполняя тяжелую работу на фабрикахъ и заводахъ, таская тяжести на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, на пароходныхъ пристаняхъ, ютясь въ землянкахъ, ночуя на нарахъ въ фабричныхъ и заводскихъ сараяхъ, эти вырванные изъ земледѣльческой среды, оторванные отъ сохи, бороны и косы

сыны Россіянки въ тихомолку мечтали о томъ, какъ и они будутъ хозяевами, какъ у нихъ будетъ свой домишко, своя скотинка, но только не въ Россіянкѣ, а тамъ, гдѣ-то далеко, за высокимъ Ураломъ. Мѣста эти давно уже сдѣлались завѣтною мечтою ихъ, мысли эти не давали имъ покоя. И вотъ, придя въ Россіянку, они всей душой отдались этой мечтѣ, и рѣшили во что-бы то ни стало перебираться за Уралъ и поселиться тамъ. Горячіе рассказы про Сибирь подѣйствовали и на тѣхъ Россіяцевъ, которые, хотя на заработки и не ходили, но едва, едва перебивались на своемъ ничтожномъ хозяйствѣ. Число охотниковъ переселиться въ Сибирь росло все больше и больше. И рѣшили они всѣ покинуть родную Россіянку и искать лучшей доли въ странѣ, которая хотя и обильна землею, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сурова и далека.

Настала глубокая осень, въ воздухѣ носились уже предвѣстники зимы, порою падали на землю снѣжныя кристаллики, вода лѣниво двигалась въ рѣкѣ; работы на поляхъ уже закончились и сильные удары цѣповъ бѣщали обывателю, что сельскій хозяинъ начинаетъ подводить итоги своихъ заботъ, трудной тяжелой весны, страднаго лѣта и осени. Въ это самое время отправили Россіянцы въ волость выбранныхъ людей узнавать про порядки переселенія въ Сибирь. Въ волости этимъ людямъ объяснили, что для того, чтобы имѣть право переселенія, необходимо получить разрѣшеніе высшаго губернскаго начальства; каждая семья, желающая переселиться, должна обладать извѣстными матеріальными средствами и т. д. Что-же касается свободныхъ земель въ Сибири, то таковыя тамъ, дѣйствительно, имѣются, но, опять таки, нужно ихъ искать имъ-же самимъ. Что раньше, чѣмъ переселиться всѣмъ имъ вмѣстѣ съ семьями, они должны отправить въ Сибирь прежде ходаковъ, что ходаки эти должны выбрать для нихъ земли и приписаться къ этимъ землямъ (переселенческіе участки), и только послѣ всего этого они могутъ двинуться въ Сибирь съ семьями и со всѣмъ своимъ скарбомъ.

Узнавши все это, Россіянцы выбрали ходаковъ по одному на нѣсколько семей и уполномочили ихъ хлопотать о разрѣшеніи отправиться въ Сибирь для выбора переселенческихъ участковъ, въ тоже самое время въ губернскій городъ черезъ волостное правленіе было отправлено не одно прошеніе отъ Россіянцевъ о разрѣшеніи на переселеніе. Съ того момента, какъ Россіянцы начали хлопотать о разрѣшеніи, для нихъ настали дни томительныхъ ожиданій, на свое хозяйство они начали смотрѣть, какъ на что-то временное, перестали заботиться объ арендѣ сѣнокосовъ у землевладѣльца, перестали заботиться о починкѣ построекъ, о скотинѣ и прочее.

Пришла зима, и только въ самомъ концѣ зимы пришло разрѣшеніе изъ губерніи на переселеніе въ Сибирь, но только не всѣмъ, нѣкоторымъ было отказано. Къ тому же времени и ходаки выхлопотали себѣ надлежащее разрѣшеніе и бумаги для льготнаго проѣзда и друг. Съ первыми весенними днями Россіяны собирали деньги на дорогу ходакамъ, а ходаки собирались въ далекій путь. Въ одно теплое весеннее утро по улицамъ Россіянки прошли ходаки на ближайшую желѣзнодорожную станцію. Что-то привезутъ они, думали Россіяны, провожавшіе ходаковъ? Объ этомъ мы узнаемъ въ слѣдующей книжкѣ.

Ю. О. Горбатовскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Воспоминанія о С. Я. Надсонѣ.

(Продолженіе, — см. кн. 9—10 т. г.).

Помню одинъ разговоръ съ Надсономъ по поводу поэзіи.

Мы разговаривали однажды съ Надсономъ о томъ, что стоитъ выше стихи или проза.

С. Я. говорилъ, что и то и другое можетъ быть одинаково хорошо и, между прочимъ, восторженно воскликнулъ:

— „Вотъ Гоголь, напримѣръ: за одну страницу его прозы— я отдамъ съ охотой всѣ мои стихотворенія“.

Каждый изъ юнкеровъ обязанъ былъ по очереди дежурить по ротѣ. Обыкновенно, былъ 1 дежурный изъ старшаго класса и въ помощь ему 2 дневальныхъ изъ младшаго.

Ночью всѣ трое мѣнялись и спали по очереди. Каждый изъ насъ тяготился дежурствомъ. Надсонъ же, наоборотъ, былъ радъ, когда дежурилъ, и часто просиживалъ всю ночь и не будилъ очередныхъ товарищей. Происходило это потому, что С. Я. писалъ свои произведенія, большей частью, по ночамъ.

Ложась спать, у него всегда на готовѣ былъ огарокъ свѣчки и спички.

Часто ночью проснется поэтъ, полсжить немного, тогда зажигаетъ свѣчку и принимается писать. Бывало, и такъ, что, погасивъ свѣчу, Надсонъ черезъ нѣсколько минутъ зажигалъ ее вновь, и это повторялось по 2 и 3 раза въ ночь.

Все училище обѣдало въ одной общей столовой. Кухней по четвертямъ года завѣдывали по очереди ротные командиры, но это завѣдываніе ограничивалось только расчетомъ съ нашими поставщиками и тѣмъ, что разъ въ день ротный командиръ зайдетъ на кухню заглянуть, что тамъ дѣлается.

Вся отвѣтственность ложилась на юнкера, выбраннаго товарищами изъ той роты, командиръ которой завѣдывалъ кухней. Этотъ завѣдывающій назывался „старшимъ артельщикомъ“; кромѣ того, изъ каждой роты было по 2 младшихъ артельщика, одинъ отъ старшаго курса и одинъ отъ младшаго. Обязанность младшихъ артельщиковъ заключалась въ томъ, чтобы своевременно сообщить на кухню, сколько человѣкъ будетъ сегодня обѣдать и сколько вечеромъ пить чай. (Еще утромъ тѣ изъ юнкеровъ, которые уйдутъ въ отпускъ до обѣда и которые уйдутъ послѣ обѣда и не будутъ пить вечерняго чая—обязаны были объ этомъ заявить дежурному по ротѣ юнкеру. Такимъ образомъ, число обѣдающихъ каждый день было различно).

Тѣ-же младшіе артельщики обязаны были слѣдить за тѣмъ, чтобы всѣ обѣдающіе получили все то, что имъ полагалось, и служителя не таскали изъ кухни ничего лишняго.

Артельщики обѣдали послѣ ухода изъ столовой всѣхъ юнкеровъ и являлись въ столовую минутъ за 10 до прихода юнкеровъ.

Хотя я былъ на младшемъ курсѣ, но былъ выбранъ ротой въ старшіе артельщики.

Отказываться не полагалось.

Я началъ съ того, что уговорилъ Надсона быть младшимъ артельщикомъ—онъ согласился. И вотъ мы вмѣстѣ съ С. Я. принялись преобразовывать нашъ столъ. Обыкновенно, по субботамъ ротный командиръ, завѣдывающій кухней, представлялъ баталіонному командиру составленное старшимъ артельщикомъ распisanіе завтраковъ и обѣдовъ на будущую недѣлю.

По одобреніи начальствомъ распisanіе отдавалось въ приказъ по училищу и измѣнить его уже не полагалось.

Въ первую же субботу я пригласилъ Надсона помочь мнѣ составить распisanіе. Оно было составлено по новому: вводилось нѣсколько новыхъ и дорогихъ блюдъ, булки были увеличены на 2 лота, введены пироги къ завтраку и т. д.

Подавая распisanіе капитану О—му, я ждалъ, что будетъ гроза и она дѣйствительно была. Просмотрѣвъ меню обѣдовъ и завтраковъ, капитанъ заложилъ большой палецъ правой руки за бортъ сюртука, замоталъ остальными пальцами и сталъ кричать, говоря, что я сошелъ съ ума.

— При такомъ хозяйствѣ у насъ будетъ передержка отпускаемыхъ суммъ, а нужно дѣлать такъ, чтобы была экономія.

Извольте передѣлать росписаніе; если-же не умѣете, то перепишите какое-нибудь старое.

Я увѣрялъ, что сдѣлалъ самыя точныя вычисленія и что ни по кухнѣ, ни по пекарнѣ передержки не будетъ, хотя, правда, не общалъ и экономіи. Когда же командиръ не хотѣлъ меня слушать и, все-таки, настаивалъ на перемѣнѣ росписанія, говоря, что я обязанъ его слушать, я, выведенный изъ себя, довольно рѣзко объявилъ:

— Я обязанъ васъ слушать господинъ капитанъ тамъ, гдѣ касается дѣло моей службы. Въ данномъ случаѣ я выбранъ товарищами и защищаю ихъ интересы. Другаго росписанія я составлять не буду; если это не можетъ быть утверждено, то предложите выбрать другаго артельщика.

— Хорошо, отвѣчалъ ошеломленный моей дерзостью капитанъ, я пропущу ваше росписаніе на первый разъ, но если будетъ передержка, то черезъ недѣлю будетъ на ваше мѣсто выбранъ другой.

Такимъ образомъ, наше съ Надсономъ росписаніе было объявлено въ приказѣ.

Необходимо было, во чтобы то ни стало, устроить такъ, чтобы не было передержки. Надсонъ былъ моимъ дѣятельнымъ помощникомъ.

Кухня состояла изъ нѣсколькихъ комнатъ и въ одной изъ нихъ было огорожено небольшое мѣсто, которое называлось конторой старшаго артельщика.

Въ этой конурѣ мы и поселились.

Надсонъ былъ моимъ постояннымъ гостемъ и только изрѣдка ходилъ въ классъ, когда читалъ лекціи кто-нибудь, изъ его любимыхъ преподавателей.

Недѣля прошла безъ передержки. Пришлось ротному командиру утверждать наши росписанія и на будущее время. Дѣло шло хорошо и всѣ были довольны.

Пробыли мы съ Надсономъ на кухнѣ три мѣсяца, пока завѣдываніе кухней не перешло къ другому ротному командиру. Хотя по истеченіи мѣсяца по правиламъ мы могли отказаться отъ артельничества, такъ какъ каждый мѣсяцъ бывали новые выборы, но, будучи постоянно выбираемы, мы не отказывались, потому что на кухнѣ въ своей конторѣ намъ было очень хорошо.

Надсонъ постоянно ѣлъ бифштексы, очень мало прожаренные, и пилъ молоко. Это отступленіе отъ правилъ я дѣлалъ съ общаго согласія товарищей, которые позволили мнѣ, какъ въ шутку выражались, „вогнать поэта въ тѣло“. Но не въ коня былъ кормъ. Надсонъ былъ бодрый, но не выглядѣлъ толще.

Изъ младшихъ артельщиковъ 3-ей роты былъ М. А. Россійскій. Здѣсь-то на кухнѣ Надсонъ впервые сошелся съ Россійскимъ. Здѣсь они вмѣстѣ переводили Гете. Вообще, кухонная контора была свидѣтельницей многихъ произведеній Надсона. Тамъ-же было написано юморическое произведеніе, увѣковѣчившее за нашимъ ротнымъ командиромъ прозвище „передержки“.

Была и обратная сторона медали—мы отстали отъ классныхъ занятій, но и эту бѣду мы старались поправить, просматривая лекціи по тетрадкамъ товарищей въ послѣобѣденное время.

Такъ прошло время до экзаменовъ.

Экзамены прошли благополучно; сставлялись только практическія работы на полѣ; они заключались въ съемкахъ мѣстности и въ рѣшеніи тактическихъ задачъ. Этими работами мы занимались подъ наблюденіемъ своихъ преподавателей.

Рѣшеніе тактическихъ задачъ занимало 2—3 дня и было скучно; надо было работать серьезно и въ присутствіи преподавателя. За то время съемокъ было чуть-ли не самое веселое время всего нашего пребыванія въ училищѣ. Одну съемку мы дѣлали сообща всѣмъ классомъ и подъ наблюденіемъ офицера—это была пробная съемка, а затѣмъ намъ назначались въ окрестностяхъ лагеря разные участки и каждый работалъ самостоятельно. Не возбранялось просить тотъ или другой участокъ и просьба эта почти всегда уважалась.

Мнѣ былъ назначенъ для съемки склонъ горы Дудергофъ, обращенный къ озеру.

Надсонъ выпросилъ себѣ участокъ рядомъ со мной и получилъ расположенную у горы деревню Кавилахты.

Обѣ съемки были сдѣланы мной, а Надсонъ почти все время провелъ на Дудергофѣ. Было время переселенія столичныхъ жителей на дачи. Какъ извѣстно, на Дудергофѣ масса очень красивыхъ дачъ; не обходилось безъ того, чтобы красивая дача не имѣла и красивыхъ обитательницъ и какъ только Надсонъ такую встрѣчалъ, то заводилъ съ нею знакомство.

Предлогъ былъ всегда одинъ и тотъ-же: просьба осмотрѣть снаружи и измѣрить дачу для нанесенія ея на планъ. Хотя обитатели дачъ хорошо знали, что эти просьбы только предлогъ для знакомства, но, по большей части, очень охотно ихъ заводили и часто такъ оригинально начатыя знакомства продолжались все лѣто.

Надъ Надсономъ подсмѣивались, что онъ на дачахъ выискиваетъ сюжеты для своихъ твореній.

Нѣкоторые удивлялись, что С. Я. находитъ удовольствіе проводить время съ прекраснымъ поломъ.

У насъ, почему-то, считали Надсона безнадежно влюбленнымъ и потому разочарованнымъ въ женщинахъ. Я никогда не

заговаривалъ на эту тему, самъ Надсонъ тоже объ этомъ мнѣ не говорилъ, и потому ничего положительнаго по этому поводу сказать не могу.

„Нѣтъ дыму безъ огня“, говоритъ, пословица, и я думаю, что что-нибудь да было въ этомъ родѣ.

Слухъ шелъ отъ товарищей Надсона по корпусу и иногда приходилось замѣчать, что С. Я., будучи какъ казалось въ очень хорошемъ расположеніи духа, становился грустенъ, когда рѣчь заходила о семейной жизни и ея радостяхъ. Чему нужно было приписать эти приступы грусти, безнадежной-ли любви или грустному семейному положенію самого поэта — трудно было сказать и тѣмъ болѣе рѣшить.

Надсонъ очень любилъ природу и время, проведенное имъ на Дудергофѣ, онъ раздѣлилъ на два періода.

— Иногда я жилъ среди людей, но больше времени проводилъ съ природой — она много много выше людей; въ ней нѣтъ лжи, нѣтъ пороковъ — она и ласкать умѣетъ лучше людей.

И, дѣйствительно, случалось, что я заставлялъ Надсона забравшимся куда-нибудь въ глубь лѣса. Лежить поэтъ на спинѣ, подложивъ руки подъ голову, и смотреть на клочки неба, просвѣчивающіе чрезъ густую листву Дудергофскаго лѣса.

— Иди сюда, послушай какъ поютъ птички и какъ вѣтерокъ перешептывается съ листьями деревьевъ. Такъ бы, кажется, и лежалъ тутъ всю жизнь. И слова С. Я. сопровождались глубокимъ вздохомъ.

Особенно любилъ Надсонъ одно мѣсто на Дудергофѣ, гдѣ изъ горы билъ ключъ холодной и чистой воды. Мѣсто было глухое и очень красивое. Къ роднику тогда еще не было проведено дорожекъ, не всѣ знали этотъ ключъ и потому тамъ можно было сидѣть, рассчитывая на то, что никто тебя не потревожитъ.

Любилъ Надсонъ и воду. Лагерь нашъ былъ расположенъ на берегу Дудергофскаго озера. Часть берега принадлежала намъ. На этомъ берегу была устроена училищная купальня, къ которой была привязана лодка „Ласточка“. Ласточка была собственностью нашего командира капитана О... .. и была отдана подъ мое наблюденіе. У меня хранился ключъ отъ замка, которымъ примыкалась лодка, и на меня же была возложена обязанность подобрать экипажъ для Ласточки. Подборъ экипажа оказался удаченъ. Насъ было 5 человекъ одинаково хорошихъ гребцовъ. Одинъ изъ насъ садился на руль, а четверо гребло. Когда ѣздили съ нами капитанъ О., то онъ былъ рулевымъ, а одинъ изъ насъ запаснымъ гребцомъ. Лодка ходила и подъ парусами, что было не совсѣмъ безопасно, ибо Ласточка была очень узка — скорѣй ее можно было назвать полугичкой,

чѣмъ лодкой, но это, всетаки, не мѣшало намъ ѣздить и подъ парусами, такъ какъ всѣ мы были хорошими пловцами и не боялись опрокинуться.

Для упражненія и навыка дружно грести намъ было позволено пользоваться лодкой во все свободное отъ занятій время и мы широко пользовались этимъ разрѣшеніемъ.

Я упросилъ капитана О—а принять Надсона юнгой въ нашъ экипажъ.

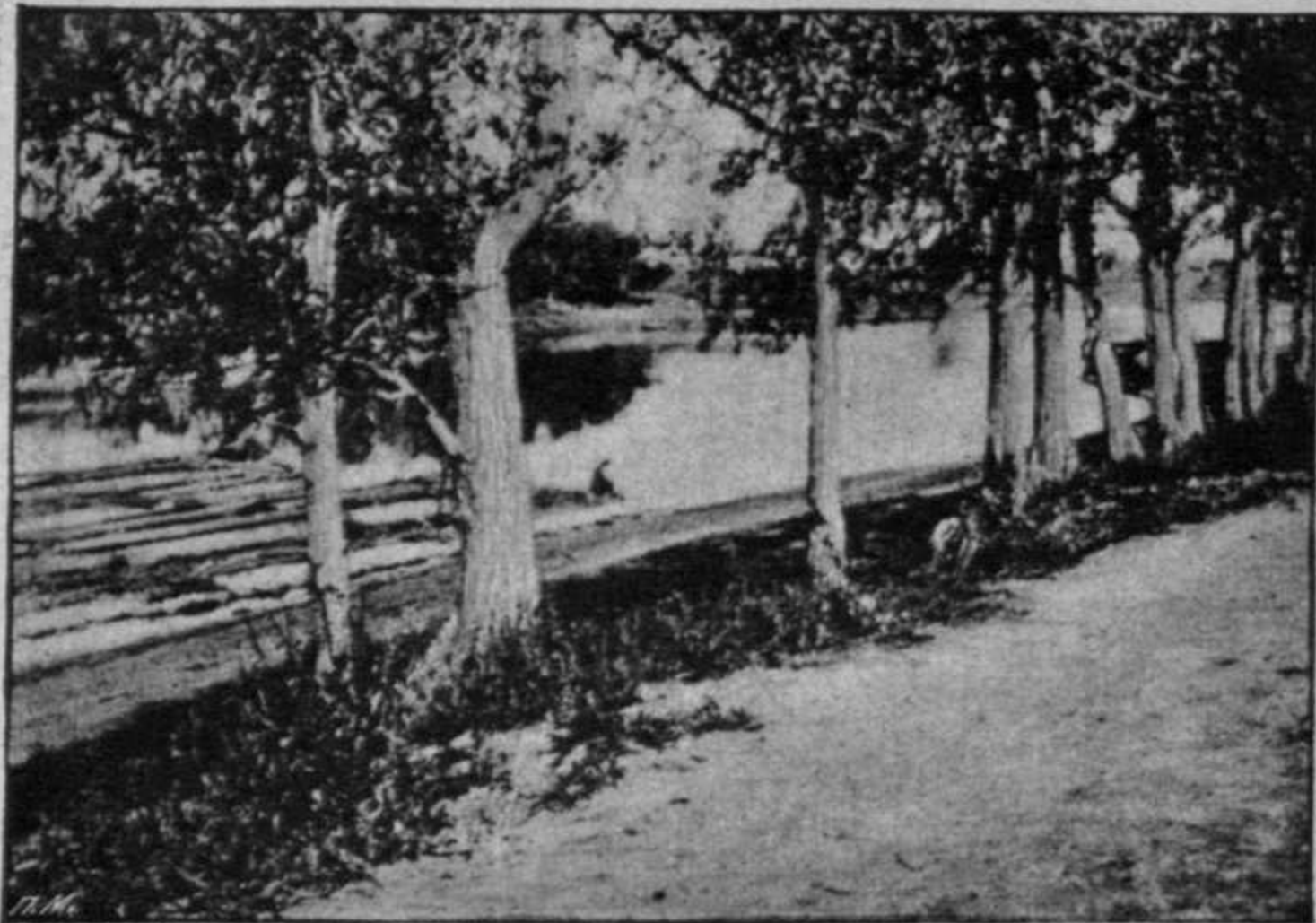
Любя С. Я., О—въ тотчасъ согласился и поэтъ былъ зачисленъ въ экипажъ Ласточки; его обязанность была сидѣть на носу и предупредить объ опасности и близости берега—это было необходимо при ходѣ подъ парусами, ибо за парусами не было видно, что дѣлается впереди, и можно было наскочить на какую-нибудь лодку, которыхъ на озерѣ было много.

Надсонъ былъ хорошій пловецъ и воды не боялся.

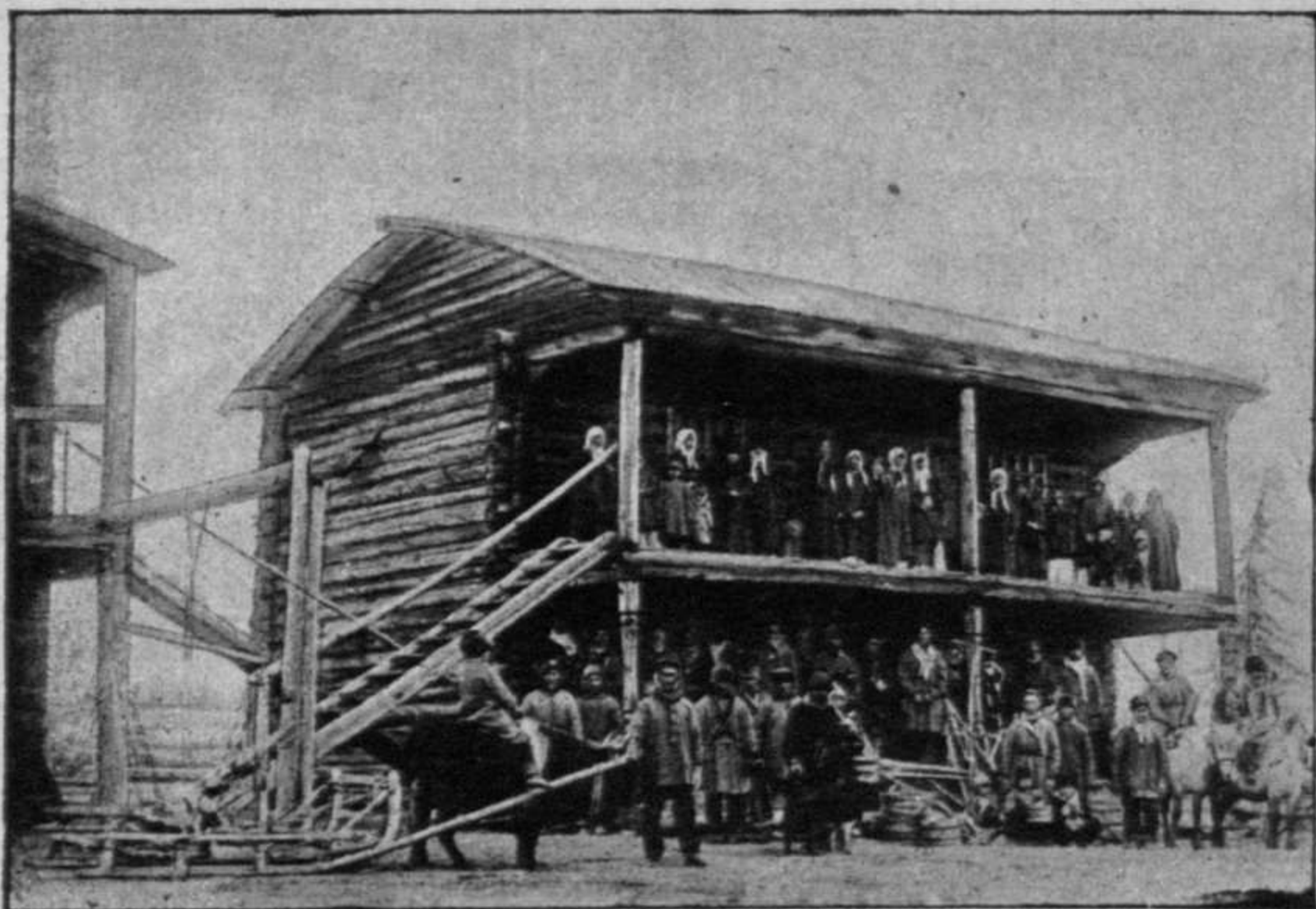
Однажды у насъ были саперныя работы. Рыли мы на берегу озера, подъ наблюдениемъ сапернаго офицера, разные земляныя укрѣпленія. Поглядѣть пришелъ на работы капитанъ О—въ. На озерѣ былъ боковой вѣтеръ, такъ что ѣздить подъ парусами, вдоль озера, было одинаково удобно въ оба конца. Не утерпѣлъ О—въ и, подозвавъ меня, велѣлъ передать экипажу, чтобы незамѣтнымъ образомъ удрали съ работъ и собрались у купальни. Сказано—сдѣлано. Черезъ 10 минутъ Ласточка летѣла на всѣхъ парусахъ, прыгая съ волны на волну и накрываясь такъ, что чуть не захватывала бортомъ воду. Вѣтеръ оказался силенъ для нашего маленькаго судна и мы должны были всѣ сѣсть на подвѣтренную сторону, чтобы, по возможности, сохранить равновѣсіе. Но вотъ, на поворотѣ, рванулъ вѣтеръ и мачта сломалась у основанія. Парусъ упалъ въ воду. Съ берега казалось, какъ намъ потомъ рассказывали, что лодка перевернулась, ибо волны подымались выше лодки: ее по временамъ, стоящимъ на берегу, не было видно и вдругъ исчезаетъ и парусъ, ну, значитъ, перевернулась Ласточка. На берегу смятеніе—хотятъ ѣхать на помощь, но чрезъ мгновеніе Ласточка опять на виду, хотя безъ паруса; ее увидѣли и успокоились. Мы же, злополучные моряки, собравъ мокрый парусъ, на веслахъ пришли къ берегу.

Надсонъ потомъ признавался, что во время этой прогулки трусилъ, что сердце ушло у него въ пятки и онъ хотѣлъ снимать сапоги, чтобы въ случаѣ крушенія легче плыть и что не сдѣлалъ этого только потому, что боялся насмѣшки. Въ утѣшеніе поэта и я признался, что тоже не особенно охотно подвергся бы ваннѣ.

Берега озера, особенно со стороны Дудергофа, заросли густымъ и высокимъ камышемъ. Мѣстами камышъ оставлялъ свободные и извилистые проходы.

Г. Омскъ. Берегъ р. Оми.
(Le bord de la rivière Omi. dans la ville d'Omsk).

Якуты на праздниѣ у своего таіона (головы).
(Iakoutes invités à une fête chez leur maire).

Забравшись въ эти закоулки, лодка скрывалась отъ любопытныхъ взоровъ.

Много разъ втроемъ, Надсонъ, Россійскій и я, забирались на лодкѣ въ самыя укромныя мѣста. Я читалъ какую-нибудь книгу, а Надсонъ съ Россійскимъ, обыкновенно, что-нибудь вмѣстѣ переводили или читали другъ другу, кто что написалъ.

Случалось, что приставъ къ противоположному берегу, мы шли на Дудергофъ гулять. Утомившись, мы отправлялись въ какую-нибудь ближайшую деревню къ чухнамъ пить молоко.

Освѣженные прекраснымъ холоднымъ молокомъ, мы тѣмъ же путемъ отправлялись домой.

Лагерная жизнь значительно отличалась отъ городской нашей жизни. Здѣсь по окончаніи съежекъ мы забывали о существованіи учебниковъ и начиналось наше строевое образованіе: безпрестанныя ученія, парады, смотры, стрѣльба, караулы, маневры и пр. и пр. Требованія начальства были строги и улизнуть отъ занятій было трудно.

На время лагеря оба Петербургскія военныя училища—Павловское и Константиновское—составляли одинъ сводный баталіонъ и высшее начальство было общее. Если одно лѣто своднымъ баталіономъ командовалъ нашъ баталіонный командиръ, то изъ начальниковъ училищъ ѣздилъ въ лагерь начальникъ Константиновскаго училища. Другое лѣто начальство мѣнялось—былъ нашъ начальникъ училища и баталіонный командиръ Константиновскаго.

Въ это лѣто была очередь нашего баталіоннаго полковника Р—а и начальникъ Константиновскаго училища генералъ Ш—ъ.

II. Ивановъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Кузнецкій Алатау.

(Физико-географическій обзоръ, — см. кн. 5—7 и 9—10 т. г.).

Болѣе или менѣе полной картины геологическаго строенія Кондомо-Мрассо-Лебедскаго района мы не имѣемъ ¹⁾ и можемъ привести только слѣдующія данныя, имѣющіяся у Реутовскаго въ его книгѣ „Золотопр. районъ Томск. горн. округа“, относящіяся только къ мѣстностямъ, гдѣ расположены золотыя прииска.

¹⁾ Нынѣ, лѣтомъ 1901 года, мѣстность эту изслѣдовалъ геологъ Томскаго университета проф. Зайцевъ, результаты его поѣздки еще не опубликованы. Ранѣе, въ 80-хъ годахъ, детально изучалъ этотъ районъ Гельмгакеръ, но подробныхъ результатовъ своего труда, насколько намъ извѣстно, не опубликовалъ за исключеніемъ нѣсколькихъ статей въ заграничныхъ изданіяхъ. Извлеченіе изъ этихъ статей см. „Вѣст. Зол.“ 1892 г. № 15.

„Пріисковый районъ двухъ большихъ рѣкъ Кондомы и Мрассы отличается, какъ и слѣдовало ожидать, сложнымъ геологическимъ строеніемъ. Здѣсь, кромѣ осадочныхъ породъ, такихъ, какъ известняки, кремнистые сланцы, кварцитъ, песчаники и проч., цѣлая группа породъ осадочныхъ метаморфическихъ, какъ глинисто-слюдяные сланцы, доломиты и др. Въ этихъ, самаго разнообразнаго вида, породахъ легко прослѣдить всѣ виды метаморфизаціи, начиная съ образованія слюды, роговой обманки, хлорита, продолжая нахожденіемъ въ породѣ вкрапленостей и зеренъ кварца, включеніемъ металлическихъ примѣсей (сѣрн., магн. и мышьяк. колчедана) и оканчивая образованіемъ трещинъ и самихъ кварцевыхъ жилъ, нерѣдко также съ выдѣленіемъ сѣрнаго, мѣднаго и другихъ колчедановъ, заключающихъ въ себѣ серебро и золото“.¹⁾

„Здѣсь розсыпи расположены вблизи границъ соприкосновенія массивныхъ породъ съ метаморфическими осадочными“²⁾.

Для части теченія Абакана отъ устья М. Абакана до границъ Алтайскаго гор. округа мы имѣемъ геологическую карту, составленную Реутовскимъ, и описаніе въ его книгѣ „Поиски на золото“ (Томскъ, 1894 года). Мы видимъ, что правый берегъ Абакана въ области золотыхъ пріисковъ, по системамъ Кызасовъ, нижнихъ притоковъ Аны и Карасибы (лѣвый притокъ Чахана, который впадаетъ слѣва въ Джебанъ) состоитъ изъ массивныхъ и слоисто-кристаллическихъ породъ, тогда какъ на лѣвомъ появляются и осадочныя образованія. Эти осадочныя образованія въ видѣ краснаго песчаника (отнесеннаго Реутовскимъ предположительно къ девонской системѣ) появляются на лѣвомъ берегу Абакана по рѣкамъ Казасъ, Тозасъ и Ада; затѣмъ, постепенно отдаляются отъ теченія этой рѣки и уходятъ къ сѣверо—востоку, занимая все болѣе и болѣе широкое пространство по среднему теченію Матура, Таптыпа и верхнему Теи. Красный глинистый сланецъ и песчаникъ, вообще, характеренъ для восточнаго склона Алатау; онъ распространенъ по Абакану, Юсамъ, а также по Енисею; сѣверную границу его составляетъ р. Урюпъ³⁾. Теченіе Абакана съ лѣваго берега послѣ того, какъ отъ него отошелъ красный песчаникъ, сопровождается главнымъ образомъ метаморфическими сланцами.

На правомъ берегу основною породой служитъ гранититъ, который можно наблюдать по восточную сторону Шамана въ почвѣ Прокопьевскаго пріиска (Молодыхъ и К⁰, по рч. Безы-

¹⁾ Золотовос. районъ, стр. 28.

²⁾ Тамъ-же. См также стр. 25—30, также вышеупом. извлеченія изъ статьи Гельмгакера и Крупскаго.—Мѣстор. жел. руды въ бассейнѣ Тельбеса. Вѣс. Зол. 1899 г. № 22.

³⁾ Дополн. къ Риттеру, 848 стр

мянкѣ, текущей въ Б. Анзасѣ—лѣвый притокъ Аны), отсюда къ Шаману эта порода переходитъ въ слюдяно-роговообманковый гнейсъ и въ порфиroidъ, слагающій центральную часть Шамана, далѣе внизъ по теченію р. Кызаса слѣдуютъ видоизмѣненія того-же порфиroidа, принимающаго, наконецъ, такой видъ, что, взявъ его отдѣльно, не прослѣдивъ всѣ степени измѣненія, можно принять его за глинистый сланецъ¹⁾. Еще ниже по теченію Кызаса залегаетъ діоритъ и, наконецъ, известнякъ. Порода, непосредственно прилегающія къ правому берегу Абакана, неизвѣстны. По теченію Аны (въ районѣ золотыхъ приисковъ) залегаютъ метаморфическіе сланцы, составляющіе главную породу по теченію лѣвыхъ золотоносныхъ притоковъ, прерываясь только узкой полосой гранитовъ и порфировъ ближе къ теченію Аны. Правые притоки Аны протекаютъ по этимъ послѣднимъ породамъ (т. е. гранитамъ и порфирамъ), а въ вершинахъ по известнякамъ. На этихъ притокахъ нѣтъ приисковъ. За переваломъ, т. е. въ области лѣвыхъ притоковъ Кара-сибы, опять начинаются метаморфическіе сланцы и опять существуютъ золотыя розсыпи. Такимъ образомъ, и здѣсь мы видимъ, что золото приурочено къ областямъ сильныхъ метаморфизаций, чѣмъ въ особенности отличается долина Кызаса.

Алатау весь покрытъ лѣсами. Это, преимущественно, типичная тайга, состоящая изъ лихтъ, кедровъ, елей, частью лиственныхъ деревьевъ. Сосны на Алатау мало, лиственницы—тоже. Преобладаніе пихты придаетъ лѣсу темный видъ и поэтому южныя части хребта, а также Салаирскій кряжъ, покрытые этимъ темнымъ чернымъ лѣсомъ, носятъ у жителей названіе „Черни“, тогда какъ Алтай называется „камнемъ“. Поэтому-то на Алатау сохранилось еще много звѣря и инородцы „промышляютъ“ его. Но съ каждымъ годомъ лѣса на Алатау уменьшаются. Съ самаго начала золотопромышленности лѣсъ вырубался на надобности приисковаго дѣла: жилия помѣщенія, машины, мосты для возки золотосодержащихъ песковъ, амбары и, наконецъ, дрова—все это поглощало массу лѣса, а кромѣ того—почти постоянно приходится „чистить площадь“ т. е. мѣсто залеганія золотоносныхъ песковъ для проведенія выработки. А затѣмъ—много поработалъ надъ уничтоженіемъ тайги огонь. Тайгу часто жгли нарочно, чтобы сдѣлать удобопроходимыми непролазно-грязныя дороги въ лѣсу. И, дѣйствительно, тамъ, гдѣ было болото, становилось сухо съ уничтоженіемъ лѣса. Но что за печальную картину представляютъ теперь горѣлые лѣса. Громадные

¹⁾ Реутовскій, Поиски на золото, стр. 53.

стволы вѣковыхъ деревьевъ, умерщвленныхъ пожаромъ, часто встрѣчаются на громадныхъ пространствахъ. Жалко смотрѣть на этихъ великолѣпныхъ погибшихъ гигантовъ, лишенныхъ коры и бѣлыхъ какъ свѣча, высоко вздымающихся изъ буйной алатаусской травы и какъ бы простирающихъ къ небу свои обнаженные руки. Часто тайга загорается отъ незагашеннаго промышленникомъ или путникомъ костра, часто причиною воспламененія служатъ „палы“, пускаемые весною для уничтоженія прошлогодней сухой травы. Въ „Черни“ черневые татары, переходя постепенно отъ звѣроловаго промысла къ земледѣлю, уже не такъ дорожатъ лѣсомъ, а съ другой стороны и самый процессъ исчезновенія лѣсовъ и звѣря заставляеть ихъ переходить къ земледѣльческой культурѣ.

О непроходимости „Черни“ въ прежнее время свидѣтельствуєтъ тотъ фактъ, что въ 1764 году, когда былъ поднятъ вопросъ объ укрѣпленіи пограничныхъ мѣстностей между р. Біей и Енисеемъ, инженеръ Козьминъ составилъ топографическое описаніе этого промежутка и удостовѣрилъ о безполезности укрѣпленій, потому что, по словамъ Словцова, „твердыни Алтая и Сабина, какъ и непроходимые ихъ лѣса, служатъ естественными укрѣпленіями края“ ¹⁾ Вотъ это интересное описаніе у Словцова: „Отъ ф. Новиковскаго до ос. Саянскаго на Енисеѣ стоящаго, нашлось по измѣренію 417 веръ Кое гдѣ живутъ ясачные татары, какъ въ дикой пустынѣ. Отъ Біи толпятся то горы высокія и крутыя, то сплошные лѣса до р. Узасу, ²⁾ далѣе лѣсъ рѣдѣетъ, поверхность земли становится ровнѣе и за р. Нанупою ³⁾ къ самому Енисею образуется сухая бесплодная степь. Множество ручьевъ, рѣчекъ и ключей, текущихъ съ горъ на сѣверъ, разрѣзываютъ эту площадь и, орошая густыя чащи, производятъ грязи, есть и болота небольшія. Почва, наводняемая протоками, способна для плодородія, есть и луга, которые можно умножить расчисткою. Лѣсъ: пихта, кедръ, береза, осина, ветла и за р. Пызасомъ, тополь и лиственница. Въ водахъ таймени, харіусы, кускучи, щуки, окуни, чебаки, пескозобы, но сига и язи только въ Таштыкѣ и Абаканѣ. Страна сія, въ стратегическомъ отношеніи не представляетъ надобности въ устройствѣ линіи по границѣ“. ⁴⁾

Алатау и Салаирскій кряжъ въ фитогеографическомъ отношеніи составляютъ одно цѣлое съ сѣверомъ Томской губерніи — Нарымскимъ краемъ, представляя формацію пихтово-еловыхъ лѣсовъ, составляющую членъ фаціи хвойнаго лѣса, въ составъ которой

¹⁾ Словцовъ. Исторія Сибири. т. II. стр. 66.

²⁾ Правый притокъ Мрассы, въ верховьяхъ.

³⁾ Можетъ быть Ненею. Неня, Ниня или Нань — притокъ Уйбата.

⁴⁾ Словцовъ. Исторія Сибири, т. II, стр. 66.

кромѣ нихъ входитъ еще формація сосновыхъ лѣсовъ и формація торфяно-болотной растительности. ¹⁾ Боровъ, какъ было уже сказано, на Алатау почти нѣтъ, но торфяныя болота встрѣчаются, хотя они есть преимущественно достояніе сѣверныхъ частей района этой формаціи, на Алатау же ей сопутствуютъ большею частью формаціи лугового типа, именно тѣ, которыя Крыловъ называетъ *таежными преріями*, т. е. высокотравныя заросли, которыя тѣмъ болѣе распространяются, чѣмъ менѣе остается тайги; эти преріи и береза и осина идутъ на смѣну тайгѣ, когда она погибаетъ, хотя по словамъ Крылова не надолго, потому что „береза и осина имѣютъ больше шансовъ быстрѣе овладѣвать новой территоріей, благодаря летучести сѣмянъ и быстротѣ роста; но недолговѣчность этихъ породъ не даетъ имъ возможности закрѣпить за собой захваченную территорию и современемъ онѣ снова вытѣсняются, хотя и медленно-растущими, но зато и болѣе долговѣчными и болѣе устойчивыми, хвойными породами. Такимъ образомъ, между тѣми и другими существуетъ какъ бы постоянный антагонизмъ“. ²⁾

Вездѣ, гдѣ сохранилась первобытная тайга, видъ горъ оправдываетъ мѣткое названіе „Чернь“. Одѣтыя остроконечными пихтами, горы имѣютъ совсѣмъ черный видъ, но полный какой-то дикой красоты и суроваго величія. Въ лѣтнее время верховая тропка, идущая по этому лѣсу, такъ стѣснена съ обѣихъ сторонъ стѣной стоящими деревьями, что только небо видать вверху, и гдѣ бы вы ни были въ глубокой-ли долині или на вершинѣ выскаго „разлома“, ³⁾ вы не полюбуетесь широкими горизонтами: тайга ревниво таитъ отъ васъ свои панорамы, только изрѣдка гдѣ-нибудь на прогалинкѣ на крутомъ спускѣ взоръ вашъ вырвется изъ тѣсной клѣтки на широкій просторъ и увидитъ безконечный рядъ переплетающихся линій горъ, то покрытыхъ щетиной своихъ лѣсовъ и похожихъ на оцетинившихся звѣрей, то освобожденныхъ отъ этихъ лѣсовъ огнемъ или топоромъ, то несущихъ на себѣ дикія скалы, а то устремляющихся въ высь и достигающихъ тѣхъ предѣловъ, гдѣ жизнь влачитъ жалкое существованіе или еще выше—гдѣ и вовсе нѣтъ жизни и начинается царство холоднаго и чистаго снѣга. Но на этой границѣ Алатау останавливается, вершины его не дерзаютъ подыматься выше, или, лучше сказать, всесильное время изгнало ихъ изъ этого царства водою, снѣгомъ, вѣтромъ, сточивши ихъ острые края и скалистые выступы и осыпавши ихъ собствен-

¹⁾ См. статьи Крылова въ сборникѣ „Науч. очерки Томск. края“: „Раст. Том. губ.“ и „Тайга съ ест.-ист. точки зрѣнія“

²⁾ Крыловъ „Растит. Томск. губ.“ стр. 17.

³⁾ Разломомъ называются высокіе перевалы, черезъ горы „разламывающіе“ дорогу на двѣ половины—подъемъ и спускъ.

ными-же обломками, округливши ихъ очертанія. Срѣзанныя и округленные вершины, осыпи съ пятнами снѣга — вотъ характерная форма алатаусскихъ гольцевъ. Въ древнее время, быть можетъ, это были болѣе могущественные колоссы, чѣмъ теперь, но теперь они, какъ старики, „растутъ въ землю“. — Темно и сыро даже въ лѣтній день въ глухой тайгѣ и царить въ ней глубокая тишина. Птицъ мало въ этомъ угрюмомъ царствѣ; изрѣдка прохлопаетъ крыльями рябчикъ, заунывно прокричитъ желна, да долбитъ въ лѣсу крѣпкимъ носомъ дятель; таинственную прелесть имѣетъ гулко звучащій въ тайгѣ голосъ кукушки. Пихты, висячія вѣтви которыхъ начинаются чуть не отъ земли, смѣняются иногда могучими, крѣпкими кедрами, осыпанными шишками въ урожайный годъ, иногда осинникомъ, состоящимъ изъ могучихъ деревьевъ, уносящихъ свои короны на громадную высоту; стволы этихъ осинъ прямы и бѣлы какъ свѣчка. Внизу у ногъ большихъ деревьевъ растутъ черемуха, рябина, калина, на скалистыхъ склонахъ лѣпится таволожникъ и ягодные кусты: малина, смородина. На прогалинахъ и въ долинахъ рѣкъ растетъ громадная трава — сочная, пышная и поражающая своими размѣрами — „таежныя преріи“. Въ этой травѣ невидны лошади, а нѣкоторыя растенія выше и всадника, сидящаго на ней.

„Я не могъ довольно надивиться, говоритъ Щуровскій, описывая свою поѣздку по правымъ притокамъ Томи, роскошной растительной дѣятельности: *Conium*, *Aconitum* и др. выше человека, сидящаго на лошади; и все это достигло такого необыкновеннаго развитія въ полтора мѣсяца, отъ половины мая до іюля! Здѣшняя флора, подобно другимъ своимъ сѣвернымъ сестрамъ, до того торопится развитіемъ, что, кажется, видишь, слышишь и осязаешь, какъ она растетъ“¹⁾.

Проѣзжая долиной рѣки, чистой, холодной и шумливой, вы видите то густой лѣсъ, то луга, то сухія и каменистыя мѣста, то топкія и болотистыя. Около утеса разсыпаны камни, оторвавшіеся отъ него; въ густомъ лѣсу — непросыхающіе мочаги и болота — то моховыя, то кочковатыя. Все разнообразіе растительности — смѣна пихтовыхъ лѣсовъ лиственными и лугами — слѣдствіе дѣятельности человека, пришедшаго въ тайгу или за золотомъ или за другими продуктами природы. Теперь уже на чистыхъ мѣстахъ, на южныхъ склонахъ уваловъ часто встрѣтятся четырехугольные пашни. Звѣроловъ инородецъ все болѣе переходитъ къ земледѣлію, потому что тайги стало меньше и звѣря тоже. Долины большихъ рѣкъ: низовья Кондомы, Лебедь, Мрасса, верховья Томи, Кія все болѣе заселяются и тайга

¹⁾ Щуровскій, Геолог. путеш. по Алтаю. Стр. 172—174.

еще ютится тамъ, куда человекъ не пришелъ: на вершинахъ горъ и хребтовъ, въ болѣе глухихъ отдаленныхъ и недоступныхъ углахъ и гдѣ еще не разыскали золота. Если безпощадное истребленіе тайги, съ одной стороны, подготавливаетъ землю подъ культуру хлѣбовъ, то, съ другой стороны, ведетъ къ измѣненію климатическихъ и почвенныхъ условій. Лѣса — питательные резервуары рѣкъ, конденсаторы атмосферной влаги — и что станетъ съ Томью, если они исчезнутъ на Алатау?

М. Самохваловъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Пятидесятилѣтіе Восточно-Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

(Очеркъ). ¹⁾

17 ноября исполнилось ровно *пятьдесятъ лѣтъ* со дня открытія Восточно-Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Пользуясь случаемъ, считаемъ долгомъ познакомить вкратцѣ нашихъ читателей съ полувѣковой дѣятельностью этого *перваго въ Сибири ученаго общества*, но прежде скажемъ нѣсколько словъ объ исторіи возникновенія самаго Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Отсутствіе Географическаго Общества ощущалось въ Россіи еще въ самомъ началѣ минувшаго столѣтія. Двадцатые и тридцатые годы дали богатый географическій матеріалъ, благодаря экспедиціямъ Литке и Врангеля на сѣверо-востокъ Сибири, пребыванію Рикорда на Камчаткѣ, кругосвѣтнымъ путешествіямъ русскихъ моряковъ, съемкамъ Берга, работамъ академика Бэра, геолога Гельмерсена и друг. Адмиралы Литке и Врангель и академикъ Бэръ, какъ наиболѣе видные дѣятели той географической эпохи, явились и инициаторами Географическаго Общества. Но осуществленіе идеи общества относится уже къ 40-мъ годамъ, когда академикъ Миддердофъ возвратился изъ своего

¹⁾ Матеріалами при составленіи настоящаго очерка послужили: „Очеркъ двадцати-пятилѣтней дѣятельности Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“, Иркутскъ, 1876 г., „Иркутскъ. Его мѣсто и значеніе въ исторіи и культурномъ развитіи Восточной Сибири“. Изд. В. П. Сукачева; „Старое время Сибирскаго Географическаго Отдѣла“, статья Вагина въ „Сибирскомъ Сборникѣ“, изд. „Восточнаго Обозрѣнія“, „Заняскіи“ и „Извѣстія“ отдѣла и мелкія газетныя статьи и замѣтки.

знаменитаго путешествія на Таймырскій полуостровъ, въ Якутскую область и Приамурскій край, откуда онъ вывезъ богатый матеріаль. На обѣдѣ, данномъ въ честь знаменитаго путешественника, рѣшено было приступать къ выработкѣ устава географическаго общества. Рѣшѣнъ за тѣмъ въ кабинетѣ великаго князя Константина Николаевича и на квартирѣ Литке происходилъ рядъ совѣщаній, въ которыхъ принимали участіе: Литке, Врангель, Бэръ, Струве, Гельмерсенъ, Рикордъ, Бергъ, Арсеньевъ, Вронченко, Кеппенъ, Даль, Левшинъ, Муравьевъ, Перовскій, Чихачевъ и др. Эти лица и были учредителями Русскаго Географическаго Общества. Въ началѣ мая 1845 г. выработка устава была закончена и уставъ былъ представленъ министру внутреннихъ дѣлъ для доклада Государю Императору. Адмиралъ Литке при этомъ представилъ и докладную записку.

„Общество учреждается,—говорилъ онъ въ этой запискѣ,—для собиранія и распространенія, какъ въ Россіи, такъ и за предѣлами оной, возможно полныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній о нашемъ отечествѣ: 1) въ отношеніи географическомъ, разумѣя подъ этимъ все, что принадлежитъ до землеописанія, мѣстности, физическихъ свойствъ природы и проч.; 2) въ отношеніи статистическомъ, понимая подъ этимъ словомъ не одинъ только подборъ бездушныхъ чиселъ, не одну количественную статистику, но и описательную или качественную, т. е. всѣ соизмѣримыя стихіи общественной жизни, и 3) въ отношеніи этнографическомъ, т. е. познаніе разныхъ племенъ, обитающихъ въ нынѣшнихъ предѣлахъ государства, со стороны физической, нравственной, общественной и языковѣдѣнія, какъ въ нынѣшнемъ, такъ и въ прежнемъ состояніи народовъ“...

6 августа 1845 г. временный уставъ общества былъ утвержденъ; изъ суммъ государственнаго казначейства ему была пожалована ежегодная субсидія въ 10.000 руб.; предсѣдателемъ общества съ Высочайшаго соизволенія былъ назначенъ великій князь Константинъ Николаевичъ. 19 сентября того-же года происходило первое засѣданіе русскаго географическаго общества, на которомъ были произведены первые выборы 53-хъ дѣйствительныхъ членовъ. 28-го декабря 1849 г. Русское Географическое Общество было наименовано Императорскимъ; въ этомъ-же году оно получило уставъ, управленіе и дѣленіе на отдѣленія: физической географіи, математической географіи, этнографіи и статистики.

Строительство Императорскаго Русскаго Географическаго Общества закончилось къ 1850 г. Въ виду того, что вся Россія того времени являлась новымъ міромъ, едва початыми научными изысканіями, географическое общество поставило своею цѣлью—изученіе необъятнаго пространства нашей родины, а такъ-

же сопредѣльныхъ съ нею странъ Азіи. Такимъ образомъ, географическое общество явилось продолжателемъ тѣхъ русскихъ, которые еще въ XVI вѣкѣ начали свои изслѣдованія по направленію на Востокъ. Само собою разумѣется, что огромный районъ, намѣченный обществомъ для изученія, могъ быть обстоятельно обслѣдованъ только при томъ условіи, если общество воспользуется научными силами, находящимися въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества. Географическое общество такъ и сдѣлало: оно рѣшило развить научную дѣятельность въ провинціи, чѣмъ внесло оживляющую струю въ захолустную жизнь окраинъ, въ томъ числѣ и Сибири.¹⁾

Сибирь, въ дѣлѣ изученія ея, во многомъ обязана ученымъ экспедиціямъ и экскурсіямъ, совершеннымъ въ разное время членами географическаго общества и на средства его. Чуть-ли не половина разнообразныхъ изданій общества посвящена именно сибиревѣдѣнію. Замѣчательно также, что значительная часть именъ, пользующихся почетною извѣстностью въ наукѣ, работали нѣкогда въ Сибири и содѣйствовали, а нѣкоторые и теперь продолжаютъ содѣйствовать всестороннему изученію нашей громадной окраины. Таковы имена П. П. Семенова, почтеннаго руководителя Географическаго общества, Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, Н. В. Пржевальскаго, Р. К. Маака, Гельмерсена, Венюкова, Полякова, Дыбовскаго, Годлевскаго, Чекановскаго, Шварца, Максимовича, Радде, Радлова (В. В.), Крапоткина, Федченка, Щуровскаго и мн. др.

Для привлеченія мѣстныхъ силъ къ научной работѣ, общество приступило къ открытію вспомогательныхъ отдѣловъ. Первымъ открытъ въ 1850 г. Кавказскій отдѣлъ, а, затѣмъ, въ слѣдующемъ году Сибирскій, переименованный, съ открытіемъ Западно-Сибирскаго отдѣла, въ Восточно-Сибирскій отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго общества. Къ краткому обзору его полувѣковой дѣятельности мы и приступимъ.

Учрежденію Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества предшествовало учрежденіе при главномъ управленіи Восточной Сибири, по предложенію министерства внутреннихъ дѣлъ, „Музея естественныхъ предметовъ.“ Распорядителемъ музея былъ избранъ инспекторъ иркутской губернской гимназіи В. И. Съдаковъ. Послѣдній ревностно взялся за дѣло: онъ составилъ руководства для собиранія, препарированія, хра-

¹⁾ См. Рѣчь, произнесенную И. И. Поповымъ въ Восточно-Сибирскомъ отдѣлѣ, по случаю 50-лѣтняго юбилея И. Р. Г. О., подъ заглавіемъ: „Географія и Императорское Русское Географическое Общество“. Сибирскій Сборникъ, изд. „Вост. Обзоръ.“

ненія и пересылки предметовъ, заготовлялъ всѣ нужные препараты и посуду, входилъ въ сношенія съ корреспондентами, отыскивая ихъ во всѣхъ углахъ Сибири. Плодомъ его усилій было созданіе музея, въ которомъ въ 1850 г. было уже собрано до 650 предметовъ по разнымъ отраслямъ естествознанія. Музей далъ значительный толчекъ къ развитію изслѣдованій нашей восточной окраины и способствовалъ вазникновенію идеи объ учрежденіи такого общества, при помощи котораго изслѣдованія эти могли бы быть болѣе обширными и разнообразными, такъ какъ музей, все таки, преслѣдовалъ сравнительно узкія, чисто, если можно такъ выразиться, музейныя цѣли. Въ осуществленіи этой идеи принялъ горячее участіе тогдашній генераль-губернаторъ Восточной Сибири Н. Н. Муравьевъ. Онъ остановился на мысли открыть въ Иркутскѣ филиальное отдѣленіе географическаго общества. 6 іюня 1851 года было утверждено „Положеніе о Сибирскомъ отдѣлѣ Императорскаго Русскаго Географическаго общества“. Побудительной причиной основанія этого отдѣла было сознаніе необходимости сосредоточить въ одномъ учрежденіи мѣстныя научныя силы и направить ихъ къ постоянной и правильной дѣятельности на мѣстѣ, чего не могли достигнуть экспедиціи, снаряжаемыя по мѣрѣ средствъ центрального управленія общества и не всегда соображенныя въ подробностяхъ съ мѣстными обстоятельствами.

17 ноября 1851 г., по приглашенію генераль-губернатора Муравьева и подъ его предсѣдательствомъ, происходило открытіе дѣйствій отдѣла. Предсѣдательствующимъ былъ избранъ К. К. Венцель, правителемъ дѣлъ Ю. И. Штубендорфъ.

„Для вновь основаннаго учрежденія, — говоритъ М. В. Загоскинъ въ своемъ „Очеркѣ двадцатипятилѣтней дѣятельности Сибирскаго отдѣла“, открывалось обширное поле дѣятельности. Было необходимо разработать программы будущихъ занятій отдѣла и его членовъ; завязались сношенія съ учеными обществами; было прислано множество статей географическаго содержанія. До 40 лицъ изъявили желаніе быть членами-сотрудниками и уже въ первый годъ существованія отдѣла явилась мысль объ изданіи печатнаго органа“...

Дѣятельность отдѣла съ самаго открытія распалась на три главные вида: снаряженіе экспедицій, отправку ученыхъ въ небольшія экскурсіи и кабинетную разработку научныхъ вопросовъ.

Первымъ солиднымъ ученымъ предпріятіемъ Сибирскаго отдѣла Географическаго Общества была *вилюйская экспедиція*, издержки по которой принялъ на себя членъ-соревнователь отдѣла Соловьевъ. Экспедиція эта представляла большой научный и практическій интересъ, такъ какъ вилюйскій край, изобилующій солью и цвѣтными камнями, до того времени почему-то

ускользалъ отъ изслѣдованій и оставался весьма малоизвѣстнымъ. Начальникомъ экспедиціи былъ назначенъ учитель Иркутской гимназіи Р. К. Маакъ, воспитанникъ Петербургскаго университета, натуралистъ по специальности. Экспедиція продолжалась ровно годъ — съ марта 1854 по мартъ 1855 года. Результатомъ этой экспедиціи явился обширный и превосходный трудъ: „Виллюйскаго округа, Якутской области“, изданный въ трехъ частяхъ, съ многочисленными рисунками, планами и таблицами. Сюда вошли: маршрутъ экспедиціи, рядъ отдѣльныхъ изслѣдованій климатическихъ явленій края, подробное описаніе поѣздокъ Макка до крайнихъ сѣверныхъ пунктовъ Виллюйскаго края, обширный матеріалъ для изученія естественно-историческихъ особенностей страны, ея флоры, фауны, геологіи и минералогіи. Третій томъ занятъ изслѣдованіями этнографическими, въ которыхъ говорится о бытѣ, промыслахъ, обычаяхъ, преданіяхъ туземнаго населенія. Тутъ-же помѣщены словари — якутскій и тунгусскій и примѣры мѣстныхъ особенностей русскаго языка у жителей Якутской области. Ко всему этому — чрезвычайно любопытное описаніе зимы крайняго сѣвера и тѣхъ невзгодъ, которыя пришлось перенести Мааку и его спутникамъ во время ихъ обратнаго пути.

Н. Г.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

СМѢСЬ.

Къ введенію казенной продажи питей.

(Продолженіе, — см. кн. 10 тек. года).

Въ западной же Сибири дѣйствовала откупная система на основаніяхъ, сходныхъ съ установленными въ Европейской Россіи. Трудно сказать, какая изъ двухъ системъ — акцизно-откупное комиссіонерство или контрагентство — была лучше. И здѣсь и тамъ злоупотребленія откупщиковъ дошли до невѣроятныхъ размѣровъ; притомъ злоупотребленія эти были таковы, что они наносили вредъ не столько фискальнымъ интересамъ правительства (питейный сборъ возрасталъ изъ года въ годъ и ко времени введенія акцизной системы достигъ въ Сибири 5.966,7 тысячъ рублей въ годъ), сколько его престижу и экономическому благосостоянію низшихъ классовъ населенія. Администрація, начиная губернаторами и кончая писцами питейнаго отдѣленія, получала отъ откупщиковъ опредѣленную мзду и по-

тому, естественно, мирволила имъ и стояла за ихъ интересы. Поэтому бороться съ откупами, не уничтоживъ ихъ окончательно, не представлялось никакой возможности, какъ это и показали неудачныя попытки правительства улучшить ихъ въ томъ или другомъ отношеніи. Но самая печальная старина откупной системы состояла въ томъ, что „правительство, вынужденное заботиться о поддержаніи питейнаго дохода отъ возможнаго паденія, было поставлено въ необходимость относиться къ откупщикамъ не только снисходительно, но даже и оказывать нѣкоторое противодѣйствіе стремленію народа къ отрезвленію“ *).

Правительствомъ сознавался вредъ, приносимый откупной системой, и по Высочайшему повелѣнію въ 1859 году при министерствѣ финансовъ организованъ былъ особый комитетъ для разсмотрѣнія вопроса, „на какихъ началахъ долженъ быть установленъ питейный сборъ и для начертанія той системы сего сбора, которая окажется удобопримѣнимою къ государству“. Комитетъ остановился на мысли о введеніи акцизной системы. Мысль эта не нова, она возникла при графѣ Гурьевѣ, который высказывался еще въ 1817 году за введеніе акцизной системы, но находилъ ее въ то время преждевременной. Черезъ десять лѣтъ опять раздавались голоса за введеніе акциза, но преемникъ Гурьева графъ Канкринъ отнесся къ этой идеѣ несочувственно, полагая, что независимо отъ обременительности акцизовъ и крайней непопулярности способовъ ихъ изысканія, они неизбежно должны повести къ монополіи, *если преслѣдовать цѣль увеличенія государственныхъ доходовъ*.

Установленная въ 1863 году, акцизная система покоилась на слѣдующихъ принципахъ: свобода производства крѣпкихъ напитковъ, свобода торговли ими, извлеченіе казной дохода посредствомъ обложенія выкуренаго спирта (акцизъ) и посредствомъ обложенія мѣстъ продажи спиртныхъ напитковъ, и правительственный надзоръ какъ за производствомъ, такъ и за торговлей въ интересахъ главнымъ образомъ фискальныхъ.

Свобода производства крѣпкихъ напитковъ повлекла за собою уменьшеніе количества винокуренныхъ заводовъ и концентрированіе производства въ большихъ размѣрахъ въ рукахъ отдѣльныхъ владѣльцевъ. Явленіе это наблюдалось почти во всѣхъ губерніяхъ Европейской Россіи, но не коснулось Сибири, вѣроятно, вслѣдствіе того, что мелкихъ заводовъ, удовлетворявшихъ только мѣстнымъ требованіямъ, въ Сибири не было. Число винокуренныхъ заводовъ въ Сибири въ 1866—1870 г.г. было 45 съ ежегоднымъ производствомъ въ 2.551 тыс. ведеръ выкурки 40-градусной водки. въ 1899 году число заводовъ было 50 и вы-

*) „Казенная продажа питей“, под гл. упр. неокл. сб. и каз прод. питей, при-
бавленія, стр. 44.

куривалось на нихъ 4.227 тыс. ведеръ водки крѣпостью 40°. Такимъ образомъ, число заводовъ въ Сибири не только не уменьшилось, но увеличилось, что объясняется громаднымъ приростомъ населенія за этотъ періодъ времени.

Громадное вліяніе оказала акцизная система на народную нравственность. При обсужденіи проекта введенія акцизной системы правительство руководилось мыслью о благотѣльности конкуренціи въ винной торговлѣ и удешевленіемъ напитковъ надѣялось достигнуть равномернаго и умѣреннаго ихъ потребленія. Вслѣдствіе этого акцизъ былъ назначенъ чрезвычайно умѣренный (4 к. съ градуса), а патентный сборъ былъ даже больше чѣмъ умѣренный. Въ деревняхъ и во многихъ уѣздныхъ городахъ патентъ на открытіе кабака стоилъ только 15 руб. Кромѣ того, разрѣшено было производить выносную торговлю всѣмъ фруктовымъ и мелочнымъ лавкамъ. Благодаря уничтоженію откуповъ, водка подешевѣла вдвое, а мѣстами даже втрое, такъ что для народонаселенія уничтожены были всѣ преграды къ злоупотребленію спиртными напитками: естественно, что это обстоятельство, въ связи съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, повело за собой чрезмѣрное развитіе пьянства. По изслѣдованіямъ А. Е. Рейнбота *) количество смертей отъ злоупотребленія алкоголемъ возросло съ 1860 до 1870 года на 50—656⁰/₀, и это обстоятельство г. Рейнботъ ставитъ въ зависимость отъ уменьшенія налоговъ и удешевленія спиртныхъ напитковъ. Положеніе его вполне подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что по мѣрѣ увеличенія акциза и патентнаго сбора число смертей отъ пьянства уменьшалось. Такъ, по свѣдѣніямъ статистическаго комитета министерства финансовъ, въ періодъ 1870—1873 г.г., когда акцизъ на вино равнялся 6 коп. съ градуса, на 1 милліонъ жителей приходилось 70,6 смертей въ годъ отъ пьянства. Въ 1893—1894 г.г., при акцизѣ въ 10 к. съ градуса спирта, число смертей отъ пьянства сократилось до 40,9 на 1 милліонъ жителей.

Само собою разумѣется, что если дешевизна вина и свобода торговли имъ отразились даже на такомъ крайнемъ и исключительномъ явленіи, какъ смертность народа отъ пьянства, то, безъ сомнѣнія, новые питейные порядки должны были повліять на всѣ явленія жизни и при томъ именно въ направленіи развитія пьянства. Жалобы на пьянство сдѣлались, наконецъ, столь значительными, что обратили на себя вниманіе высшихъ правительственныхъ сферъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ образованы были комиссіи изъ „свѣдущихъ лицъ“, стоявшихъ близко къ народу,

*) „Алкоголизмъ въ Россіи и за границей“. „Русское Богатство“, 1884 г., № 11, и 1885 г. №№ 3, 4 и 5.

засвидѣтельствовавшая сильное развитіе въ народѣ пьянства, и это обстоятельство повлекло за собой изданіе въ 1885 г. закона, ограничившаго число распивочныхъ питейныхъ заведеній и подчинившаго наблюденіе за правильностью производства питейной торговли, сообразно съ мѣстными условіями жизни, особымъ уѣзднымъ и губернскимъ присутствіямъ, имѣвшимъ дискреціонное право не допускать къ питейной торговлѣ неблагонадежныхъ лицъ. Законъ этотъ не принеся, однако, осязательныхъ результатовъ и хотя, благодаря ему, число мѣстъ продажи вина нѣсколько сократилось, но взамѣнъ этого увеличилось корчемство.

Резюмируя значеніе акцизной системы по отношенію къ народной нравственности, главное управленіе неокладныхъ сборовъ пришло къ заключенію, что „въ общемъ своемъ результатѣ акцизная система, въ отношеніи къ народной нравственности, по скольку послѣдняя зависитъ отъ потребленія вина, привела лишь къ тому положенію, какое было до ея введенія,“ *) т. е. акцизная система оказалась въ дѣлѣ отрезвленія народа столь же несостоятельной, какъ и система откупная.

Придя къ убѣжденію въ несостоятельности акцизной системы, министерство финансовъ доказало цѣлымъ рядомъ положеній, основанныхъ на взятыхъ изъ дѣйствительной жизни примѣрахъ, что главной причиной массоваго, повальнаго пьянства народа является кабакъ и его владѣльцы, молящіеся одному богу—наживѣ и не останавливающіеся ни предъ какими средствами, чтобы только зашибить лишній пятакъ или гривенникъ; поэтому предложеніе нѣкоторыхъ защитниковъ акцизной системы, настаивавшихъ на реорганизаціи ея путемъ учрежденія болѣе строгаго надзора за питейными домами и усиленія наказанія за корчемство и пріемъ въ залогъ вещей, принято не было и правительство остановилось на мысли о необходимости совершенно уничтожить кабаки, вполне справедливо рассуждая, что одной изъ главныхъ причинъ повальнаго пьянства служитъ то обстоятельство, что при существующихъ порядкахъ для каждаго, желающаго выпить, слишкомъ много соблазна въ видѣ красующихся на каждой улицѣ и въ каждой деревнѣ вывѣсокъ, вѣщающихъ о продажѣ питей распивочно.

Уничтоженіе распивочной торговли, по мнѣнію министерства финансовъ, могло быть достигнуто въ томъ только случаѣ, когда сидѣльцы винныхъ лавокъ—люди благонадежные и незаинтересованные въ матеріальной сторонѣ дѣла. Иначе говоря, министерство пришло къ убѣжденію, что отрезвленіе народа возможно лишь при условіи передачи торговли виномъ въ руки назначенныхъ правительствомъ лицъ.

*) „Казенная продажа питей“. Н. О. Осипова, стр. 184.

Такимъ образомъ, оказалось справедливымъ высказанное въ 1826 г. графомъ Канкриномъ мнѣніе, что акцизная система должна неизбежно повести къ монополіи. Не правъ онъ оказался только въ томъ отношеніи, что утверждалъ, будто, введеніе казенной продажи питей будетъ вызвано фискальными цѣлями. Министерство финансовъ, объявляя о предстоящемъ введеніи монополіи, заявило, что цѣлей фиска оно не преслѣдуетъ, наоборотъ—оно помирится съ уменьшеніемъ питейнаго дохода даже на половину, такъ какъ утвержденіе нѣкоторыхъ лицъ, что питейный доходъ занимаетъ видное мѣсто въ обще-государственныхъ доходахъ и уменьшеніе его должно отразиться на состояніи государственной кассы,—несправедливо, и улучшеніе экономического благосостоянія населенія важнѣе для государства, чѣмъ нѣсколько лишнихъ милліоновъ, получаемыхъ съ питейнаго сбора, поэтому при выработкѣ положенія о казенной продажѣ питей оно будетъ руководствоваться одной идеей, однимъ стремленіемъ: по мѣрѣ возможности уменьшить въ народѣ пьянство. Нисколько не сомнѣваясь въ искренности этого заявленія министерства финансовъ, не можемъ, однако, не отмѣтить, что предположеніе его о возможности пониженія питейнаго дохода оказалось, какъ видно изъ отчетовъ по губерніямъ, гдѣ введена казенная продажа питей, неосновательнымъ. Напротивъ, почти повсемѣстно наблюдается ежегодный прогрессивный ростъ дохода, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (южныхъ и юго-западныхъ) увеличеніе количества потребляемаго вина. Отмѣчая послѣднее обстоятельство въ отчетѣ о казенной продажѣ питей, главное управленіе неокладныхъ сборовъ говоритъ, что увеличеніе количества потребляемаго вина не доказываетъ увеличенія пьянства и является вполнѣ естественнымъ, такъ какъ среднее количество душевого потребленія вина въ Россіи слишкомъ ничтожно (0,56), оно можетъ быть значительно больше при совершенномъ почти отсутствіи пьянства, что и наблюдается за границей. Въ Англіи, напримѣръ, среднее количество вина, потребляемаго въ годъ однимъ человѣкомъ, достигаетъ 12 ведеръ, между тѣмъ массоваго пьянства тамъ не замѣчается. Поэтому увеличеніе общаго количества потребляемаго вина должно приписать увеличенію числа лицъ, его потребляющихъ, въ связи съ болѣе правильнымъ распредѣленіемъ всего вина между отдѣльными индивидуумами. Насколько вѣрно это утвержденіе главнаго управленія неокладныхъ сборовъ, по отсутствію точныхъ статистическихъ данныхъ, судить не можемъ.

В. О—ій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ)

Воскресныя школы.

Давно, безвозвратно прошло то время, когда невѣжество массъ возводилось въ принципъ, когда боялись дать народу образованіе, страшась, чтобы оно не открыло ему глаза на его положеніе...

Еще люди 60-хъ годовъ, люди ума и таланта, проникнутые свѣтлымъ сознаніемъ служенія народу, стремились помочь ему въ этомъ направленіи и, зная хорошо, что подростки изъ народа, зачастую занятые въ будни повседневною жизнью не имѣютъ возможности посѣщать школы, открыли воскресныя школы, въ которыхъ каждый желающій могъ-бы научиться читать и писать...

Первая воскресная школа была открыта 14 октября 1856 г. въ Кіевѣ по инициативѣ попечителя учебнаго округа Н. И. Пирогова.

Съ тѣхъ поръ мы видимъ поразительный ростъ этихъ школъ. За время 1858 г. до 1867 г. ихъ было открыто на Руси 300, что служить лучшимъ доказательствомъ того, какъ жгуча была потребность народа въ образованіи.

Это тѣмъ еще знаменательнѣе, что случился тогда, когда крѣпостное право только что было отмѣчено и народъ еще не успѣлъ вполне встряхнуть съ себя привычки прошлаго...

Затѣмъ, въ жизни воскресныхъ школъ наступаетъ затишье..

И много потребовалось времени, чтобы онѣ вновь организовались, вновь получили-бы право гражданства на родной почвѣ...

Правда, въ 1866 году были открыты воскресныя школы при духовныхъ семинаріяхъ, но дѣло тамъ велось невозможнымъ образомъ, о чемъ свидѣлствуетъ В. П. Вахтеровъ въ своей книгѣ „Внѣшкольное образованіе народа“. Такъ, въ одной изъ такихъ школъ изъ 40 мальчиковъ за годъ выучилось читать и писать только *трое*... При такой постановкѣ дѣла эти школы не могли сыграть никакой роли въ дѣлѣ просвѣщенія народа; онѣ прозябали нѣкоторое время и, затѣмъ, закрылись сами по себѣ...

А между тѣмъ—потребность въ образованіи въ народѣ росла и крѣпла; школьники требовали школы и она была имъ дана людьми 70-хъ годовъ и санкціонирована положеніемъ 1874 года...

Этимъ положеніемъ всѣ воскресныя школы отнесены къ начальнымъ училищамъ. Онѣ могутъ быть учреждаемы правительствомъ, обществами городскимъ и сельскимъ, а также и частными лицами... Въ этихъ школахъ могутъ преподаваться: 1) Законъ Божій (краткій катехизисъ и св. исторія), 2) чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати, 3) письмо, 4) первыя четыре дѣйствія ариѳметики, 5) церковное пѣніе и только...

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе четверти вѣка. Положеніе 1874 года, быть можетъ, было хорошо для своего времени,—теперь же оно устарѣло. Жизнь идетъ впередъ и предъявляетъ инныя требованія, болѣе широкія. Подростки стучатся въ двери школы и претендуютъ на большія знанія, а наши воскресныя школы—школы только начальной грамотности и не могутъ, при всемъ желаніи, удовлетворить ихъ жажду знанія...

Цѣлью воскресныхъ школъ должны быть тѣ идеалы, которые лелѣялъ Стоюнинъ еще въ 60-тыхъ годахъ

Воскресныя школы, заповѣдалъ намъ Стоюнинъ, этотъ лучшій борецъ за народное просвѣщеніе, должны давать каждому желающему тѣ знанія, въ которыхъ онъ нуждается и гостепріимно открывать двери и для тѣхъ, которые уже знакомы

съ курсомъ начальныхъ училищъ. А положеніе 1874 года смотритъ на нихъ только какъ на школы грамотности...

Воскресныя школы собираютъ подъ знамя просвѣщенія учениковъ всѣхъ возрастовъ, различной подготовки. Здѣсь можно встрѣтить и малыша лѣтъ 8—9-ти, и человѣка среднихъ лѣтъ, и убѣленного сѣдинами; сюда приходятъ вовсе не умѣющіе ни читать, ни писать и лица съ сравнительно серьезной подготовкой, окончившіе уѣздное училище.

Мыслима-ли при этомъ какая бы то ни было программа? Ею можно только отбить охоту отъ занятій, внушить неуваженіе къ школѣ.

Отсюда естественно вытекаетъ нежелательность какой бы то ни было программы, т. е. тѣхъ тѣсныхъ рамокъ, въ которыя пришлось бы втиснуть подростковъ, или рамокъ слишкомъ широкихъ, которыя могутъ оказаться для нихъ лабиринтомъ...

Помимо просвѣтительной цѣли, школа—что очень важно—должна носить и общественно-воспитательный характеръ... Она должна уяснять молодому поколѣнію принципы рациональной нравственности и общественной солидарности, она должна внушить имъ простые, ясные взгляды на жизнь, любовь къ ближнему, заботы о слабомъ, пробудить въ немъ, въ школьникѣ, всѣ лучшія стороны человѣка, посвятить въ немъ доброе сѣмя гражданскихъ чувствъ, любовь къ отчизнѣ и уваженіе къ нашимъ лучшимъ людямъ...

Для этого школа путемъ разумныхъ чтеній и бесѣдъ всячески должна объяснять имъ, какъ ихъ права, такъ и ихъ обязанности, начала общественной солидарности, знакомить съ положеніемъ страны въ ея прошломъ, въ ея настоящемъ...

Воскресная школа должна объединить подростковъ всѣхъ возрастовъ, организовавъ об—ва взаимопомощи, гдѣ бы подрастающее поколѣніе могло практиковать эту солидарность, готовясь къ общественной дѣятельности.

Во Франціи, напримѣръ, уже существуетъ 2017 такихъ обществъ; они обнимаютъ собою 12 тысячъ народныхъ школъ, они имѣютъ $\frac{1}{2}$ милліона ежегодныхъ членскихъ взносовъ и 3 милліона франковъ основного капитала. И школьники Франціи раздали своимъ нуждающимся товарищамъ за одинъ прошлый годъ до 700 тыс. франковъ.

И только тогда, когда наши воскресныя школы станутъ преслѣдовать эти двѣ цѣли—просвѣтительную и воспитательную, онѣ будутъ стоять на высотѣ своего призванія и удовлетворять разумнымъ требованіямъ жизни...

Дмитрій Вольфсонъ.

Къ вопросу о тюрьмѣ и ея обитателяхъ.

Нормальный и здоровый человѣкъ рѣдко вспоминаетъ о больныхъ и лекарствахъ, нормальный и свободный человѣкъ еще рѣже думаетъ о преступникахъ и тюрьмахъ. Развѣ только, проходя по улицамъ города и встрѣтивъ необычный сѣрый арестантскій костюмъ, мелькнетъ у свободного человѣка скоро-преходящая мысль о „несчастненькихъ“, мелькнетъ, вызоветъ смутные, расплывчатые образы тюремнаго царства и улетучится до новаго случая. Нужны такіе таланты, какъ Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевскій, и такіе наблюдатели, какъ Л. Мельшинъ, А. Чеховъ и В. Дорошевичъ, чтобы сильнѣе привлечь вниманіе общества къ средѣ отверженныхъ и показать въ этой средѣ неумирающіе элементы человѣчности, объявить міру съ проникновенною силою таланта о томъ неизмѣримомъ морѣ страданій и горя, которое закрыто отъ глазъ свободного человѣка непроницаемыми стѣнами мрачныхъ тюремъ и остроговъ.

Развертывая передъ читателемъ съ удивительнымъ реализмомъ, насквозь проникнутымъ чувствомъ человѣчности, потрясающія картины изъ среды „образовъ звѣриныхъ“ и призывая его нравственное чувство туда, гдѣ трудно дышется, гдѣ горе слышится, изящная литература все-же не могла, конечно, дать точное знаніе о тюрьмѣ и ея обитателяхъ, а это точное знаніе крайне необходимо для того, чтобы получилась возможность оказанія существенной помощи тамъ, гдѣ она необходима, какъ воздухъ. Изящная литература могла только составить интересную главу въ цѣлой наукѣ о преступникѣ. И мы видимъ, что, на-примѣръ, знаменитый итальянскій ученый Энрико Ферри удачно занялся изученіемъ этой главы, опубликовавъ свои работы по вопросу о преступникахъ въ искусствѣ.

Разсматривая исторію науки о преступленіи и преступникѣ, невольно удивляешься тому обстоятельству, что эта наука, трактующая вопросы великой общественной важности, сравнительно очень недавняго происхожденія. Почти на всемъ протяженіи человѣческой культуры царитъ самый суровый взглядъ на преступника и самое формальное, отвлеченное понятіе о преступности, не дающее мѣста для сострадательнаго чувства, не допускающее мысли о томъ, что среди самыхъ тяжелыхъ нарушителей человѣческихъ законовъ легко могутъ быть безъ вины виноватые. Общество и общественное правосознаніе всю вину въ преступленіи приписывало исключительно злой волѣ преступника и, карая его самыми тяжелыми наказаніями, навсегда отвертывалось отъ него, какъ отъ зачумленнаго. „Для юриста старой школы,—говорилъ въ публичной лекціи г. Воротынскій,—преступникъ является лишь объектомъ для примѣненія отвле-

ченнихъ формулъ, выведенныхъ путемъ теоретическихъ построе- ній; жизненная, реальная сторона вопроса о преступности и ея ближайшихъ причинахъ не останавливала на себѣ вниманія юристовъ-классиковъ, которые исключительно заботились о томъ, чтобы по возможности точнѣе опредѣлить юридическія послѣд- ствія каждаго даннаго преступленія; объ изученіи личности преступника, его психо-физической организаціи не было и рѣчи; всѣ преступленія сводились къ „злой волѣ“ преступника, вслѣд- ствіе чего онъ, какъ обладающій свободной волей, долженъ всегда и неизмѣнно нести соотвѣтствующую кару за свои про- тивозаконные поступки и дѣйствія; наказаніе преступника должно было служить при этомъ необходимой мѣрой устрашенія, на- дежнымъ средствомъ исправленія. Такимъ образомъ, въ наказа- ній видѣли все: и необходимое возмездіе, какъ кару за причи- ненный вредъ, и средство къ предупрежденію преступленій, и мѣру къ ихъ уменьшенію. Сами же преступники не являлись для юстиціи объектомъ изслѣдованія, не служили юристу пред- метомъ для наблюденія и изученія: установивши преступленіе и опредѣливъ за него должную кару, правосудіе тѣмъ самымъ считало свою задачу выполненной, свою миссію—оконченной“ *).

Такой исключительно формальный взглядъ на преступленіе и преступника существовалъ до самаго послѣдняго времени. Только въ 70-хъ годахъ истекшаго столѣтія въ Италіи обра- зовалась цѣлая школа ученыхъ, во главѣ съ профессоромъ Ту- ринскаго университета Ч. Ломброзо, которая впервые и заня- лась изученіемъ преступника, какъ особаго типа людей. Эта школа получила названіе уголовно-антропологической. Новое ученіе о преступникѣ встрѣчено было оживленной критикой, и скоро въ самой партіи образовалось нѣсколько самостоятель- ныхъ фракцій. Признавая за установленный фактъ, что престу- пленіе есть патологическое явленіе въ нормальной обществен- ной средѣ, ученіе расходилось въ опредѣленіи тѣхъ факторовъ, которые приводятъ человѣка къ преступленію. Одни изъ уче- ныхъ (Итальянская школа) на первый планъ выдвигали антро- пологическій интересъ и первенствующее мѣсто отдавали біоло- гическимъ факторамъ, другіе—усматривали въ преступленіи прежде всего патологическое соціальное явленіе и выдвигали на первое мѣсто соціальныя факторы. Такъ учить Ліонская школа во главѣ съ знаменитымъ соціологомъ Тардомъ.

Оставляя пока въ сторонѣ подробную характеристику обоихъ направлений, мы укажемъ на чрезвычайно важное послѣдствіе новаго ученія въ сферѣ практической борьбы съ преступностью и преступленіемъ. Измѣнивъ радикальнымъ образомъ взглядъ на преступленіе и преступника, новая школа естественнымъ

*) „Ж. М. Ю.“ 1901 г. № 7, II ч 5—6 стр.

образомъ должна была измѣнить взглядъ и на наказаніе, и на его разнообразныя формы. Ранѣе считалось установленной аксіомой, что за преступленіемъ всегда должно слѣдовать наказаніе, которое одновременно должно было служить двѣ службы: явиться справедливымъ возмездіемъ и необходимымъ воспитательнымъ средствомъ. Тщательное изученіе преступности показало всю неосновательность такого убѣжденія: цифры говорили совершенно обратное. Одинъ изъ видныхъ криминалистовъ, Fr. von Liszt, *) изучившій уголовную статистику Германіи за 1882—1897 годы, сдѣлалъ такое наблюденіе, что преступность въ Германіи отнюдь не уменьшилась, а постоянно возрастаетъ. Въ 1882 году, напр., осужденныхъ малолѣтнихъ преступниковъ было въ Германіи 30719 человекъ, а въ 1897 году эта цифра возросла почти въ полтора раза—45251 человекъ. Подобные статистическіе выводы дали возможность г. Liszt'у сдѣлать слѣдующій справедливый выводъ: «наши наказанія не исправляютъ, не устрашаютъ и не оказываютъ предупредительнаго воздѣйствія, т. е. не воздерживаютъ отъ преступнаго посягательства; они, напротивъ, по большей части лишь укрѣпляютъ побужденія къ преступной дѣятельности». Въ своемъ сочиненіи о преступленіи, какъ о соціально-патологическомъ явленіи, названный ученый выставляетъ слѣдующіе три тезиса: „1) вѣроятность учиненія преступнаго дѣянія лицомъ, уже однажды наказаннымъ, больше, чѣмъ лицомъ, еще не подвергшемся наказанію; 2) вѣроятность учиненія преступнаго дѣянія растетъ вмѣстѣ съ числомъ отбытыхъ наказаній; 3) вѣроятность, что отбывшій наказаніе въ непродолжительномъ времени учинитъ новое преступное дѣяніе, возрастаетъ вмѣстѣ съ продолжительностью срока отбытыхъ наказаній“.

Въ этихъ выводахъ германскаго ученаго произносится смертный приговоръ современной пенитенціарной системѣ. И, дѣйствительно, такое воззрѣніе начинаетъ понемногу внедряться въ сознаніе общества, начинаетъ прививаться лицамъ, близко стоящимъ къ тюремному міру. Оффиціальныя и неоффиціальныя журналы начинаютъ обсуждать эти важные вопросы, на очередь ставится тюремная реформа, созываются съѣзды и конгрессы криминалистовъ, учреждается постоянный „Международный Союзъ Криминалистовъ“, отдѣленіе котораго дѣйствуетъ и въ Россіи **).

Между прочимъ, считаемъ нужнымъ отмѣтить прекрасный докладъ профессора по кафедрѣ психіатріи въ Вѣнскомъ университетѣ г. Бенедикта, прочитанный имъ на недавнемъ конгрессѣ криминальной антропологии въ Амстердамѣ ***).

*) Цитирую по ст. Воротынского.

**) См. отчеты о засѣданіяхъ русск. группы „М. С. К.“ въ Журн. Мин. Юст. .

***) Отчетъ о докладѣ напечатанъ въ 38 № „Судебн. Газеты“ за тек. годъ.

Профессоръ Бенедиктъ вмѣстѣ съ другими учеными одинаково признаетъ негодность современной карательной системы; онъ не допускаетъ мысли о томъ, чтобы современное наказаніе, преслѣдующее двѣ противоположныхъ цѣли, могло-бы имѣть хотя какой нибудь благотворный результатъ. Современная пенитенціарная система видитъ только одного отвлеченнаго, шаблоннаго преступника и караетъ всѣхъ преступниковъ одинаковыми мѣрами. Ошибочность такого взгляда г. Бенедиктъ доказываетъ слѣдующимъ образомъ. Онъ устанавливаетъ за исходный пунктъ разсужденія слѣдующее положеніе: каждое человѣческое дѣяніе есть продуктъ многихъ факторовъ и, прежде всего, зависитъ отъ природныхъ наклонностей, а, затѣмъ, отъ степени развитія, отъ пережитаго, передуманнаго и воспринятаго. Не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду, — говоритъ онъ, — что развитіе не можетъ идти противъ натуры, а можетъ лишь усилить одни, ослабить другія свойства, дать сдерживающіе и уравнивающіе импульсы и даже подавить нежелательныя природныя наклонности. Но, все таки, иныя вліянія такъ бываютъ значительны, что, получая значеніе почти природныхъ свойствъ, образуютъ то, что принято называть второю натурою. По мнѣнію г. Бенедикта, ученые до сихъ поръ игнорировали эту „вторую природу“ у преступниковъ, но наука и практика должны тщательно разработать этотъ вопросъ и „только тогда можно будетъ прослѣдить истинный характеръ cadaго преступленія и, въ зависимости отъ выяснившихся такимъ изслѣдованіемъ данныхъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ принять соотвѣтствующія мѣры“. Такое представленіе о преступности приводитъ профессора къ установленію слѣдующей тройной классификаціи преступниковъ: 1) преступники съ природными анормальными наклонностями, совершающіе противообщественныя преступленія (агенераты); 2) преступники, сдѣлавшіеся таковыми вслѣдствіе ненормальнаго развитія и окружавшей ихъ среды (дегенераты); 3) случайные преступники, которыхъ проф. Бенедиктъ называетъ совратившимися, эгенератами.

Естественно, что при каждомъ отдѣльномъ случаѣ преступленія необходимо твердо и точно установить тотъ разрядъ, къ которому относится преступникъ, и, сообразно этому разряду, примѣнить мѣру и степень наказанія. По мнѣнію проф. Бенедикта всегда необходимо обезвредить неисправимыхъ и исправить тѣхъ, кто еще носитъ въ себѣ задатки къ исправленію. Многовѣковая исторія карательныхъ мѣръ краснорѣчиво говоритъ намъ о томъ, что мы всегда можемъ обезвредить неисправимыхъ, но что касается исправленія, то здѣсь современная пенитенціарная система должна признать себя совершенно безсильной. Это безсиліе — великій грѣхъ общественной совѣсти предъ тѣми, кого русскій народъ называетъ „несчастными“.

Извѣстный русскій криминалистъ Д. А. Дриль совершенно справедливо указалъ на то, что исправленіе, даже уголовное, по самому существу своему, тождественно съ воспитаніемъ, въ точномъ смыслѣ этого слова, или, такъ какъ дѣло касается взрослыхъ, съ перевоспитаніемъ. Обычно такое правильное воззрѣніе встрѣчается скептическимъ вопросомъ: „неужели возможно воспитать или перевоспитать взрослого человѣка?“ — Такой вопросъ, конечно, совершенно умѣстенъ. Прочитывая многочисленныя статьи объ „уголовномъ перевоспитаніи“, мы не разъ встрѣчали очень уже оптимистическія воззрѣнія по этому вопросу, и совершенно умѣстно здѣсь припомнить умныя рѣчи великаго философа Шопенгауэра. Шопенгауэръ заявляетъ со свойственной ему проницательностью, что „для дѣйствительнаго исправленія человѣка требовалось бы преобразить весь родъ воспріимчивости къ мотивамъ, т. е. сдѣлать такъ, чтобы для одного чужое страданіе, какъ таковое, не было болѣе безразлично; для другого — чтобы ему не доставляло болѣе удовольствія причиненіе страданій, а для третьяго — чтобы всякое, даже ничтожное увеличеніе его благоденствія не перевѣшивало и не парализовало всѣхъ другого рода мотивовъ“. Въ этихъ словахъ философа мы встрѣчаемъ характерное опредѣленіе сущности уголовного перевоспитанія. При этомъ единственно, что Шопенгауэръ считаетъ достижимымъ, это — „просвѣтити голову, исправить взгляды, привести человѣка къ правильному пониманію объективно существующаго, истинныхъ отношеній жизни“. На такой путь встала, между прочимъ, американская пенитенціарная система.

Если пошире взглянуть на этотъ вопросъ, то нельзя не согласиться съ тѣмъ, что онъ сливается съ вопросомъ объ общественномъ упорядоченіи, и игнорированье его есть великій дефектъ современной общественности. Упомянутый выше криминалистъ Д. А. Дриль справедливо отмѣчаетъ то обстоятельство, что къ разрѣшенію вопроса объ общественномъ упорядоченіи общество призывается не только мечтательными гуманными теоріями, но и самою жизнью, подчиняющейся въ своемъ развитіи непреложнымъ законамъ. — Жизнь не стоитъ и не ждетъ, — пишетъ г. Дриль, — а неустанно движется впередъ, порождая при этомъ многообразныя измѣненія и осложненія въ окружающемъ насъ мірѣ. Населеніе растетъ и измѣняется въ своемъ отношеніи къ пространству и притомъ измѣняется теперь въ такой быстро возрастающей прогрессіи, въ какой оно не имѣлось прежде, и бывшій когда-то просторъ въ значительной уже части отошелъ или отходитъ въ область преданій; нарождаются и быстро растутъ громаднѣйшія городскія скопленія людей съ ихъ своеобразными особенностями; развивается машинизмъ, стремящійся упразднить трудъ человѣка, а съ нимъ вмѣстѣ увеличивается, съ

одной стороны, число людей, при теперешнихъ условіяхъ лишенныхъ и часто не знающихъ, куда преклонить свою отъ самаго рожденія обездоленную голову, а съ другой—увеличиваются въ числѣ невольно манящія къ себѣ удобства и блага жизни, доступныя, однако, далеко не для всѣхъ; сравнительно быстро развивается мощь техники и отдаетъ въ руки счастливецъ распоряженіе великими силами природы; накапливаются знанія, а съ тѣмъ вмѣстѣ усиливается научно-практическій критицизмъ и умственные горизонты расширяются; невѣроятно увеличиваются быстрота и легкость сношеній и разнообразныхъ соприкосновеній. ускоряется общій темпъ общественной жизни, чрезвычайно осложняются взаимныя отношенія и зависимости какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и общественныхъ группъ и отдѣльныхъ націй, и все болѣе выступаетъ на первый планъ общемировая сцена, а наряду съ этимъ, какъ необходимое слѣдствіе дѣйствующихъ теперь факторовъ, усиливается взаимная борьба за существованіе... *)

Понятно, что повышенный и ускоренный темпъ современной жизни, повышенная и интенсифицированная борьба за жизнь производятъ слишкомъ много человѣческихъ краховъ, такъ какъ нужно имѣть хорошую голову и хорошую волю, чтобы избѣжать этихъ краховъ. И тысячу разъ правъ Шопенгауэръ, что необходимо прежде всего „образумить“ зарвавшагося человѣка, потерявшаго способность различать смутную для многихъ границу добра и зла, границы дозволеннаго и недозволеннаго. Тѣ же средства карательной системы, которыя употреблялись донынѣ, болѣе уже негодны, безцѣльны и слабосильны. Борьба съ преступностью должна, наконецъ, выйти изъ узкихъ рамокъ полицейско-административнаго вопроса: она должна сдѣлаться социальнымъ вопросомъ, вопросомъ общественнаго упорядоченія, при которомъ всего менѣе нужны ужасы тюрьмы и каторги.

Разрѣшеніе этого важнаго общественнаго вопроса лежитъ въ отдаленномъ будущемъ. Пока-же культурныя страны выступаютъ на путь частичныхъ улучшеній и въ основу этихъ улучшеній кладется хорошій завѣтъ инициатора лондонскаго международнаго тюремнаго конгресса д-ра Wines: „мудро обращаться къ лучшимъ чувствамъ человѣчества даже тогда, когда мы имѣемъ дѣло съ людьми низкими и деградированными. Обращайтесь съ виновникомъ зла, какъ себѣ подобнымъ, и болѣе, нежели вѣроятно, что его воля отзовется на вашъ призывъ; обращайтесь съ нимъ, какъ съ собакой, и онъ будетъ дѣйствовать, какъ она“.

М. Боголѣповъ.

*) „Ж. М. Ю.“ № 7, 1901 г., стр. 103—104

Замѣтки наблюдателя.

(Отголоски дѣла поручика К—а. Наши публицисты. Мнѣніе генерала М. Драгомирова. Рѣчь орловскаго предводителя дворянства М. Стаховича о свободѣ совѣсти. Отклики русской печати на эту рѣчь и мнѣніе священника Т. Черкаскаго. Кто правъ? Школьныя сберегательныя кассы и ихъ отрицательное значеніе. Реформа въ еоодосійской женской гимназіи. Два слова о боняѣ, высѣченной крапивой, и нравахъ зарайцевъ. Кіевскіе селадоны.)

Дѣло объ убійствѣ въ петербургскомъ зоологическомъ саду поручикомъ К. г. М., породившее такъ много толковъ и мнѣній, дало намъ поводъ еще разъ убѣдиться, насколько мы еще близоруки и какъ трудно иногда, если не всѣмъ, то нѣкоторымъ, разжевать такіе вопросы, гдѣ нужны не потуги остроумія, а просто логика и знаніе своего отечества. Нѣсколько времени назадъ въ другомъ мѣстѣ и по другому случаю мы уже говорили, что наша публицистика измельчала и представляетъ собою нѣчто достойное вниманія, какъ переживающая, повидимому, переходное время, такъ сказать, „легкій кризисъ мысли“, и, вслѣдствіе этого, носящая оттѣнокъ дряблости, чего-то стараго, избитаго и нѣсколько разъ пережеваннаго. Къ такому выводу насъ привели долгія наблюденія и думаемъ, что не только мы одни, но и другіе, которые интересуются прогрессомъ русской жизни и мысли, замѣтили, какъ мало у насъ идейныхъ, сильныхъ мыслей, работниковъ печати и какъ часто трезвое слово ихъ, раздавшееся съ общественной трибуны и бичующее то или другое явленіе, мгновенно поступаетъ въ „переработку“ и „перелицовку“; другими словами говоря, подхватывается на-лету разными ловкачами печати, особенно претендующими на званіе литератора, и начинается... жеванье чужихъ мыслей, вставки, передѣлки, словомъ—литературная стряня—гдѣ своего ни волоска, а чужого вдосталь... Однимъ изъ характерныхъ подтвержденій замѣчаемаго явленія можетъ служить и дѣло К., облетѣвшее всю Россію и вызвавшее бурную словесную войну между лейбъ-публицистами, просто публицистами и quasi-публицистами. Даже „Мос. Вѣд.“ и тѣ произвели эффектную пальбу, немножко трескучую и оглушительную,—какъ и слѣдовало ожидать, оставшись при особомъ мнѣніи... Въ столичной и провинціальной печати мнѣнія по сему поводу разошлись и даже настолько, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣли между собою очень мало точекъ соприкосновеній, точно люди говорили на двухъ разныхъ языкахъ и, въ то-же время, о предметѣ, который со всѣхъ сторонъ представлялъ нѣчто новое, незнакомое, такъ сказать, *terra incognita*... Можетъ быть, все это произошло случайно, неожиданно, но съ другой стороны возможно предполагать и нѣчто другое

Предлагаютъ дозволить носить гражданское платье нашимъ военнымъ и этимъ самымъ находятъ возможнымъ разрѣшить кардинальный вопросъ о мундирной чести. По ихъ мнѣнію, такимъ образомъ, будутъ отрѣзаны всѣ пути къ случайнымъ столкновѣніямъ и будетъ найденъ наилучшій выходъ изъ того заколдованнаго круга, изъ котораго нѣтъ иного выхода, кромѣ кровавой развязки. Но все это, по нашему мнѣнію, плодъ незрѣлой мысли. Мы позволимъ себѣ сослаться въ доказательство безсодержательности предложенія на такой авторитетъ, какъ генералъ М Драгомировъ. Чтобы избѣжать столкновѣній, генералъ рекомендуетъ другое болѣе простое и лучшее средство. Мундирная честь, говоритъ генералъ, есть святыня, которую не слѣдуетъ вездѣ и всюду высовывать на показъ, и еще болѣе нельзя той-же святыней устилать проѣзжія дороги, чтобы нашъ девизъ, наше заветнѣйшее „credo“ не было попрано и оскорблено невѣрными. Мысль эту еще лучше развиваетъ газета „Россія“. Не будетъ, говоритъ она, въ пьяныхъ мѣстахъ мундира,—не будетъ возможности и къ случайнымъ оскорбленіямъ чести мундира. Логика простая и ясная.

Да, дѣйствительно, простая и ясная и къ тому-же старая, давно извѣстная и даже имѣвшая свое практическое примѣненіе. Такъ, напр., въ одномъ военномъ южномъ округѣ мы знаемъ, существовалъ приказъ о томъ, чтобы г.г. офицеры не посѣщали-бы такихъ-то и такихъ-то увеселительныхъ мѣстъ подъ опасеніемъ подвергнуться дисциплинарному взысканію. Несомнѣнно, такой приказъ былъ продиктованъ желаніемъ оградить офицеровъ отъ случайныхъ столкновѣній, легко и быстро вспыхивающихъ тамъ, гдѣ посѣтители, налившись „отечественною“ и разными настоянками, въ большинствѣ случаевъ, перестаютъ чувствовать подъ собою почву и часто переходятъ границы приличія. Въ такой атмосферѣ, гдѣ нравственность виситъ на волоскѣ, гдѣ „дымъ коромысломъ стоитъ“, гдѣ за людей устами людей говоритъ „сногсшибательная влага“, не мѣсто мундиру—этой святыни, какъ выражается генералъ М. Драгомировъ. Что-же тутъ непонятнаго или неяснаго? Но въ томъ-то и дѣло, что... случается нерѣдко намъ и трудъ и мудрость видѣть тогда... когда ларчикъ открывается просто. Съ вопросомъ о мундирной чести случилось тоже самое. Въ трогательныхъ сентенціяхъ—договорились чуть-ли не до геркулесовыхъ столбовъ: съѣхались, перепутались и не разѣхались. Завязали въ дебряхъ „сырыхъ мыслей“ и пошли строчить турусы на колесахъ, подбадривая себя броунъ-секаровскою жидкостью и легкими полетами мыслей на западъ, рисующійся многимъ только въ розовыхъ краскахъ. Такъ, одинъ „нововременскій“ оригиналъ, въ пылу логическихъ заблужденій, бія себя въ перси, рѣшительно совѣтуетъ дозволить офицерамъ носить гражданское платье внѣ службы. И вотъ почему! Почтенный и святой символъ обязательно выказывается наружу въ неподходящемъ мѣстѣ при неимѣніи права надѣвать гражданское платье, но если на такой случай дозволить снять внѣшній символъ, то это вовсе не будетъ значить, что тѣмъ самымъ онъ вытравляется и изъ сердца. Но—хорошо: зачѣмъ-же, спросимъ мы, показываться въ неподходящемъ мѣстѣ? Разъ оно неподходящее, то мы думаемъ, что даже и штатскіе, прежде чѣмъ объявиться тамъ, подумаютъ надъ этимъ...

Такъ къ чему-же, какая надобность итти туда, куда войти немножко предосудительно. Но—мы примемъ эти ламентации на-вѣру и зададимъ автору другой вопросъ: а съ точки зрѣнія дисциплины—какъ обстоитъ дѣло? Вопросъ этотъ авторъ благо-разумно опускаетъ, обходитъ; такъ какъ, само собою разумѣется, что чуть только авторъ коснулся-бы его, аргументація разлетѣлась-бы вдребезги. Слона-то, какъ видно, авторъ не примѣтилъ, а между тѣмъ—интересы дисциплины прямо таки идутъ въ разрѣзъ съ предлагаемымъ новшествомъ. Военская дисциплина зиждется не только на служебномъ долгѣ въ узкомъ значеніи, а складывается изъ совокупности ряда требованій и правилъ одинаково необходимыхъ какъ въ строю, такъ и внѣ строя, и имѣющихъ цѣлью поддерживать твердую, разумную и незыблемую дисциплину.

Мы, съ своей стороны, по данному вопросу рѣшительно присоединяемся къ мнѣніямъ генерала М. Драгомирова и газеты „Россія“ и думаемъ, что ломать въ нѣкоторыхъ частяхъ общій воинскій порядокъ врядъ-ли слѣдуетъ, хотя-бы уже потому, что выходъ изъ этой житейской альтернативы, все таки, есть. Для этого слѣдуетъ только произвести регистрацію неподходящихъ мѣстъ и сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе. Вотъ все, что нужно!

Немногое, но много!

Какъ видите, самъ по себѣ выдвинутый вопросъ вовсе не такъ сложенъ, чтобы сокрушаться надъ нимъ и въ поискахъ истины блуждать съ факеломъ въ рукахъ по дебрямъ здраваго смысла. А между тѣмъ, чего-чего только не наговорили! И гражданское платье, и „финансовое“ положеніе военныхъ, и „особая каста“, и прочія громкія слова, иваче говоря, рецепты для спасенія отечества, выуженные изъ взбаламученныхъ болотъ сверхъ — соображеній... Въ „Моск. Вѣд.“ г. Хозарскій — такъ этотъ даже, со свирѣпостью Малюты Скуратова, провозгласилъ „слово и дѣло“ по адресу „Россіи“, обозвавъ сотрудниковъ этой газеты „эmissарами Пугачева“, и пр.

Да, многое наговорили и, конечно, среди общаго шума слышались и трезвыя слова, но ихъ было немного и думаемъ только потому, что истинно-просвѣщенныхъ публицистовъ у насъ довольно мало. Вотъ и сейчасъ поднять весьма серьезный вопросъ о свободѣ совѣсти, по поводу рѣчи М. Стаховича, произнесенной на орловскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ. По поводу рѣчи М. Стаховича одна изъ столичныхъ газетъ говоритъ:

„На дняхъ въ Орлѣ закончилъ свои занятія мѣстный миссіонерскій съѣздъ, разсматривавшій рядъ вопросовъ о борьбѣ православія съ обурѣвающими его ересями и сектами. Въ одномъ изъ собраній съѣзда орловскій губернский предводитель дворянства М. А. Стаховичъ произнесъ интересную рѣчь, касающуюся одного изъ самыхъ наболѣвшихъ неотложныхъ и важныхъ вопросовъ русской государственной и общественной жизни — вопроса о свободѣ совѣсти. Уже давно это элементарное право властно требуетъ себѣ осуществленія. Уже давно и церковь въ истинномъ значеніи этого слова — и вѣрующіе жаждутъ реальнаго признанія вѣковѣчной истины: въ началѣ бѣ слово, и слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ слово. Все величіе, вся внутренняя красота христіанства лежатъ въ этой вѣковѣчной истинѣ, — и не православной церкви, не знавшей костровъ, инквизиціи и непогрѣшимаго папства, уклоняться въ сторону іезуитизма и уголовной эгиды надъ тѣмъ, что свято только силою духа!..“

Рѣчь М. Стаховича, напечатанная полностью въ „Орл. Вѣст.“, по силѣ и логикѣ убѣжденій представляетъ собою огромный интересъ. Въ общихъ чертахъ она свободится къ необходимости установленія свободы совѣсти. „Гдѣ нѣтъ, говоритъ М. Стаховичъ, свободы для слова, свободы для мнѣнія, свободы для сомнѣнія, свободы для исповѣданія, — тамъ нѣтъ и мѣста для дѣла вѣры, тамъ не повѣтъ Духъ Господень, тамъ пребудутъ безсильными всѣ старанія, всякое рвеніе! Что выражается требованіемъ свободы совѣсти? Для кого и для чего оно нужно? Для торжества-ли лживыхъ и суевѣрныхъ ученій? Ничуть не бывало. Требованіе свободы совѣсти опирается лишь на самомъ словѣ Божіемъ. Требованіе свободы совѣсти — есть требованіе свободы для самой церкви, — эта свобода необходима для ея собственной жизни духа, для ея торжества, для ея побѣдъ. И долгъ миссіонерскаго съѣзда провозгласить необходимость свободы совѣсти
Я предлагаю орловскому миссіонерскому съѣзду такъ прямо и высказаться, и возбудить это ходатайство надлежащимъ порядкомъ“...

Въ столичной печати, какъ и слѣдовало ожидать, рѣчь М. Стаховича встрѣтила откликъ и вызвала по существу обмѣнъ мнѣніями, правда — въ данное время еще не закончившійся. Остановимся на нѣкоторыхъ ламентацияхъ выразителей своихъ думъ, пощупывающихъ почву съ опаскою, съ поджиманіемъ хвоста, и съ вопросомъ на устахъ: „какъ-бы чего не случилось?“ Надо сознаться, что среди работниковъ печатнаго станка есть, такъ — называемые, и „литературные тартюфы“, до самозабвенія лелѣющіе на своей груди принципъ; *чего изволите?* и умѣющіе во всякое время и среди всевозможныхъ обстоятельствъ — *держаться въ тѣнѣ*.

Мудрено, даже очень мудрено, понять, что хотѣло сказать по поводу рѣчи М. Стаховича „Новое Время“. Съ одной стороны эта газета беретъ подъ свою защиту г. Стаховича, съ другой — силится оспорить по существу его мнѣнія, находя ихъ односторонними. Неблагодарную задачу — разсѣять туманъ, окутывающій сентенціи „Нов. Вр.“, — взялъ на себя сотрудникъ „Новостей“ г. Л. Полонскій.

„Практически, говоритъ онъ, вопросъ представляется нынѣ такъ: слѣдуетъ-ли при пересмотрѣ уложенія о наказаніяхъ отмѣнить или сохранить уголовныя кары по дѣламъ вѣроисповѣданія? Можно признавать, что настало время для отмѣны упомянутыхъ каръ или что время еще не настало. Середины не существуетъ! Всякій иной отвѣтъ будетъ только уклончивымъ. А таковъ по своей формѣ и отвѣтъ, который даетъ „Новое Время“.

Но — довольно объ этомъ. Опуская аргументацію „Нов. Вр.“ — перейдемъ къ рѣчи М. Стаховича. Послѣдній, безспорно, выдвинулъ на очередь весьма серьезный вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ — дѣйствительно-ли нужны „внѣшнія воздѣйствія“ въ области духовной, или наоборотъ? Священникъ Т. Черкасскій отвѣчаетъ на это такъ:

„внѣшними воздѣйствіями“ оскорбляются въ человѣкѣ лучшія чувства, оскорбляется его человѣческое достоинство, какъ свободно-разумнаго существа, поселяются въ немъ скрытность и ханжество, притворство, ложь, злоба и человѣконенавистничество“.

Все это, конечно, такъ — сказано вѣрно и, несомнѣнно, фотографически вѣрно. Но лучшимъ судьей въ разрѣшеніи этого капитальнаго вопроса, думаемъ, можетъ служить исторія пережитаго. Она, эта пластинка, на которой отразились жизнь и интересы народовъ, среди другихъ явленій, имѣетъ доказательство и тому, какъ продуктивна и плодотворна на нивѣ духовной была дѣятельность просвѣтителей и проповѣдниковъ вѣры христіанской въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдними руководило

лишь чувство любви къ ближнему и глубокая вѣра въ святость своего дѣла. Къ чему-же создавать тормозы, устѣвая естественный путь „плевелами“? Но, еслибы даже исторія и не дала-бы намъ такихъ замѣчательныхъ примѣровъ, все-же необходимо согласиться, что лучшее средство на почвѣ религіозныхъ заблужденій и борьбы съ ними, лишь только — слово! Силою убѣжденій, горячими проповѣдями,—возможно достигнуть лучшихъ результатовъ въ области духовной, нежели съ помощью чего либо другаго.

Все, что мы говоримъ, далеко не ново и давно сознано мыслящими людьми, искренно желающими дорогой родинѣ духовной мощи, развитія и подъема нравственныхъ силъ, на почвѣ глубокаго уваженія къ закону и государственному строю. Но у насъ, обыкновенно, все складывается такъ:—когда тотъ или другой скажетъ трезвое совершенно новое слово, побуждаемый къ этому любовью къ отечеству, не имѣя къ тому-же никакихъ злопыхательныхъ цѣлей, а лишь желаніе указать на лучший выходъ изъ того или другаго положенія, то маргариновые патріоты сейчасъ-же, хлопнувъ себя ладонью по лбу, съ яростью накидываются на смѣлаго человѣка и начинаютъ потрошить его, возводить въ Робеспьера и говорить удивительныя нелѣпости...

Такъ случилось и съ рѣчью М. Стаховича

И не правъ-ли я, читатели, послѣ всего этого, что наша публицистика измельчала? Да, вѣрно!

Перейдемъ къ другимъ вопросамъ.

Газета „Волянь“ напечатала заслуживающую особаго вниманія статью, въ которой высказываетъ рядъ серьезныхъ замѣчаній противъ школьныхъ сберегательныхъ кассъ. Очень хорошо и отрадно, что все то, что касается нашей школы, вѣрно—интересовъ нашего подрастающаго поколѣнія, нашей будущности, печать не оставляетъ безъ вниманія и обсуждаетъ съ критической оцѣнкою всѣ явленія изъ жизни ея. Школа—это главная артерія государственнаго организма и ея значеніе для государства слишкомъ велико, какъ неизсякаемый источникъ интеллектуальной силы.

Какъ извѣстно, министерство народнаго просвѣщенія недавно разрѣшило устроить при учебныхъ заведеніяхъ сберегательныя кассы съ цѣлью дать возможность дѣтямъ сдѣлать „сбереженія“ путемъ копсечныхъ вкладовъ. Казалось-бы, въ нашъ матеріальный вѣкъ, когда вертящійся рубль даетъ тонъ обывательскимъ интересамъ и мечтамъ, развитіе въ дѣтяхъ началъ бережливости, должно имѣть хорошую сторону и заслуживать добраго слова, но это—казалось-бы... Въ дѣйствительности-же

съ точки зрѣнія практики, а не теоріи, дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. Вотъ, что говоритъ по этому поводу газета „Волянь“:

„Постараемся, пишетъ она, ближе присмотрѣться къ школьнымъ классамъ и выяснить ту сумму матеріальной и нравственной пользы, которую они могутъ принести нашимъ дѣтямъ. Здѣсь придется, къ сожалѣнію, повторить прописную истину о томъ, что дѣтскій организмъ отличается чрезвычайной воспріимчивостью и отзывчивостью ко всему; и эта то воспріимчивость въ данномъ случаѣ наиболѣе опасна. Дѣти, думается намъ, не должны имѣть ничего общаго съ деньгами. Пользуясь гибкостью и воспріимчивостью дѣтскаго организма, мы должны вселять въ него самое лучшее, самое чистое, а не приучать дѣтей чуть-ли не съ пеленокъ, къ скопидомству и плюшкинству. Школьные же кассы, волей-неволею, приведутъ къ этому. И для чего-же, спрашивается, вводить подобнаго рода кассы въ школу? Для чего заполнять дѣтскія головы мечтами о будущихъ „капиталахъ“; зачѣмъ калѣчить ихъ духовныя способности? Дѣтямъ состоятельныхъ родителей копить нечего, такъ какъ родители сами съумѣютъ позаботиться о нихъ, а дѣти бѣдняковъ — все равно ничего не накопятъ, пока не станутъ зарабатывать. Кому же нужны всѣ эти мнимыя работы“?...

Совершенно вѣрно: кому нужны? Вопросъ этотъ, простой, несложный, повидимому, не занималъ никого, а между тѣмъ — какая глубокая опасность стоитъ за плечами его и сколько горечи таится въ немъ самомъ. По нашему мнѣнію, школа — прежде всего — должна быть школою. Она должна воспитывать и образовывать, она должна поддерживать и развивать въ дѣтяхъ самое лучшее, самое чистое и быть въ сторонѣ отъ идей, чуждыхъ ей по своему внутреннему содержанію, какъ могущихъ вызвать въ воспріимчивыхъ и отзывчивыхъ натурахъ, еще неокрѣпшихъ и несформировавшихся вредныя и нездоровыя наклонности. Поэтому было-бы крайне желательно, чтобы это коммерческое предпріятіе, призванное къ жизни въ школахъ — выдворили отсюда съ такою же сердечностью, съ какою и ввели. Не мѣсто въ школѣ, въ этомъ святилищѣ, хотя-бы и маленькомъ, но все-же коммерческимъ предпріятіямъ! Заговоривъ о школѣ, мы позволимъ себѣ продолжить нашу бесѣду, такъ сказать, выдернуть другую черную ниточку, и по другому поводу, особенно много говорящему и сердцу, и уму. Мы давно знаемъ, что, вообще, законы святы, но только иногда бываютъ лихіе супостаты. И, вотъ, собственно объ этихъ супостатахъ мы и намерены говорить. Въ ѳеодосійской женской гимназій, по словамъ „Крымскаго Вѣст.“, начальство особенно обременено заботами... о формѣ, и направило львиную долю своей дѣятельности на эту сторону тоже школьнаго вопроса.

Послѣ того, говоритъ газета, какъ прошло уже цѣлый мѣсяцъ ученія и всѣ дѣвочки пошили платья и фартуки по-прежнему образцу, въ гимназій затѣяли реформу въ области перелицовки ученицъ. На лифѣ пуговицы переносятся съ боковъ на грудь, фартучки украшаются бантами и сборками, кругомъ фестончики, фестончики и фестончики... Очевидная забота о приготовленіи дамъ просто пріятныхъ и пріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Читая эту маленькую страничку, вырванную изъ жизни отеческихъ попеченій и сердечности, невольно задаешься вопросомъ:

а въ какомъ-же это вѣкѣ-то мы живемъ? Слишкомъ ужъ все тутъ просто, оригинально, немножко поэтично и страшно неостроумно. Впрочемъ, послѣднее обстоятельство въ счетъ не должно итти: по части остроумія у насъ, собственно говоря, хроническій „неурожай“, такъ—потугъ. усилій—сколько угодно, а остроумія... Гмъ, лучше оставимъ этотъ вопросъ открытымъ. Ну, да и въ данномъ случаѣ „не били“ на остроуміе, а, очевидно, лишь желали блеснуть оригинальностью за счетъ тощихъ и толстыхъ кармановъ родителей, помышляя, что если какой нибудь родитель и закричитъ: „что за комиссія, Создатель, быть гимназисточки отцомъ?“, то, все-таки, это не повредитъ глубокомыслию проекта реформы. Нынѣ, вѣдь, все реформы и реформы—таково ужъ вѣяніе—и распоряженіе въ Θεодосійской гимназіи—есть прямое слѣдствіе побѣды духа времени. Сборочки, бантики, фестончики—все это для глаза весьма хорошо, даже очень хорошо, даже это возвышенно и великолѣпно. Приучать къ кокетству—идея, несомнѣнно, симпатичная, трогательная и—тѣмъ болѣе: такъ какъ для женщины кокетство—„лучшій козырь“ въ ея жизни. Въ этой маленькой затѣѣ сказалась большая опытность и прозорливость...

Порадовалъ насъ и вологодскій корреспондентъ „Сѣв. Кр.“, сообщившій, что по городу циркулируетъ слухъ о намѣреніи ввести въ вологодской женской гимназіи... карцеръ! Правда—это только слухъ, а слухами земля полна, но, право, идея тоже недурна. Однако, не будемъ комментировать это обстоятельство—подождемъ дальнѣйшихъ извѣстій и тогда, если слухъ сдѣлается фактомъ, поговоримъ особо. Въ ожиданіи же этихъ извѣстій, побесѣдуемъ о нравахъ аборигеновъ Зарайскаго уѣзда. Корреспондентъ „С.-Пет. Вѣд.“ отсюда пишетъ замѣчательныя вещи, читая которыя только и можно сказать: да, многое есть въ природѣ, другъ Гораціо, чего и не снилось нашимъ мудрецамъ! Повидимому, здѣсь міросозерцаніе обывателей тоже вымощено и выслано добрыми намѣреніями... Здѣсь жизнь пропитана идилліею и отовсюду вѣетъ поэзіею, отъ которой обыватели и млѣютъ, и тлѣютъ.

Обратимся къ фактамъ.

Въ усадьбѣ при селѣ Булыгинѣ, пишетъ корреспондентъ, господа землевладельцы Полтавы, мужъ, жена и ея сестра, г-жа Го—нъ, ни болѣе ни менѣ какъ выскли крапивою бонну своихъ дѣтей. Дѣло началось съ пререканій изъ-за воспитаніе дѣтей, которыя стали выказывать своей боннѣ слишкомъ много расположенія, что почему-то задѣло за живое родственную гордость старшихъ. „Со сдѣланными этими старшими замѣчаніями бонна не согласилась. Тогда ей надавали оплеухъ, потомъ заташили ее въ отдѣльную комнату, гдѣ обѣ дамы принялись ее держать, а самъ хозяинъ стегать крапивою“...

Далѣе не цитируемъ. Кажется, достаточно и этого, чтобы составить себѣ ясное представленіе о нравственномъ обликѣ и умственномъ развитіи этихъ самодуровъ, позволившихъ себѣ

насиліе надъ беззащитною женщиною въ такой отвратительной формѣ. Что всего хуже, такъ это то, что дамы принимали самое дѣятельное участіе въ импровизированной экзекуціи и, быть можетъ, кто знаетъ—сами навели на мысль избрать орудіемъ мести крапиву. Вотъ и говорите послѣ этого, что женщины — *украшеніе міра, что онѣ — сотканы изъ эфира, что онѣ — неоцѣнимый даръ неба* и т. д.

Мы не принадлежимъ къ числу панегиристовъ, потому что намъ ближе къ сердцу дѣйствительность, мірская суета, гдѣ все спутано, перепутано и гдѣ нѣтъ ни начала, ни конца. Кромѣ того, необходимо согласиться и съ тѣмъ, что женщина, съ психической точки зрѣнія, представляетъ собою неразрѣшимую диллему міра.

„Женщины, вы—божества ада“! — устами одного изъ своихъ героевъ сказалъ геніальный В. Шекспиръ и, все-таки, мы думаемъ не исчерпалъ этимъ истину, не разрѣшилъ вопроса... Темна, очень даже темна вода во облацѣхъ!

„Зарайскій самосудъ“ — для нашего времени характерное явленіе. Участіе въ немъ дамъ, тщательно державшихъ за руки несчастную жертву и, быть можетъ, считавшихъ взмахи крапивы, заставляетъ какъ-то болѣе снисходительнѣе отнестись къ роли мущины, очевидно, взявшаго на себя грязную обязанность изъ чувства уваженія и почтенья къ доморощеннымъ новаторшамъ, или, что еще хуже, вслѣдствіе пребыванія подъ башмачкомъ воинственной супруги, что бываетъ, въ особенности тамъ, гдѣ подруги жизни, эти безцѣнные жемчужины, права крутого и строгаго.

Очень жаль, что „зарайская исторія“ осталась безнаказанной въ силу неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ и добраго сердца оскорбленной, а то пошли-бы двѣ онѣ, а за ними онъ“ въ мѣста уединенія, для отдыха и успокоенія взвинченныхъ нервовъ. Надо сознаться, зарайцы, вообще, люди нервные и слишкомъ откровенные. Блестящимъ подтвержденіемъ развязности и пылкости характеровъ зарайцевъ можетъ служить и другой пассажъ, разыгравшійся довольно эффектно въ одномъ изъ общественныхъ засѣданій. Тутъ, какъ сообщаетъ та-же газета, ругаются въ „чистую“. Такъ, напримѣръ, на одномъ изъ послѣднихъ засѣданій, одинъ изъ земскихъ дѣятелей прямо обозвалъ своихъ коллегъ „подлецами“.

Какой сердитый народъ! Ну, что-бы какънибудь иначе... Что это: утонченная откровенность или мѣстный обычай?

Когда слушаешь и видишь, говоритъ корреспондентъ, все это со стороны, то, по истинѣ, только дивишься возможности такихъ инцидентовъ и еще многого другаго, что сокрыто подо всѣмъ этимъ, тамъ внизу, что тщательно сохраняется въ жизни и о чемъ между собою шепотомъ осмѣливаются говорить зарайцы.

Совсѣмъ легендарная сторонущка! И самосуды есть, и покорныя овечки, которыхъ стригутъ, гладятъ противъ шерсти и заставляютъ утираться чуть-ли не плевками. Какъ вамъ все это нравится?

Какія уморительныя тривіальности!

Тишина, гладь — да Божья благодать, а съ другой стороны люди, съ своими нервами, страстишками, откровенностями и прочее. Чудная, веселая — сторонущка! Безсмертные гоголевскіе герои, попавъ сюда, съ трепетнымъ замираніемъ сердца непременно сказали-бы: *мы ваши!* И болѣе ни слова.

Чтобы закончить свои наблюденія, намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о кіевлянахъ. Кіевскій полиціймейстаръ сдѣлалъ распоряженіе объ усиленіи полицейскаго надзора у женскихъ гимназій въ часы расхожденія учащихся, т. е. отъ часу до 3 ч. дня. На это время назначается на дежурство околоточный надзиратель, а ко всѣмъ женскимъ гимназіямъ и пансіонамъ должны подходить ближайшіе постовые городовые и какъ по заявленію, такъ и по личнымъ наблюденіямъ, задерживать и доставлять въ полицію всѣхъ мужчинъ, пристающихъ къ воспитанницамъ.

Говорятъ, нѣтъ слѣдствія безъ причинъ и, очевидно, мѣра эта вызвана необходимостью. Кіевскіе селадоны, Ромео и Отелло, повидимому, хватаютъ черезъ край. Какія горячія сердца! Сколько пылкости, страсти и огня! И при этомъ въ такомъ избыткѣ, что потребовалось вмѣшательство даже полиціи. До сихъ поръ мы знали только о существованіи севильскихъ селадоновъ, этихъ любителей романическихъ эффектовъ, съ возвышеннымъ чувствомъ исторгающихъ нѣжные звуки изъ гитары подъ легкій плескъ воды, шумъ шевелящейся занавѣски и освѣжающаго зефира, у оконъ божественныхъ твореній... Теперь Севилья уступила свою, воспѣтую поэтами, славу Кіеву. Иначе, чѣмъ-же объяснить своеобразный „походъ“ кіевскихъ Ромео на гимназистокъ? Впрочемъ, не знаете-ли вы, читатель?

„Русская Севилья“!..

Съ одной стороны — какъ будто лестно, съ другой... съ другой неблагопристойная выходка кіевскихъ донъ-жуановъ вызываетъ на грустные размышленія.

Культурный, древній городъ, имѣющій за собою свѣтлое историческое прошлое, — и, вдругъ, такая нравственная распущенность. Не виновато-ли здѣсь само общество?

Гвидонъ.